

Н. ЗАГОРСКИЙ

ОБНИЩАНИЕ

РАБОЧЕГО
КЛАССА

в

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ

СТРАНАХ

1033

П А Р Т И З Д А Т

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. Загорский

Обнищание
рабочего
класса
в капиталистических
странах

Москва. 1933

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОГЛАВЛЕНИЕ	<i>Стр.</i>
<i>Введение</i>	5
 <i>Часть первая</i>	
Обострение обнищания в связи с превращением промышленной резервной армии в постоянную армию безработных	11—44
Глава I. К проблеме влияния капиталистической рационализации на движение рабочей силы	13
Глава II. Динамика рабочей силы в старых и новых отраслях послевоен- ной промышленности	22
Глава III. Образование массовой, постоянной безработицы (размеры довоенной и послевоенной безработицы).	31
Глава IV. Влияние изменений в послевоенном рынке на производство и безработицу.	35
 <i>Часть вторая</i>	
Положение рабочего класса и движение заработной платы до мирового экономического кризиса	45—129
Глава I. Иррациональность формы заработной платы	47
Глава II. К вопросу о производительности и интенсивности труда	51
Глава III. Основной закон движения заработной платы при капита- лизме	60

Глава IV. Социал-фашистские теории заработной платы	67
Глава V. Положение рабочего класса в САСШ до кризиса	80
Глава VI. Положение рабочего класса в Англии	102
Глава VII. Положение рабочего класса в Германии	116

Часть третья

Обнищание рабочего класса в ходе мирового экономического кризиса	129—184
Глава I. Влияние кризиса на положение рабочего класса в САСШ	131
Глава II. Влияние кризиса на положение рабочего класса в Англии	154
Глава III. Влияние кризиса на положение рабочего класса в Германии	168
Глава IV. Влияние кризиса на рост революционного движения пролетариата	183
Путь СССР—единственный путь ликвидации обнищания	197

ВВЕДЕНИЕ

С мировой империалистической войны капитализм вступил в период всеобщего кризиса.

Под знаком ожесточенной классовой борьбы растущего социалистического строя и гибнущего капитализма развивается вся история современного общества.

Во всей капиталистической системе произошли неустранимые изменения, знаменующие вступление капитализма в полосу пролетарских революций и войн, распада и гибели.

В связи с этим произошли кардинальные изменения в характере циклического движения: фазы оживления и подъема стали более короткими и менее напряженными, фазы депрессии и кризисов стали чрезвычайно глубокими и продолжительными. Капитализм стал неспособным к такому мощному напряжению производительных сил, как это обычно бывало в фазах подъемов предвоенного капитализма.

Все это с особенной силой сказалось на положении рабочего класса, форсировав его обнищание в самых разнообразных формах во всех капиталистических странах.

Наиболее характерными чертами этих изменений являются: возникновение тенденции к уменьшению численности рабочих, занятых в производстве; превращение промышленной резервной армии в постоянную; сильнейший рост интенсивности труда, компенсируемый в лучших случаях только частично ростом заработной платы; резкое обострение относительного и абсолютного обнищания

рабочего класса от колониальной периферии до центров капиталистического мира—САСШ и Европы и изменение всего характера циклических колебаний безработицы и заработной платы.

Если раньше, в промышленном капитализме в периоды подъемов происходило почти полное исчезновение безработицы и заработная плата росла настолько, что достигалось некоторое выравнивание понижения ее ниже среднего уровня в другие периоды цикла, то теперь в связи с изменениями в цикле безработица даже в периоды «подъемов» поддается весьма незначительному сокращению, а заработная плата имеет тенденцию оставаться стабильной¹.

Несмотря на различные модификации, которые происходят в движении заработной платы и безработицы по отдельным странам, основным, определяющим фактом остается абсолютное и относительное обнищание рабочего класса во всех капиталистических странах.

Таким образом здесь обнаруживаются неразрывная связь и зависимость изменений в движении безработицы и заработной платы от общих изменений в послевоенном капитализме.

Но подобно тому, как во всяком «органическом целом» происходит «взаимодействие между различными моментами», точно так же и здесь происходит взаимодействие между понижением темпов роста производства, изменениями в цикле и обнищанием рабочего класса.

Возникновение и рост постоянной безработицы оказывают обратное, тормозящее влияние на движение темпов воспроизводства посредством сокращения платежеспособного потребительского спроса (сжатия рынков сбыта).

Понижение реальной заработной платы, происходящее во всех капиталистических странах, в свою очередь оказывает тормозящее воздействие на дальнейший технический прогресс и тем самым на темпы капиталистического воспроизводства.

Возникшие под влиянием всеобщего кризиса капитализма массовая постоянная армия безработных и форсированное обнищание рабочего класса становятся сами новыми источниками дальнейшего загнивания капитализма и падения темпов роста производства.

Так на основе взаимодействия всех этих моментов создаются

¹ Как известно, по этому вопросу для периода промышленного капитализма Маркс писал следующее:

«Каждый кризис подготавливается периодом, когда совершается общее повышение заработной платы, и рабочий класс в действительности получает более крупную долю той части годового продукта, которая предназначена для потребления» («Капитал», т. II, гл. XX, 1931 г., изд. 8-е).

В III томе он вновь в возвращается к этому же вопросу и пишет:

«В период процветания, сильного расширения, ускорения и увеличения энергии процесса воспроизводства рабочие заняты сполна. Обычно наступает и повышение заработной платы, несколько выравнивающее падение платы ниже среднего уровня в другие периоды промышленного цикла» («Капитал», т. II, ч. 1, стр. 422).

многосторонняя тенденция к загниванию капитализма и форсированное обнищание рабочего класса.

Падение реальной заработной платы в период империализма и всеобщего кризиса капитализма происходит, как и при промышленном капитализме, с рядом временных отклонений и затемняющими этот процесс моментами.

Думать, что обнищание происходит все время в обнаженной форме и по сплошной наклонной,—это значит не понимать сущности марксистско-ленинского учения о природе всех законов и тенденций экономического развития при капитализме.

В период всеобщего кризиса капитализма в моменты наиболее благоприятного положения конъюнктуры в различных странах происходила временная приостановка падения заработной платы, а; в некоторых даже кратковременное, очень незначительное повышение ее.

Основываясь на подобного рода явлениях, буржуазная экономика стала изображать эти кратковременные, неустойчивые моменты стабилизации и роста заработной платы как господствующую линию движения заработной платы и как крах теории Маркса. Между тем возможность эпизодического роста заработной платы хорошо была известна Марксу и Энгельсу, ни в какой мере не считавшим такое явление опровержением действия закона обнищания.

В одной из своих статей, написанной в 1885 г., Энгельс говорит, что на волне сильного подъема торговли и промышленности начала второй половины XIX в. положение основной массы рабочих улучшилось, но это носит чисто временный характер и должно закончиться дальнейшим усилением абсолютного обнищания. Эту свою оценку он сформулировал так:

«Если даже во время неслыханного подъема торговли и промышленности от 1848 до 1868 г. он (рабочий класс.— Н. З.) жил в такой нищете, если даже тогда для громадного большинства рабочих в лучшем случае наступило лишь временное улучшение положения, и только незначительное привилегированное, находящееся в особо благоприятных условиях меньшинство достигло прочного улучшения, то что же будет, когда этот блестящий период придет безвозвратно к концу, когда современное угнетенное состояние не только усилится еще, но когда это усилившееся состояние мертвящего застоя станет хроническим, нормальным состоянием английской промышленности?»¹

Отдельные эпизодические повышения заработной платы не могут уничтожить закона абсолютного обнищания, проявляющего свое действие в масштабе десятилетий.

¹ Энгельс, Положение рабочего класса в Англии.

Несмотря на все колебания, которые происходят в движении заработной платы, и несмотря на попытки буржуазных экономистов использовать эпизодические моменты подъема заработной платы для построения всяких апологетических теорий, определяющим признаком в движении заработной платы остается факт абсолютного и относительного обнищания рабочего класса.

В беспощадной революционной борьбе о практикой и теорией II Интернационала, оппортунизмом и буржуазными попытками извратить и опошлить марксизм наша коммунистическая партия и Коминтерн под руководством Ленина и Сталина отстаивали незыблемость учения Маркса о законе обнищания рабочего класса, получившего полное подтверждение на практике.

Еще на начальных этапах строительства партии, при выработке проекта программы партии, Ленин решительно боролся против неясных, двусмысленных формулировок Плеханова по этому вопросу, противопоставляя им революционно-марксистское учение о законе абсолютного и относительного обнищания рабочего класса при капитализме.

Во всех поправках к плехановскому конспекту и проекту программы мы читаем необычайно четкие и ясные указания Ленина о неизбежном влиянии развития капитализма на абсолютное обнищание рабочего класса:

«Рост безработицы, нищеты, гнета и принижения является неизбежным результатом этой основной тенденции капитализма (указанных) основных тенденций»¹.

К этому же вопросу Ленин и Сталин неоднократно возвращались позднее, попрежнему решительно борясь со всякого рода отклонениями от марксова учения о законе обнищания рабочего класса.

Вопреки иллюзиям, распространяемым социал-фашистами о том, что при капитализме возможно длительное улучшение положения рабочего класса, Коминтерн неизменно указывает, что при капитализме невозможно длительное улучшение положения пролетариата.

«Современный капитализм уже пришел к тому моменту, когда отношения собственности стали совершенно несовместимы с повышением жизненного уровня рабочего класса (хотя в отдельных случаях и возможны временные и частичные повышения зарплаты), и перед рабочим классом более, чем когда-либо, встает задача соединить свою повседневную борьбу с борьбой против всей капиталистической системы в целом»².

¹ «Ленинский сборник» II.

² Из резолюций X пленума ИККИ.

Работы Ленина, Сталина и решения Коминтерна по вопросу о законе обнищания, примененные к анализу новой ступени капитализма (монополистического и периода всеобщего кризиса системы), являются дальнейшей, более высокой ступенью в развитии марксистского учения о законе обнищания пролетариата.

Но, как известно, ленинская оценка переживаемого рабочим классом современного этапа обнищания, направленная против социал-фашистов и буржуазии, подвергалась сомнению и оспариванию даже со стороны некоторых коммунистов¹.

Известно также, что Бухарин давал половинчатую критику социал-фашистского извращения марксизма в этом вопросе, выводя абсолютное обнищание из угнетенного положения рабочего класса колониальных стран и смазывая вопрос об обнищании рабочего класса в центральных капиталистических странах (Англия, САСШ, Германия).

Но практика в свете всего довоенного и послевоенного¹ развития капитализма и в особенности в период мирового экономического кризиса целиком и полностью разоблачила буржуазно-апологетический характер отрицания закона обнищания.

Практика с неоспоримой убедительностью подтвердила правильность открытого и обоснованного Марксом закона обнищания рабочего класса.

В развитии послевоенного капитализма мировой экономической кризис является новым историческим этапом на путях распада и гибели капитализма и чудовищного обнищания рабочего класса.

Жизнь полностью подтвердила правильность анализа положения капитализма, сделанного вождем т. Сталиным, против II Интернационала, правых и «левых» ренегатов.

«Из частичной стабилизации вырастает усиление кризиса капитализма, кризис разваливает стабилизацию—такова диалектика развития капитализма в данный исторический момент»².

Мировой экономической кризис и резкое обострение на его почве всех противоречий привели к концу относительную стабилизацию капитализма.

«Наступил момент относительной стабилизации капитализма»³.

Все сакраментальные формулы оздоровления капитализма и возврата его к довоенной устойчивости превратились в ярчайшее свидетельство нового банкротства буржуазного господства.

С развитием капитализма положение рабочего класса все более

¹ Тов. Варга, на X пленуме ИККИ.

² Сталин, Доклад на XV съезде партии.

³ Из резолюции XII пленума ИККИ.

ухудшается, и его заработная плата понижается абсолютно и составляет все меньшую «долю» в национальном доходе.

Единственный путь выхода из замкнутого круга обнищания заключается в пролетарской революции, в установлении диктатуры пролетариата, как это блестяще подтверждено опытом социалистического строительства в СССР.

Практика вновь и вновь подтвердила правильность революционного анализа капитализма, данного в работах Коминтерна, и вскрыла всю глубину контрреволюционного перерождения II Интернационала.

Часть первая

Обострение обнищания
в связи с превращением
промышленной
резервной армии
в постоянную армию
безработных

Глава I

К ПРОБЛЕМЕ ВЛИЯНИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ НА ДВИЖЕНИЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

На протяжении всего послевоенного периода размеры безработицы увеличивались не только за счет массовой пролетаризации промежуточных слоев населения, но и за счет абсолютного сокращения рабочих, занятых в ряде важнейших отраслей производства.

В силу этих особенностей изменился самый характер послевоенной безработицы и ее движения.

Эта уже не обычная флюктуация безработицы, связанная с движением промышленного цикла, а нечто независимое от каждого данного движения цикла и свидетельствующее о том, что капиталистическое общество переступило решающие грани своего исторического развития.

По самым осторожным оценкам, в послевоенный период до современного кризиса постоянная армия безработных составляла в САСШ в 1929 г. (год максимума подъема) не менее 2,5 млн. человек (более 10%)¹.

В Англии постоянная армия безработных по одним только про-

¹ Еще за год до кризиса Ирвинг Фишер писал в «Magazine of Wall Street» (апрель 1928 г.) в статье «Полная занятость — проблема prospерити», что по его данным в 1928 г. в САСШ было около 4 млн. безработных.

фессионально организованным рабочим составляла 1 200—1 300 тыс. человек (10—11%). В Германии постоянная безработица среди членов профсоюзов составляла 13%. И так по целому ряду других капиталистических стран.

«Последнее» слово буржуазной экономии в объяснении этого нового, невиданного для «старого» капитализма явления массовой хронической безработицы состояло в том, что она объявила ее временной, преходящей, вызванной техническими сдвигами в производстве.

Исторически ограниченному кругозору буржуазной экономии застойная массовая безработица представляется как «временное» явление технически реконструируемого капитализма.

Перенесение анализа причин послевоенной постоянной массовой безработицы из сферы классовых отношений исключительно в область техники имеет определенный весьма явственный классовый смысл.

Буржуазная экономия пытается представить, что в существенных, основных линиях экономического развития послевоенного капитализма все осталось по-старому, и тем самым замазать историческую грань, отделяющую послевоенный капитализм от довоенного.

Конечно было бы вульгарным упрощением отрицать влияние технических факторов на изменение положения рабочего класса в капиталистическом производстве. Рост техники несомненно вызывает понижение спроса на рабочую силу и позволяет приводить в движение большее количество овеществленного мертвого труда при помощи меньшего количества живой рабочей силы.

Однако нужно иметь в виду, что самый характер этих изменений, их конкретные формы и пр. определяются каждый раз исторической ступенью в развитии капитализма, а не какой-то имманентной логикой самого развития техники. Нужно выяснить, следовательно, какое действительное влияние оказывают на занятость рабочих рационализация и техника на различных ступенях капитализма.

Исследуя влияние капиталистической техники на движение занятости рабочих в производстве, Маркс устанавливает различные закономерности движения занятости при неизменном и растущем органическом составе капитала.

При неизменном техническом и органическом составе капитала «спрос на труд и фонд существования рабочих очевидно,—говорит Маркс,—возрастает пропорционально возрастанию капитала и увеличивается тем быстрее, чем быстрее растет капитал»¹.

Здесь простое количественное расширение производительного

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр., 626.

капитала вызывает пропорциональный рост числа занятых рабочих в производстве. Но совершенно ясно, что такое количественное движение капитала не является характерным для развитого капитализма. Капитализм характеризуется как раз не застойностью техники, но постоянным ростом ее, изменениями в техническом составе капитала, переходом от количественного расширения к качественным изменениям в самом органическом строении капитала. С появлением качественных изменений, находящих свое выражение в росте органического состава капитала, постоянный капитал начинает расти быстрее переменного и приобретает преобладающее значение.

Увеличение удельного веса постоянного капитала, означая более высокую степень технического развития капиталистического производства, одновременно означает и уменьшение спроса на рабочую силу, так как—

«...если из всего капитала в шестьсот единиц триста будут израсходованы на орудия, сырье, материалы и т. д. и триста на заработную плату, то для того, чтобы создать спрос на шестьсот рабочих вместо трехсот, нужно удвоить весь капитал. Но если из капитала в шестьсот единиц пятьсот будут израсходованы [на машины, материалы и т. д. и только сто на заработную плату, то этот же самый капитал, для того чтобы создать спрос на шестьсот рабочих вместо трехсот, должен увеличиться с шестисот до трех тысяч шестисот. Поэтому с развитием промышленности спрос на труд не поспевает за накоплением капитала, он продолжает возрастать, но отношение его роста к росту капитала уменьшается»¹.

Продолжая вслед за тем, Маркс пишет:

«Этих немногих указаний будет достаточно для того, чтобы показать, что именно развитие современной промышленности должно опускать чашку весов в пользу капиталистов и в ущерб рабочих и что следовательно общая тенденция капиталистического производства клонится не к тому, чтобы поднять среднюю заработную плату, а, напротив, к тому, чтобы понизить ее, т. е. в большей или меньшей степени довести ценность труда до ее минимальных границ»².

Эти определения Маркса остаются целиком верными и для периода империализма. Рост капиталистического накопления, развитие рационализации и увеличение органического состава капитала приводят к относительному уменьшению спроса на рабочую силу. Падает спрос на нее, и положение рабочего класса

¹ М а р к с, Заработная плата, цена и прибыль, стр. 13.

² Т а м же.

становится все более не обеспеченным и неустойчивым. Вместе о том неправильно предполагать, что рост капиталистической техники действует на ухудшение положения рабочего класса на всех ступенях капитализма с одинаковой силой и приводит к неизменно однообразному влиянию на движение занятости.

Для периода промышленного капитализма типичным было то, что, «несмотря на массу рабочих, фактически вытесняемых или потенциально замещаемых машинами, число фабричных рабочих вследствие роста самого машинного производства, который находит свое выражение в увеличении числа однородных фабрик или в увеличении размеров уже существующих фабрик, может в конце концов оказаться больше числа вытесненных мануфактурных и ремесленных рабочих»¹.

Это положение относится не только к вопросу о вытеснении фабричными рабочими мануфактурных рабочих, но и к вопросу о движении занятости фабричных рабочих вообще. «Относительное уменьшение числа занятых рабочих,—подчеркивает Маркс,—совместимо с его абсолютным увеличением»². Какие же необходимы предпосылки, чтобы, несмотря на относительное уменьшение спроса на рабочую силу, происходил рост абсолютного числа рабочих, занятых в производстве?

По этому вопросу Маркс дает совершенно точное указание:

«Возрастание числа фабричных рабочих обуславливается много более быстрым относительным возрастанием всего капитала, вложенного в фабрики». Следовательно при росте капиталистической техники и рационализации характер изменения числа занятых рабочих в производстве зависит от темпов расширенного воспроизводства.

«Предположим,—говорит Маркс,— что капитальная стоимость сначала распадалась на 50% постоянного и 50% переменного капитала, впоследствии на 80%, постоянного и 20% переменного. Если за это время первоначальный капитал, составляющий, скажем, 6 тыс. ф. ст., повысился до 18 тыс. ф. ст., то и его переменная составная часть увеличилась на $\frac{1}{5}$. Прежде она составляла 3 тыс. ф. ст., теперь составляет 3 600 ф. ст. Но если прежде было достаточно увеличения капитала на 20% для того, чтобы повысить спрос на труд на 20%, то теперь для этого требуется утроение первоначального капитала»³.

В период промышленного капитализма, несмотря на интенсивный рост капиталистической техники, происходил постоянный рост

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 447.

² Там же, стр. 448.

³ Там же, стр. 639. Подчеркнуто мною. — Н. З.

рабочих, занятых в производстве. Относительное сокращение спроса на рабочую силу, вызванное рационализацией и развитием техники, преодолевалось общим, гораздо более быстрым расширением всего производства, требующим новых дополнительных рабочих.

Новые изменения возникли в период всеобщего кризиса капитализма, когда в силу падения темпов роста производства создалась тенденция к абсолютному уменьшению численности рабочих, занятых в производстве.

Основная задача состоит следовательно в том, чтобы вскрыть те качественные изменения, в силу которых в период всеобщего кризиса капитализма возникает тенденция к абсолютному уменьшению численности рабочих, занятых в производстве. А это определяется изменениями, возникшими в воспроизводственном процессе.

В результате войны и в ходе послевоенного развития капитализма возникло крайне резкое обострение противоречий между возможностью развития производительных сил и капиталистическими отношениями производства, что привело к хронической неиспользованности производственного аппарата.

Под влиянием новых послевоенных противоречий значительная часть производственного аппарата оставалась на всем этом протяжении хронически бездействующей.

Означала ли эта специфическая форма хронического перепроизводства приостановку расширенного воспроизводства и его циклической формы движения?

При любом уровне развития капитализма общественное движение капитала остается совокупным движением частных капиталов. Попытки монополии к «регулированию» производства находятся в постоянном и безвыходном противоречии с конкуренцией. Монополии, тормозя в конечном счете развитие производительных сил, в то же самое время выкачивая высокие монопольные сверхприбыли, стимулируют дальнейшее расширение производства. Универсальная конкурентная борьба всех против всех на стадии монополистического капитализма не замирает, как об этом лгут сладкопевцы организованного капитализма, а приобретает напряженность смертельной борьбы. Сами монополии становятся субъектами конкурентной схватки. Масштабы производства попрежнему определяются слепым движением промышленного цикла.

Крупнейшие монополии оказываются бессильными выполнять регулиующую роль в общественном масштабе. Они вызывают резкие нарушения в общественном разделении труда. Монополии создают крайнюю неустойчивость всего капиталистического производства, застопоривая при кризисных срывах процесс восстановления «нормальных» условий возрастания стоимости.

Поэтому в период монополистического капитализма происходит крайне резкое обострение конкурентной борьбы в целом и рост

анархии производства в общественном масштабе. Вопреки хроническому перепроизводству средств производства капиталисты принуждены производить новые вложения, расширять свой производственный аппарат и обновлять его, чтобы побить своих конкурентов и овладеть полем битвы. Расширение масштабов производства происходит попрежнему «ради одного только сохранения и под угрозой гибели». Следовательно необходимо помнить о двойственности экономических признаков монополистического капитализма и (помнить, что частные попытки к регулированию) производства и искусственному сжатию его масштабов находятся в непримиримом противоречии с общим механизмом накопления, стремящегося выводить развитие производительных сил за границы данных производственных отношений¹. На этой основе сохраняются процесс расширенного воспроизводства и цикличность, несмотря на явления хронического перепроизводства. Но на базе тех специфических новых противоречий между производством и рынком, которые образовались после войны, создалась модификация цикла и возникло совершенно новое явление—понижение темпов воспроизводства.

Возникновение новых противоречий между условиями производства и условиями реализации вызвало новые формы загнивания капитализма. Это проявилось в том, что отдельные сферы хозяйства в отдельных странах находились в течение всего послевоенного периода в состоянии хронической депрессии, изредка прерываемой кратковременным и слабым оживлением, сельское хозяйство—в состоянии хронического аграрного кризиса; сильный рост отдельных отраслей производства сопровождался замедленным поступательным движением капитализма в целом..

Понижение темпов расширенного воспроизводства составляет один из определяющих признаков исторически новой полосы в развитии империализма, вступившего в период всеобщего кризиса.

Следующие данные иллюстрируют ясную линию понижения темпов роста производства в послевоенный период² (см. табл. на стр. 19).

Из этой таблицы совершенно четко видны симптомы одряхления капиталистического общества, потерявшего способность развивать производительные силы даже в довоенных темпах.

¹ В подготовительной работе к «К критике политической экономии» Маркс пишет по этому поводу следующее:

«По понятию конкуренция есть не что иное, как внутренняя природа капитала, проявляясь как его существенное определение; она реализует в качестве взаимодействия многих капиталов друг на друга внутреннюю тенденцию как внешнюю необходимость (капитал существует и может существовать лишь в виде множества капиталов, его самоопределение выступает поэтому как взаимодействие этих последних друг на друга)».

² «Europe — United States», p. 13—15, «International Chamber of Commerce», 1931.

Виды промышленности	Страны	Рост с 1900 по 1913 г.	Рост с 1913 по 1929 г.
		в процентах	
Уголь	Европа	23	2
	САСШ	113	10
Чугун	Европа	84	2
	САСШ	101	23
Сталь	Европа	—	22
	САСШ	—	58
Свинец	Европа	34	33
	САСШ	36	104
Цинк	Европа	71	3
	САСШ	146	101
Текстиль	Европа	28	5
	САСШ	70	15
Длина железно- дорожной сети	Европа	22	16
	САСШ	41	7
Медь	Европа	328	95
	САСШ	95	88

По всем основным отраслям производства и в Европе и в САСШ в послевоенный период произошло замедление роста производства. Это ничего общего не имеет со всякого рода троцкистскими теориями стагнации, но это означает, что послевоенный капитализм уже стал не в состоянии развивать производство так же, как прежде.

Из данных¹ о динамике мирового производства, взятой в разрезе анализа по отдельным странам, видна такая же картина понижения темпов воспроизводства (см. табл. на стр. 20).

Здесь мы опять-таки видим, что резкое обострение неравномерности развития производства по отдельным странам происходит под знаком понижения темпов воспроизводства в целом.

Наряду со значительным превышением САСШ довоенного уровня производства Англии и Германии в ряде основных отраслей не удалось в предкризисный период достигнуть довоенной черты. Точно так же наряду о значительным ростом производства в «новых» отраслях промышленности произошло резкое замедление развития в основных отраслях промышленности («старые» отрасли).

Ясно, что при таких кардинальных изменениях в темпах роста производства нельзя отождествлять влияние капиталистической рационализации после войны о ее влиянием в довоенном периоде. Общее для того и другого периода состоит в том, что рост капиталистической техники и рационализации несет

¹ «Statistique Generale de la France», p. 295—296, 332, 1931.

Динамика производства (1900 г. к 1913 г. и 1913 г. к 1929 г.)

Год	Великобритания	Германия	САСШ
Железо—сталь (в тысячах метрических тонн)			
1900	5 981	7 377	10 300
1913	9 013 } + 50,7%	16 291 } + 120,8%	31 802 } + 208,8%
1929	10 400 + 15,4%	16 246	55 031 + 73%
Чугун (в тысячах метрических тонн)			
1900	9 103	7 550	14 010
1913	10 424 } + 14,5%	16 764 } + 122%	31 462 } + 124,6%
1929	6 296 - 39,6%	9 695 - 42,2%	31 901 + 1,4%
Хлопчатобумажная промышленность (в тысячах веретен)			
1900	42 460	8 435	20 318
1913	55 652 } + 31,1%	11 186 } + 32,6%	31 505 } + 55,1%
1929	55 917 + 5%	11 250 + 0,6%	34 829 + 10,6%

с собой рост обнищания рабочего класса. В этой неразрывной связи роста производительных сил и обнищания—суть капиталистической рационализации.

Новое для послевоенного периода заключается в том, что 1) из-за резкого сужения рынков сбыта относительно производственных возможностей капитализма возникло понижение темпов роста производства; 2) при таких сокращенных темпах роста производства сильный рост производительности труда, порожденный капиталистической рационализацией, неизбежно вызвал тенденцию к абсолютному уменьшению численности рабочих, занятых в производстве; 3) в силу возникновения этой новой закономерности упадочного капитализма резервная армия труда превратилась в постоянную армию безработных. А это является совершенно новым явлением, неизвестным предвоенному капитализму.

«Не усиление абсолютного или относительного возрастания рабочей силы или рабочего населения делает капитал недостаточным, а наоборот, уменьшение капитала делает избыточной доступную эксплуатации рабочую силу»¹.

Этот экономический закон народонаселения, открытый и обоснованный Марксом, имеет непосредственное отношение и к во-

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 634.

просу о возникновении тенденции к абсолютному сокращению рабочих, занятых в производстве, к вопросу о превращении резервной армии в постоянную армию безработных.

Поскольку сохранилась циклическая форма движения капитала, постольку осталась, хотя и в укороченном и ослабленном виде, подъемная фаза цикла, которая оказала некоторое противодействующее влияние на процесс абсолютного сокращения рабочих и позволила временно втянуть в производство некоторый кадр новых рабочих. В целом слабое и кратковременное повышение спроса на рабочую силу в лучшие подъемные годы парализовать действием длительных депрессивных тенденций всего цикла, обусловленных общей неустойчивостью послевоенного капитализма. Отсюда вскрывается полная несостоятельность буржуазных и социал-фашистских теорий об однотипности и устойчивости довоенной и послевоенной безработицы, о временном «технологическом» характере послевоенной безработицы.

До тех пор, пока капиталистическая рационализация проводится на основе растущих темпов воспроизводства, сокращение рабочей силы на отдельных предприятиях происходит при одновременном увеличении общего количества рабочих, занятых в капиталистической промышленности. В период всеобщего кризиса капитализма рационализация проводится на основе падающих темпов воспроизводства, растущей неиспользованности хронически избыточного производственного аппарата и исключительного нажима на рост интенсивности труда, что создает новую тенденцию к абсолютному сокращению числа рабочих, занятых в производстве. Только учитывая все эти особенности влияния рационализации на рабочий класс, можно правильно вскрыть влияние технических факторов производства на положение рабочего класса, на различных ступенях капитализма. Всякий, кто считает, что рост безработицы и тенденция к абсолютному сокращению занятой на производстве рабочей силы являются только выражением роста органического состава капитала, и тем ограничивается, несомненно должен стать на позиции теоретиков «технологической» безработицы. Тогда нужно сделать вывод, что в результате технического прогресса механизация вызывает абсолютное уменьшение рабочих и что процесс абсолютного сокращения рабочей силы, занятой в производстве, является оборотной стороной промышленной революции, происходящей в капиталистическом обществе. Буржуазные апологеты рьяно защищают за последние годы именно такую точку зрения, пытаются тем самым представить, что капитализм якобы вступил в новую фазу ускоренного развития производительных сил и что сокращение занятой на производстве рабочей силы является показателем не упадка капитализма, но показателем его расцвета.

Этим господам невдомек, что при другом общественном строе,

при диктатуре пролетариата, невиданно блестящее развитие техники, которое только и может быть обеспечено на путях социализма, происходит при одновременном росте численности рабочего класса и подъеме материально-культурного уровня масс, как это неопровержимо доказано на опыте строительства социализма в СССР.

Вот почему падение темпа прироста рабочей силы и тенденция к абсолютному сокращению этой занятости обнаруживают специфическую границу капиталистического производства, вступившего в период всеобщего кризиса¹.

Глава II

ДИНАМИКА РАБОЧЕЙ СИЛЫ В СТАРЫХ И НОВЫХ ОТРАСЛЯХ ПОСЛЕВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Буржуазные экономисты считают, что процесс сокращения рабочей силы, занятой в старых отраслях промышленности, перекрывается увеличением занятости в новых отраслях промышленности.

Ставка на эти новые отрасли ясно звучит в следующих словах апостолов предкризисного процветания:

«Расширение старых отраслей промышленности происходит однако повидимому недостаточно быстро для того, чтобы поглотить подрастающее поколение, но до настоящего времени избыток лиц, не поглощаемых старыми отраслями, получил занятость в новых отраслях производства»².

Такие мечтания возникают неслучайно, они создаются на почве усиленного роста безработицы, неиспользованности производственного аппарата и неспособности старых отраслей втягивать новые кадры рабочих.

«Эти новые предприятия в действительности представляют собой наиболее замечательную и наиболее важную фазу современной промышленности, и их истинное значение, воз-

¹ На непонимании этих новых изменений послевоенного капитализма в частности основана была ошибочная концепция т. Варга, который на VI конгрессе Коминтерна строил такую «проектировку»:

«Вполне возможно,—говорил он,—как это показал пример Америки и Германии за последние годы, что для капиталистов временно налицо блестящая конъюнктура вопреки громадной массовой безработице».

Такая постановка вопроса показывает, что ее автор упустил из виду, что время «блестящих» конъюнктур капитализма вообще безвозвратно кануло в прошлое. И он не видел неразрывно существующей зависимости изменений в характере послевоенной безработицы от общих структурных изменений, характеризующих всеобщий кризис капиталистической системы.

² «Новейшие изменения в экономике Соединенных штатов», т. I, стр. 152.

можно, является ключом к вашему промышленному экономическому будущему»¹.

Вопрос об удельном весе новых отраслей производства в общем ходе развития капитализма поставил еще Маркс.

Говоря о роли новых отраслей, Маркс писал:

«Прямо на основе машинного производства или же на основе соответствующего ему общего промышленного переворота образуются совершенно новые отрасли производства, а потом и новые сферы труда. Однако их относительную роль в общем производстве нельзя признать значительной даже в наиболее развитых странах»².

Маркс имел в виду Англию и такие тогда новые отрасли производства, как газ, телеграф, транспорт, фото. На основе неравномерного развития разных отраслей производства создается возможность быстрого роста новых отраслей.

«Это создание новых отраслей производства, т. е. качественно нового прибавочного времени, есть не только разделение труда, а есть отталкивание определенного производства от самого себя, в качестве выработки новой потребительной стоимости, развитие все расширяющейся и всеобъемлющей системы видов труда, видов производства, которым соответствует все расширяющаяся и все более богатая система потребностей»³.

Возможность образования новых отраслей становится действительностью в процессе борьбы капитала за нахождение новых более выгодных сфер инвестирования. В поисках выхода из малорентабельных отраслей производства и перехода к более выгодному производству возникают новые отрасли (авто, химия, авио, цветные металлы, электропромышленность), которые стремятся подорвать роль и значение старых отраслей и захватить в свои руки рынок.

Благодаря тому, что новые отрасли выступают сразу же с высоким уровнем техники, они получают более емкий рынок, чем старые отрасли, и обнаруживают сильные темпы роста.

Могут ли искать рабочие, выброшенные из старых отраслей, занятия в новых отраслях? Могут. Но найдут ли—вот в чем суть вопроса.

«Конечно,—говорит Маркс,—рабочие, выброшенные из одной отрасли промышленности, могут искать занятия в какой-нибудь другой. Если они находят таковые и если таким образом вновь восстанавливается связь между ними

¹ «Новейшие изменения в экономике Соединенных штатов», т. стр. 150.

² Маркс, Капитал, т. I, стр. 343, 1931 г., изд. 8-е.

³ Маркс, Из подготовительных работ к «Критике политической экономии».

и средствами существования, которые были освобождены вместе с ними, то это происходит при посредстве нового дополнительного капитала, ищущего применения, а не того капитала, который функционировал уже раньше и теперь превращается в машину»¹.

Каков удельный вес новых отраслей? Могут ли они превратиться в основные отрасли, на которых капитализм мог бы покоить свое дальнейшее развитие?

Нельзя переоценивать силу и значение новых отраслей. Общая черта их развития состоит в том, что они остаются! много слабее старых, основных отраслей и не в силах изменить общую линию развития, которая определяется положением основных отраслей промышленности.

Общественное воспроизводство покоится на воспроизводстве средств производства. Капитализм накопил огромные капитальные ценности по этой линии. Движение средств производства составляет поэтому основную характеристику темпов и масштабов воспроизводства. А это как раз определяется положением старых отраслей промышленности.

Обострение неравномерности развития между разными отраслями производства происходит при сохранении старыми отраслями господствующего положения.

Удельный вес этих отраслей, несмотря на интенсивный рост новых, остается настолько значительным, что новые отрасли производства не могут изменить ни характера развития старых отраслей, ни общих закономерностей капитализма. В характере развития старых отраслей новым показывается их собственное недалекое будущее. Ведущая роль попрежнему остается за старыми отраслями, хотя на тот или иной отрезок времени форсированный рост новых отраслей может оказать сопротивление процессу загнивания старых отраслей и даже временно втянуть их в подъем. Однако длительность таких подъемов и сила определяются не новыми отраслями, а теми общими условиями, в которых находится на каждой данной ступени капиталистическое хозяйство, следовательно и положением самих же старых отраслей. Чем дальше идет развитие новых отраслей, тем медленнее идет рост продукции этих отраслей, и линия их развития тем сильнее склоняется к общей линии движения основных отраслей.

Совершенно беспочвенны поэтому утверждения, что проблеме безработицы можно решить за счет роста новых отраслей.

Удельный вес новых отраслей по числу занятой рабочей Силы незначителен.

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 339, 1931 г., изд. 8-е.

Вокруг новых отраслей создано много преувеличений и совершенно необоснованных ожиданий. Какова действительная, не показная роль этих новых отраслей?

Число рабочих, в основном старых отраслях обрабатывающей промышленности в САСШ¹

Отрасли промышленности	1919 г.	1927 г.	1929 г.	Процент изменения
	в тысячах человек			
Обувная	211	203	205	— 2,9
Ремонтно-железнодорожные мастерские	484	397	368	—24,0
Химическая	76	52	62	—18,4
Сигары и сигареты	133	116	105	—23,9
Одежда	350	302	336	—11,3
Текстильная	602	667	632	+ 5,0
Литье и продукция	482	403	454	— 6,6
Железная и стальная	375	361	394	+ 5,1
Кожаная	472	459	449	— 5,5
Лесные промыслы	480	413	419	—13,7
Мясная	160	119	122	—23,7
Шерстяная	62	61	58	— 6,5
Полиграфическая	120	119	129	+ 7,5

Из этих данных совершенно очевидно, что в подавляющей части старых отраслей промышленности за последнее десятилетие перед кризисом произошло сокращение численности занятых рабочих на несколько сот тысяч человек.

Если сопоставить удельный вес и динамику развития старых отраслей с новыми, то мы получим следующее соотношение «сил».

Число рабочих в новых отраслях промышленности в САСШ

Отрасли промышленности	1919 г.	1927 г.	1929 г.	Процентные изменения
	в тысячах человек			
Автомобильная	342	369	487	+ 42,4
Кино	—	8	10	+ 20,0
Нефтяная	58	71	80	+ 37,9
Шелк, искусственный шелк	126	127	130	+ 3,2
Каучук	—	114	123	+ 7,9

¹ «Fifteenth Census of the United States», p. 4—17.

Несмотря на (относительно высокие темпы своего роста, абсолютное число занятых рабочих в новых отраслях оказывается настолько незначительным, что даже при сильном проценте роста занятости это не приостанавливает сокращения размеров занятости в промышленности в целом.

По ряду новых отраслей крупный процент прироста рабочей силы основан на низкой исходной численности занятой рабочей силы.

Может возникнуть сомнение, что тенденция к абсолютному уменьшению численности занятых в производстве рабочих получается потому, что мы искусственно берем в качестве исходного первый послевоенный год—1919. Для того чтобы устранить всякие сомнения, приведем данные о динамике занятости в САСШ за 1919—1929 гг. в целом и по отраслям.

*Динамика занятости в обрабатывающей промышленности в целом (в процентах; 1923—1925 гг. приняты за 100)*¹

1919 г.106,6
1923 »104,2
1929 »101,1

С некоторыми особенностями в Англии происходит аналогичный процесс.

К числу «национальных» особенностей английского империализма здесь нужно отнести хроническую депрессивность послевоенной экономики Англии и глубокий процесс загнивания текстильной, угольной, судостроительной и железо-стальной промышленности. Эти четыре отрасли, тесно связанные в самом развитии с состоянием мировой экспортной торговли, отражают то общее положение, в котором находится на мировых рынках послевоенная Англия.

Сознание того, что английский капитализм задолго еще до кризиса был поражен недугом хронической депрессии, давно проникло на страницы буржуазной печати. «Британская индустрия вообще, кажется, потеряла способность к расширению»,—меланхолически констатирует Беверидж². Какие же причины кроются в основе этого явления упадка?

¹ «International Unemployment», p. 312, Hague 1932.

В Германии, по вычислениям Кучинских, число промышленных рабочих также сокращено, а именно:

Годы	Число рабочих (в тысячах)	Годы	Число рабочих (в тысячах)
1913—1914.10700	1927	10 435
1924.9 995	1928	10 797
1925.10 000	1929	10 245
1926.9 165	1930	9 220

Кучинские, Положение германских промышленных рабочих, 1913 — 1930 гг. Партиздат, 1932 г.

² Beveridge, Unemployment, p. 360. Признание этого факта стало теперь общим, избитым местом даже в английской буржуазной «науке».

«Внутренними» причинами несомненно являются техническая отсталость английского капитализма и неспособность буржуазии произвести коренную перестройку старого технического аппарата. Еще задолго до войны Англия в силу своей технической отсталости начала терять мировую промышленную гегемонию, постепенно уступая место САСШ, Германии, Японии. Война лишь обострила процесс паразитического перерождения английского капитализма и нанесла сильнейший удар по слабым связям Англии с мировым рынком.

Доля Англии в мировой торговле (в процентах)¹

Годы	Импорт	Экспорт
1913.15,24	13,11
1924.17,02	12,94
1927.15,92	11,10
1928.15,14	10,87
1929.15,40	10,86

В то время как по импорту зависимость Англии от мирового рынка не только не уменьшилась, но даже увеличилась, зависимость мирового рынка от английского экспорта значительно понизилась².

«Размеры британского экспорта,—как отмечает отчет Мак-Миллана после 1920 г.,—по вычислению министерства торговли никогда не поднимались выше 83% довоенного периода и в среднем после 1920 г. держались на уровне 77%»³.

Развитие индийской и китайской хлопчатобумажной промышленности и рост конкуренции со стороны японского и американского текстиля сделали трудным нахождение рынков сбыта для отсталой ланкаширской промышленности. Развитие американского и японского судостроения привело к падению роли английского судостроения. Развитие эксплуатации южноамериканских угольных шахт и рост угольной промышленности в Европе вызвали сокращение рынков сбыта для отсталой английской углепромышленности. Доми-

¹ James, England to-day, p. 157, London 1932.

² Длительный процесс упадка роли Англии на мировом рынке прекрасно виден из следующих цифр:

Доля Англии в мировой торговле (в процентах).

Годы		
1871—1875.21	} По данным Денни По данным бальфуровского комитета
1913.15	
1927.12	

(См. «Final Report of the Committee on Industry and Trade», р. 3, 1929.; Людвиг Денни, Америка завоевывает Британию, 1930 г.

³ «Evidence», т. I, стр. 253.

нионы, колонии и весь капиталистический мир начали загораживаться высокими таможенными стенами. В течение последнего Бремени (до кризиса) доминионы развивали интенсивно собственную промышленность. Среднеежегодная стоимость промышленной продукции, вырабатываемой в Канаде, увеличилась с 100 млн. ф. ст. (1900 г.) до 700 млн. ф. ст. (1928 г.). 15% этой продукции падает на металлическую группу, причем Канада сама приступила к экспорту промышленной продукции. В Австралии за период 1925—1927 гг. было построено 600 новых предприятий, в Новой Зеландии за один 1927 г.—285 предприятий. Также усилилась индустриализация Южной Африки, хотя в значительно меньшем размере¹.

Одновременно с этим процессом усилилась внутренняя конкуренция, борьба между смежными отраслями производства, ускорившая загнивание основных отраслей промышленности. Военный период наложил на английское хозяйство роковые следы. Он подорвал традиционные торговые связи со всем миром и произвел резкое перераспределение сил на арене мирового рынка.

Одно только сокращение экспортной промышленности оказывает поэтому исключительное влияние на понижение числа рабочих, занятых в производстве. В экспортных отраслях занято не менее 40% рабочих всей обрабатывающей промышленности. И как в САСШ новые отрасли не в состоянии поглотить вытесненных рабочих из старых отраслей, точно так же в Англии рабочие, вытесненные из старых отсталых экспортных отраслей, не могут быть поглощены промышленностью, работающей на внутренний рынок.

В Англии по основным отраслям в течение шести лет число занятых рабочих уменьшилось на 375 тыс. человек. Что было противопоставлено этому сокращению новыми отраслями?

Увеличение занятости в 55 тыс. человек! Если мы к этим цифрам прибавим еще рост численности рабочих по электромашиностроению и авиационной промышленности, то и тогда общая цифра роста занятости увеличится всего до 85 тыс. человек.

Таким образом и в Англии новые индустриальные производства не в состоянии изменить общего характера движения занятости, происходящего в старых экспортных отраслях промышленности.

Они бессильны преодолеть наметившийся процесс абсолютного сокращения числа рабочих, занятых в промышленности.

И кроме того общая упадочная динамика капитализма все сильнее начинает также поражать новые отрасли, приводя за последние годы к уменьшению темпа прироста рабочих в этих

¹ Ray, The Future of Empire Trade, p. 75—81.

Число рабочих в основных отраслях индустрии Англии ¹

Отрасли промышленности	1923 г.	1929 г.	Процентные изменения
	в тысячах человек		
Угольная	1 246	1 075	— 13,6
Текстильная	568	555	— 2,3
Строительная	716	826	+ 15,4
Железная и стальная	211	179	— 15,2
Судостроительная	270	204	— 24,4
Доски, порты, каналы	191	171	— 10,5
Пищевкусовая	160	145	— 9,4
Обувная	142	135	— 4,9
Обработка чугуна и стали	568	555	— 2,3

Число рабочих в основных отраслях новой промышленности Англии

Отрасли	1925 г.	1929 г.
	в тысячах человек	
Автомобильная	192	245
Химическая	104	106

отраслях и даже в некоторых случаях к абсолютному сокращению. Такая динамика совершенно явственно наметилась в области производства пассажирских авто, телефонной индустрии и радиотехники. Так например, согласно американскому промышленному цензу, число рабочих, занятых в производстве авто, значительно сократилось уже перед кризисом. То же самое, согласно последним английским цензам, происходило и в английской автопромышленности ².

Рост новых отраслей не может послужить «компенсацией» для выброшенных на мостовую рабочих из других отраслей, потому что процесс вытеснения из промышленности идет быстрее процесса втягивания в новые отрасли.

Наконец и на тех, кто в конце концов вновь попадает на работу, безработица оказывает чрезвычайно пагубное влияние. Она подвергает их всем испытаниям нищенства, голода и лихо-

¹ Beveridge, Unemployment, p. 360.

² Численность рабочих в автопромышленности в 1921 г. — 153 тыс. человек, в 1930 г. — 152 тыс. человек. (См. цензы в «Board of Trade Journal» за 1932 г.).

рабочим поискам работы за более низкую плату, чем прежде. Сколько людей в течение этого переходного периода выбьются вовсе из колеи, превратятся в люмпен-пролетариев и потеряют последние остатки здоровья, работоспособности, об этом конечно буржуазные экономисты молчат. Но как бы то ни было, даже они принуждены зачастую констатировать, что положение большинства рабочих, получивших работу после безработицы, становится хуже и менее устойчивым, чем на старой работе.

Глеуге, Майер, Любин и целый ряд других американских экономистов вынуждены подчеркнуть это обстоятельство.

Так например в специальном отчете, выпущенном Брукингским институтом в годы «просперитии», проф. Любин писал, что «смещенные рабочие о труде находят новую работу. 45% из обследованных не имели работы, когда они были опрошены нашими исследователями.

Даже те рабочие, которые нашли новую работу, получили ее с трудом. Только 11,5% были без работы меньше чем один месяц, и больше половины были без работы более трех месяцев.

Рабочие, смещенные с производства, переходят в большинстве своем в предприятия, характер работы которых сильно отличается от работы тех предприятий, в которых они раньше были заняты»¹.

Этот же документ повествует, как безработный шофер 33 лет становится мальчиком для посылки, как квалифицированный металлист 41 года превращается в продавца газет, как многие зарабатывают на кусок хлеба, чистя проезжающие авто, помогая заправлять бензином авто на газOLIновых станциях. И вот после долгих мытарств и утомительных поисков работы безработный наконец находит работу. Что ждет его? Деквалификация, понижение заработной платы, перспектива новой еще более тяжелой безработицы. И в этом отношении весьма показательны следующие выводы Любина.

«18,8% обследованных зарабатывают больше на их новой работе, чем прежде, 48% получают меньшую заработную плату, чем прежде, и меньше чем одна треть получает заработную плату такую же, как на старой работе»².

Повсюду возникает чудовищный излишек рабочих рук: в текстильной промышленности, угольной, судостроительной, металлургической. В Англии, САСШ, в Германии—во всем капиталистическом мире, оказывается, существует непомерно много рабочей силы.

¹ Lubin, The Absorption of the Unemployment by American Industry, p. 18, 1929.

² Там же, стр. 12.

Миллионы людей в каждой стране, вытолкнутые из промышленности, сельского хозяйства, транспорта, пополненные эмигрантами и естественным приростом населения, ищут, хотят и могут работать.

Спрашивается: куда они идут, если капиталистическая промышленность не в состоянии втянуть эту рабочую армию в производство?

Глава III

ОБРАЗОВАНИЕ МАССОВОЙ ПОСТОЯННОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ (РАЗМЕРЫ ДОВОЕННОЙ И ПОСЛЕВОЕННОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ)

Ответ на этот вопрос дает анализ довоенного и послевоенного движения индустриального пролетариата. В довоенный период сильный темп роста воспроизводства приводил к интенсивному втягиванию в производство новых рабочих.

Среднееежегодный прирост индустриального пролетариата в САСШ составлял 200 тыс. человек¹, в Германии около 150 тыс. человек² и даже в Англии до 130 тыс. человек³. В подъемные годы скачкообразное расширение производственного аппарата вызвало сильный рост спроса на рабочую силу. В такие годы в производство втягивалось в среднем от 400 до 500 тыс. новых рабочих. Так в САСШ в 1904 и в 1907 гг. было втянуто в производство около 800 тыс. новых рабочих. В Германии в период подъема происходило примерно такое же сильное увеличение числа занятых рабочих.

Предвоенный монополистический капитализм являлся загнивающим капитализмом; загнивание—это то качественно новое в динамике производительных сил капитализма, что принесла с собой эпоха монополистического капитализма. Но вместе с тем «было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма; нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом империализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет, но этот рост не только становится вообще все более неравномерным, но неравномерность проявляется в частности также в загнивании самых сильных капиталом стран (Англия)»⁴.

¹ «Новейшие изменения в экономике Соединенных штатов», т. II.

² «Vierteljahrsheft zur Konjunkturforschung», 1926.

³ «Twentieth Abstract of Labour Statistics of the United Kingdom».

⁴ Ленин, Империализм, Соч., т. XIX, стр. 172.

Так в САСШ число рабочих, занятых в обрабатывающей промышленности, увеличилось с 1899 по 1914 г. с 4 730 тыс. до 7 242 тыс. человек, т. е. на 60%.

В Германии число рабочих, занятых в обрабатывающей промышленности, увеличилось с 1907 по 1914 г. с 8 460 тыс. до 10 700 тыс. человек, т. е. на 27%; в течение семи лет.

Точно так же шло увеличение числа индустриальных рабочих в Англии.

Рост занятости в английской промышленности по основным отраслям (включая служащих)¹

Отрасли промышленности	1881 г.	1891 г.	1901 г.	1911 г.
	в тысячах человек			
Угольная	437	599	754	1 021
Строительная	130	142	177	174
Химическая и нефтяная	52	69	101	148
Металлическая и машиностроительная	927	1 059	1 449	1 765
Текстильная и ее продукция	1 191	1 253	1 169	1 294

О чем это свидетельствует? Это показывает, что процесс усиления неравномерности и загнивания, происходивший в довоенном капитализме, в силу напряженности общих темпов воспроизводства шел при общем, довольно интенсивном увеличении численности индустриального пролетариата.

Влияние капиталистической динамики необходимо изучать не только в связи с данным циклом, но и в более широкой перспективе, а именно с точки зрения влияния кризиса на дальнейшее движение капиталистических циклов. До определенной стадии развития капиталистические кризисы, несмотря на все свои разрушительные действия, создавали предпосылки для дальнейших напряженных темпов воспроизводства. На это в свое время указывал Маркс, отмечая, что до определенного этапа низшие точки фазы подъема стоят на более высоком уровне, чем вершина подъема в предшествующем цикле.

В предвоенном капитализме кризисные периоды приводили к быстрой чистке всех «гнилых», слабых, экономически и технически мало устойчивых предприятий. Старый основной капитал в кризисные периоды подвергался быстрому массовому моральному износу, что и приводило к обновлению старых основных капиталов и к росту общего органического состава капитала. Кризисные периоды ни в одной из стран монополистического капитализма

не затягивались больше годового срока. Процесс выталкивания рабочей силы с производства сравнительно скоро сменялся новым увеличением спроса на рабочую силу. На этой стадии монополистического капитализма рост безработицы в кризисные годы в среднем поднимался до 6—7%, снижался в фазе подъема до 2—3% и в общем держался на уровне 4—5%.

Движение безработицы в довоенное время (в процентах)

Страны	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Германия ¹ . . .	—	—	—	—	2,1	1,6	1,2	1,6	2,9	2,8	1,9	1,9	2,0	2,9
Англия ² . . .	2,5	3,3	4,0	4,7	6,0	5,0	3,6	3,7	7,8	8,7	4,7	3,3	3,2	2,0
САСШ ³ . . .	10,0	7,5	6,8	7,0	10,0	6,7	5,9	6,9	6,4	8,9	7,2	9,4	7,8	2,0

В послевоенный период в капиталистических странах резкими скачками поднимаются размеры безработицы, превышая довоенный уровень в 3—4 раза и принимая характер застойной массовой безработицы. Среднеежегодный процент безработицы до мирового кризиса достигал уже 11—12.

В самые благоприятные годы подъемов даже в такой еще мощной капиталистической стране, как САСШ, безработица оставалась на уровне 10—12% (2 500 тыс. человек). Из шести лет предкризисного развития в течение трех лет происходило абсолютное уменьшение индустриального пролетариата (1924, 1927 и 1928 гг.), в течение трех лет рост занятости по своим размерам уступал размерам сокращения (1925, 1926 и 1929 гг.). В прославленный «подъемный» 1929 г. рост индустриального пролетариата выразился в 350 тыс. человек—3% к числу занятых рабочих обрабатывающей промышленности, уступая приросту числа рабочих в подъемные годы довоенного капитализма. Эти поразительно частые колебания в размерах занятости при общей тенденции на абсолютное сокращение индустриального пролетариата обнаруживают всю неустойчивость послевоенной экономики и всю вздорность теории «исключительности», раздутую профессиональными оптимистами. «Что-то гнило в царстве Датском».

¹ «Statistisches Jahrbuch», 1914.

² «Sixteenth Abstract of Labour Statistics of the United Kingdom», 1913. Беверидж, Хильтон и другие считают, что среднеежегодная безработица колебалась около 4%.

³ Douglas and Director, The Problem of Unemployment, p. 28.

Движение безработицы после войны

Страны	Г о д ы											
	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1929	
Германия ¹	—	—	16,9	—	9,6	13,5	10,0	17,0	11,1	10,6	15,3	
Англия ²	—	—	16,9	17,3	11,7	10,3	11,3	—	9,7	10,9	10,5	
САСШ ³	—	—	23,1	18,3	7,9	12,0	8,9	7,5	10,0	19,8	12,0	

Историческая обреченность капитализма с чрезвычайной яркостью освещается в свете послевоенной безработицы, ставшей застойной массовой безработицей.

Угрожающий рост безработицы в капиталистических странах заставляет буржуазных экономистов все с большим беспокойством ожидать будущего.

«Безработица останется животрепещущей социальной проблемой даже в будущем, и необходимо изучить, какие дальше необходимы формы для оказания общественной помощи безработным»⁴.

Таковы голоса предостережений наиболее трезвых буржуазных экономистов.

Но политика борьбы с безработицей, рассчитанная на латание заплат капиталистических прорех и на «реформы» и «реформочки», ничего не несет рабочим массам, кроме буржуазного обмана и ядовитой лжи «демократических» иллюзий.

В период всеобщего кризиса капитализма произошли бесповоротные в рамках капиталистического режима изменения в сторону дальнейшего ухудшения положения рабочего класса.

¹ «Vierteljahrsheft zur Konjunkturforschung», 1930/31 и 1926 гг.

² Beveridge, Unemployment, стр. 350.

По вычислениям Пигу постоянный процент безработицы стоял на уровне 10, по исчислениям Бенхама — на 12.

Эти цифры несомненно еще преуменьшены, так как они вычислены на основании данных о безработных по английским профсоюзам, между тем как более 5 млн. человек не входят в профсоюзы, и безработица среди них выше.

³ Как известно, в САСШ регистрации безработных не имеется, и, пользуясь этим обстоятельством, буржуазные экономисты преуменьшают размеры безработицы. И все же приведенные данные, взятые нами из буржуазных источников, красноречиво говорят за себя. Цифры на 1926 г. взяты нами у Дугласа, стр. 28. Данные после 1926 г. исчислены нами на основании цифр Митчельского бюро экономических исследований и Американской федерации труда.

⁴ Olivetti, «Europe—United States» № 3.

Крайне резкое обострение неравномерности развития капиталистических стран и отраслей производства происходит при замедленном росте производительных сил капитализма в целом и при сильном росте неиспользованности производственного аппарата. Это обусловило превращение резервной армии труда в застойную и вызвало тенденцию к абсолютному сокращению индустриального пролетариата в ряде «перезревших» капиталистических стран.

В самые лучшие свои послевоенные годы капитализм не мог использовать сколько-нибудь полно производительные силы, поэтому и размеры прироста индустриального пролетариата в эти годы подъема уступали среднему обычному приросту рабочей массы в довоенные годы подъема. Такова порочная спираль капиталистической динамики.

Вся эта обстановка гнилой стабилизации подготовила и развязала мировой экономический кризис, углубляющийся уже четвертый год, охвативший безработицей около половины рабочего класса капиталистических стран и положивший конец гнилой капиталистической стабилизации.

Здесь вновь выступает специфическая граница капиталистического производства, о которой с такой гениальностью поставил вопрос Маркс:

«Если бы развитие производительных сил уменьшало абсолютное число рабочих, т. е. в действительности давало бы возможность всей нации совершать все свое производство в более короткое время, то это вызвало бы революцию, потому что большинство населения было бы выбито из колеи. В этом снова обнаруживается специфическая граница капиталистического производства, а также то, что оно отнюдь не является абсолютной формой развития производительных сил и производства богатства, что, напротив, на известном пункте оно приходит в коллизии с этим развитием»¹.

Глава IV

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ПОСЛЕВОЕННОМ РЫНКЕ НА ПРОИЗВОДСТВО И БЕЗРАБОТИЦУ.

Решающий пункт для правильного выяснения вопроса о причинах понижения темпов воспроизводства состоит в выяснении причин возникновения «стабильности» капиталистического рынка в послевоенный период.

¹ Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 240, 1907 г.

В период всеобщего кризиса капитализма проблема рынка стала основной проблемой капитализма, потому что рынок стал несравненно более узким по отношению к возможности развития производительных сил и лишенным той эластической способности к расширению, которой он еще обладал в довоенное время.

«Стабильность» рынков сделалась жестоким лимитом для развития монополистической промышленности. Крайне резкое обострение противоречий между возможностью расширения производства и рынками приобрело форму хронического избытка производственного аппарата и хронической массовой безработицы.

«Это противоречие между ростом производственных возможностей и относительной стабильностью рынков легло в основу того факта, что проблема рынков является теперь основной проблемой капитализма. Обострение проблемы рынков сбыта вообще, обострение проблемы внешних рынков в особенности, обострение проблемы рынков для вывоза капитала в частности—такое нынешнее состояние капитализма»¹.

Какими причинами вызвано такое обострение проблемы рынков? Эти причины заключены в условиях всеобщего кризиса капитализма, во всей совокупности происшедших изменений в капитализме во время войны и после нее. Выпадение из сферы капиталистических отношений одной шестой части земного шара и успешное строительство социализма в СССР нанесли сильнейший удар по монолитности капиталистического мира, подорвали его былую устойчивость. Раскол мира на две части, под знаком которого теперь развивается вся история человечества, означал в сфере мировых рыночных отношений ломку старой сложившейся системы общественного разделения труда и сужение емкости мирового капиталистического рынка. Новый раздел мира между крупнейшими империалистами-победителями не только не принес разрешение проблемы рынков, но с еще большей силой доказал, что капитализм уперся в узость рынков.

Во время войны экономические связи между колониальными странами и метрополиями оказались разорванными, и в колониях развивалась собственная промышленность, главным образом обрабатывающая. Увеличился и вырос мировой производственный аппарат по производству текстиля и добыче чугуна, угля, производству стали, сельскохозяйственной продукции. Индия, Китай, ряд молодых южноамериканских стран и т. д. не только развили свой производственный аппарат на новой технической ос-

¹ Сталин, Отчет XV съезду ВКП(б).

нове, но и увеличили производство продукции, сокращая тем самым рынок сбыта для старых капиталистических стран¹.

Это значит, что «в колониальных и зависимых странах появился и вырос свой собственный молодой капитализм, который с успехом конкурирует на рынках со старыми капиталистическими странами, обостряя и осложняя борьбу за рынки сбыта»². Версальская система создала ряд новых, острых противоречий между империалистическими странами и ряд новых трудностей для возвращения к «довоенной устойчивости».

Версаль обрек Германию на вассальное существование и экономическое прозябание в системе мирового империализма. Всю тяжесть этого бремени буржуазия взвалила на плечи рабочего класса и трудящихся масс, находящихся под двойным прессом эксплуатации—своей и иностранной буржуазии.

Эти условия обрекли рабочий класс и трудящуюся массу на сильнейшее обнищание.

На другой день после войны мир переживал, по удачному выражению Джемса, истерию национализма, о неискреннем патриотизме и высокими тарифными барьерами». Возникло более десятка новых государственных объединений, увеличивших «балканизацию» Европы и обостривших мировую конкурентную борьбу всех против всех.

Весь капиталистический мир лихорадочно стал отгораживаться друг от друга бронированной стеной таможенных барьеров. Вместо 26 европейских таможенных барьеров, существовавших в предвоенный период, после войны было воздвигнуто 40. Высота таможенных тарифов всюду была повышена, и с помощью та-

¹ Как усилилась конкурентная способность этих стран, видно из следующего сопоставления движения количества веретен в текстильной промышленности:

	1914 г.	1927 г.	1928 г.
	(в тысячах)		
САСШ.	32 107	36 696	33 540
Великобритания	56 300	57 325	57 136
Индия.	6 500	8 714	8 703
Китай.	1 000	3 563	3 528
Бразилия.	1 250	2 593	2 610
Япония.	2 750	5 952	6 272

Общее мировое количество веретен 146 397 164 956 165 352

Одновременно с вытеснением старых стран с текстильного рынка произошли серьезные сдвиги в распределении потребления хлопка. Удельный вес Англии в мировом потреблении хлопка упал с 21 (1913 г.) до 12% (1928 г.); потребление других европейских стран упало за это же время на 3% (с 34 до 31%), тогда как доля Индии, Китая, Бразилии, Японии поднялась на несколько процентов.

Dunn and Hardy, Labour and Textile, p. 25, «International Publishers», 1931.

² Сталин, Отчет XVI съезду ВКП (б).

кого рычага уровень внутренних цен монополистическим организациям удалось искусственно приподнять в среднем на 25—30%.

Вздутый уровень цен и таможенная война привели к дальнейшему сужению рынков и усилили потерю той эластичной способности к расширению, какой капитализм еще обладал до войны.

Расширение внутренних рынков становится все более трудным делом из-за резко усилившегося обнищания рабочего класса и трудящегося крестьянства. Послевоенный процесс обнищания вызван не только огромным ростом безработицы, прямым понижением заработной платы, хроническим аграрным кризисом, поразившим мелкое крестьянское и фермерское хозяйство, но и высоким уровнем монопольных цен, являющимся дополнительным источником обнищания масс. Таковы в основных чертах происшедшие послевоенные изменения в капиталистическом рынке, потерявшем свою довоенную способность к расширению вслед за расширением производства.

Как освещается проблема рынка в современной буржуазной науке?

Ощущая острое противоречие между производственными возможностями капитализма и узостью рынков сбыта, буржуазные экономисты намереваются разрубить этот гордиев узел, оставаясь в сфере распределительных отношений.

Весь «радикализм» буржуазных экономистов не простирается дальше проектов куцых реформочек, маниловских благопожеланий и уговариваний имущих классов, главным образом рантьеvской буржуазии, к более «справедливому» перераспределению доходов.

«Вместо анализа и вскрытия глубины противоречий империализма мы видим одно лишь «реформистское» невинное желание отмахнуться, отговориться от них» (Ленин).

Социал-либерал Гобсон никуда не ушел вперед после своего труда об империализме. Наряду с хорошим описанием экономических противоречий послевоенного капитализма он попрежнему ведет либеральную болтовню о необходимости исправления «недостатков» капитализма.

Гобсон видит, что—

«Избыток производительных сил является всеобщим и ясно видимым в неиспользованности капитала и труда в наиболее развитых индустриальных странах. Почти везде производительные силы скованы, везде неиспользованному труду противостоят незанятые машины и другие «капиталы», потому что рынки недостаточно широки для покупки потребительных или капитальных благ, которые могут быть произведены»¹.

¹ H o b s o n, Rationalisation and Unemployment, p. 6, London 1931.

Откуда возникает загнивание, избыток капитала при избытке рабочего населения? На почве несоответствия капиталистических рынков сбыта производственным возможностям капитала. Но подобное несоответствие, по мнению Гобсона, отнюдь не является органически присущим капитализму, но результатом ряда «ошибок», допущенных в области распределения.

Плохое распределение (*maldistribution*) доходов приводит к тому, что «слишком много покупательной силы в руках богатых классов и слишком мало в руках тех, кто желает поднять свой стандарт жизни»¹.

И вот в целях внесения социального умиротворения Гобсон пускается на поиски Галатеи классового мира. Он мечтает вернуть мир от монополистического капитализма к свободе торговли.

Он мечтает поднять заработную плату путем понижения цен на предметы, входящие в стандарт жизни, что должно увеличить емкость рынков сбыта и повести к оживлению промышленности².

Он мечтает расширить емкость рынка частично путем повышения заработной платы, частично путем установления налогов на прибыль и высокие доходы³.

Словом, Гобсон мечтает о перераспределении доходов в капиталистическом обществе, не задевая основ капиталистического общества⁴.

А какие есть реальные средства изменить природу монополистического капитализма в рамках капитализма?

Никаких. В самом деле:

«Если бы капитализм мог приспособить производство не к получению максимума прибыли, а к систематическому улучшению материального положения народных масс, если

¹ Hobson, *Rationalisation and Unemployment*, p. 101, London 1931.

² Там же стр. 66. Для этого он даже предлагает установить общественный контроль над монополиями.

³ Там же, стр. 55.

⁴ На той же почве социальной демагогии подвизается Грин: «Единственный путь обеспечить распределение — это обеспечить покупательную способность трудящихся. Промышленные предприятия должны поднять заработную плату и сократить рабочий день пропорционально увеличивающейся производительности труда, если они хотят, чтобы распределение уравновешивало производительность. Другими словами, вместо того чтобы выплачивать специальные дивиденды на акции и все увеличивающиеся прибыли, большая часть прибылей должна идти рабочим. Только применение этого принципа уравновешивания накопления и распределения может спасти промышленность от повторяющихся упадков, все увеличивающихся в своей жесткости и размерах» (Grin, *American Federation*, 1931.)

О том же самом говорят все социал-фашисты, предлагающие изменить существующую систему распределения, не задевая основ капиталистического производства.

бы он мог обращать прибыль не на удовлетворение притхостей паразитических классов, не на усовершенствование методов эксплуатации, не на вывоз капитала, а на систематический подъем материального положения рабочих и крестьян, то тогда не было бы кризисов, но тогда и капитализм не был бы капитализмом» (Сталин).

Вся беспомощность и вздорность мечтаний Гобсона состоят в том, что закономерности развития капитализма (обнищание масс при громадном росте производственных способностей капитализма) нельзя устранить уговорами и призывами к более «справедливому» распределению доходов¹.

В возвращении к свободе торговли Пауль Эйнциг, подобно Гобсону, также видит панацею от всех бед. Твердо веря в неизблемость и совершенство капиталистического строя, Эйнциг часто натывается на разительные противоречия капитализма, но эмпирический кретинизм не позволяет ему подняться выше горизонта своих коллег, и он нанизывает факты, не понимая, что к чему относится.

Состояние послевоенного капитализма Пауль Эйнциг, подобно многим экономистам, определяет периодами «нарушенного равновесия».

Но что же именно «нарушено»?

Нарушена старая система распределения богатства как внутри стран, так и между различными странами, это «нарушение» создало изменения, полные неблагоприятных последствий.

«Каждая страна показывает обнищание значительных классов, хотя потери их в покупательной силе были компенсированы увеличением покупательной силы других классов, тем не менее эти изменения нарушили равновесие»².

Выдающейся чертой всего послевоенного периода Эйнциг считает отсутствие сколько-нибудь общего подъема («просперити»).

«В то время, — пишет он, — как условия ухудшились в таких странах, как Великобритания, Италия, Германия, где промышленность находилась в депрессивном состоянии

¹ Джемс правильно отмечает, что в Англии «понижение цен явилось добавочным толчком к рационализации в этой стране в течение нескольких последних лет» (стр. 134). Сама рационализация, проводимая в условиях чрезвычайного сужения рынков, «имеет тенденцию к увеличению безработицы скорее, чем в сокращению ее» (стр. 138). В результате рационализации размеры процента дивидендов растут, в то время как сумма заработной платы уменьшается.

Проблема рынков по-прежнему остается неразрешенной, очевидно здесь дело не только в рационализации и исправлении ее «недочетов», но и в необходимости исправления системы распределения доходов, — рассуждает реформист и штюпальщик заплат капиталистического строя («England to-day»).

² P a u l E i n z i g, The World Economic Crisis 1929 — 1931, p. 51, London 1931.

даже перед биржевым крахом, индустриальный подъем во Франции и САСШ быстро подготовил депрессию и тяжелую безработицу»¹.

Наступление современного экономического кризиса, по мнению Эйнцига, было вызвано сокращением спроса на индустриальное сырье со стороны депрессивной промышленности.

«Уменьшение в покупательной силе сельского населения в свою очередь усилило промышленную депрессию, замкнув этим самым порочный круг».

Все эти явления «нарушенного равновесия» Эйнцигу представляются также чисто временными. Он не замечает признаков, свидетельствующих об исторической перезрелости капитализма и несовместимости его отношений с развитием производительных сил. Перечислив ряд изменений, происшедших в послевоенном капитализме, он приходит к выводу, что эти «изменения» выражают переходный характер и что в конечном счете все окажется к лучшему в этом лучшем из миров.

«Их влияния,—пишет он,—в течение переходного периода могут быть неблагоприятными для частных интересов, даже для человечества в целом. Характерным примером неблагоприятного влияния таких благоприятных изменений является рост товарных запасов в современном аграрном кризисе, который является следствием понижения издержек производства в сельском хозяйстве. Другим, даже еще более очевидным примером является влияние рационализации на безработицу»².

Выход из этих трудностей переходного периода может быть найден посредством приспособления капиталистического хозяйства к более нормальным условиям работы.

Для этого нужно вернуться назад от протекционизма к свободной торговле, тогда произойдет оживление депрессивных отраслей, уничтожение безработицы, ликвидация всех трудностей, возникающих в послевоенном капитализме.

Мир вновь зацветет всеми красками молодости.

В другой вполне солидной буржуазной работе—коллективном произведении 19 научных организаций различных стран капиталистического мира, изданном Лигой наций, мы находим следующее, весьма характерное определение послевоенного периода.

«Война и последовавшие изменения и потрясения глубоко повлияли на экономическую структуру и активность мира. В Европе богатство было разрушено в невиданном

¹ P a u l E i n z i g, The World Economic Crisis 1929—1931, p. 62, London, 1931.

² Там же, стр. 50

размере: для покрытия специальных нужд войны в различных индустриях были созданы предприятия, оказавшиеся после войны ненужными; денежная система дезорганизована, и общественная задолженность ненормально возросла; накопление капитала приостановлено из-за инфляции; Россия полностью изменила свою экономическую и социальную систему, и были созданы новые отдельные территории. На других континентах районы, находящиеся под производством средств существования, быстро были увеличены, новые отрасли построены в странах, которые первоначально составляли рынок для европейских продуктов; САСШ из должника стали крупнейшим кредитором наций»¹.

Все эти изменения, по признанию авторов, создали «нестабильную ситуацию». В результате войны возникли хронический избыток производственного аппарата и прямое загнивание ряда основных отраслей производства.

Далее авторы констатируют наличие хронического перепроизводства пшеницы, угля, текстиля и т. п. и неравномерность развития разных отраслей производства, отсутствие общего предкризисного подъема, огромный рост безработицы и усиленную борьбу капиталистических монополий за повышенный уровень цен, или, как они называют, за установление «прибыльных» цен.

Подобные изменения в послевоенной экономике создали «нарушенное равновесие» и оказали серьезное влияние на вызревание и обострение современного мирового экономического кризиса.

Конечно «синклит мудрейших» считает подобно многим Эйнцигам и Гобсонам, что капитализм переживает фазу переходного периода, что он «перестраивается» и «приспосабливается» к новым послевоенным изменениям, что в конце концов капитализм выберется на большую историческую дорогу, преодолев все трудности «переходного» этапа.

Все эти выводы и перспективы размазаны и расписаны в апологетических красках. И не это характерно. Характерно то, что, несмотря на весь свой апологетический жар, буржуазные экономисты вынуждены были отметить в качестве основных решающих изменений в послевоенном капитализме обострение основных противоречий капитализма: такое обострение противоречий между развитием производительных сил и производственных отношений, при котором возникло хроническое перепроизводство всех форм капитала (ссудного, производительного, товарного). Неосмысленная констатация подобного рода фактов роста противо-

¹«The Course and Phases of the World Economic Depression», p. 14, Geneve 1931.

речий капитализма и его загнивания независимо от жара буржуазной апологетики превращается в свидетельство исторической незрелости капитализма, бессильного справиться со своими производительными силами. Сами того не ведая, они описали ряд определяющих признаков всемирного кризиса капитализма, единственно научный анализ природы которого дан в документах ВКП(б) и Коминтерна.

Безнадежны мечтания буржуазных идеологов о возвращении капитализма хотя бы к довоенной устойчивости.

К прежнему состоянию капитализм уже не вернется.

Это не может произойти потому, что история не движется вспять. Иначе надо зачеркнуть весь период человеческого развития с 1914 г., вообразить, что все осталось по-старому, что не было войны, социалистической революции, ряда пролетарских революций на Западе, Версаля, колониальных революций, что нет успешного социалистического строительства в СССР, упорных классовых боев пролетариата, конца капиталистической стабилизации, усиленного обнищания трудящихся масс, обостренной и межимпериалистической борьбы и форсированной подготовки ко второму туру империалистических войн и интервенции, мирового, неслыханного по своей остроте и продолжительности экономического кризиса и т. д. и т. п.

Такая степень абстракции тоже конечно возможна, но это ведь абстракция сумасшедшего. Апологет может выдумать любую лживую картину идиллического развития капитализма, примирения всех его противоречий. Но реальная действительность при правильном научном подходе к ней раскроет нарастание и усиление шаткости и неустойчивости послевоенного капитализма, переросших в конец капиталистической стабилизации. Вот почему в частности проблема рынка встала теперь в ином виде, чем до войны. Если раньше границы потребления, как говорил Маркс, раздвигались напряжением самого процесса воспроизводства, то сейчас рынки лишились той эластичной способности к расширению, которой они обладали до войны.

Гигантское обострение противоречий между производством и рынком привело к возникновению хронической неиспользованности производственного аппарата, к превращению резервной армии в постоянную и к ухудшению условий возрастания стоимости.

Массовая застойная безработица, являясь продуктом экономического загнивания капитализма, производным, вторичным фактором всеобщего кризиса капитализма, в свою очередь оказывает обратное тормозящее влияние на дальнейшее движение темпов воспроизводства посредством сокращения платежеспособного потребительского спроса и становится одним из основных при-

знаков всеобщего кризиса капитализма. Полностью подтверждается правильность положения Маркса, что «на известной степени своего развития материальные производительные силы общества впадают в противоречие с существующими производственными отношениями, или, употребляя юридическое выражение, с имущественными отношениями, внутри которых они до сих пор действовали. Из форм развития производительных сил эти отношения становятся их оковами, тогда наступает эпоха социальной революции».

Часть вторая

Положение
рабочего класса
и движение
заработной платы
до мирового
экономического
кризиса

Глава I

ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ ФОРМЫ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

Вопрос об обнищании рабочего класса неправильно сводить только к одному анализу динамики заработной платы. При изучении положения рабочего класса необходимо учитывать всю совокупность факторов, определяющих его положение при капитализме. Сущность всеобщего закона капиталистического накопления заключается в том, что капитализм в процессе накопления имманентно развивает все основные классовые противоречия, воспроизводя в расширенном масштабе все формы отношения эксплуатации труда капиталом. С расширением поля капиталистической эксплуатации происходит усиление процесса обнищания рабочего класса в формах увеличения интенсификации труда, роста безработицы, прямого понижения заработной платы, роста косвенных налогов и т. п.

Накопление капитала есть возрастание всех условий, увеличивающих норму эксплуатации рабочего класса, и следовательно возрастание всех условий обнищания.

«Все методы производства прибавочной стоимости являются в то же время методами накопления, и всякое расширение накопления, наоборот, становится средством развития этих методов. Из этого следует, что по мере того, как капитал накапливается, положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была высока или низка его заработная плата» (Маркс).

В эпоху империализма и в особенности в период всеобщего кризиса капитализма основные противоречия капитализма приобретают небывалую остроту и напряженность. Небывалые размеры промышленной резервной армии труда, превратившейся в значительной своей части в постоянную армию безработных, понижение реальной заработной платы при сильном увеличении интенсивности труда—таковы некоторые определяющие признаки обнищания рабочего класса в послевоенном капитализме. Однако очень часто этот рост обнищания маскируется видимостью роста заработной платы.

Отзываясь на замечания Дюринга на I том «Капитала», Маркс писал Энгельсу, что Дюринг проглядел у него целый ряд основных, важнейших и совершенно новых вещей, в числе которых Маркс указывает на раскрытие им сущности иррациональной формы заработной платы.

«Впервые,—пишет в этом письме Маркс,—был показано, что заработная плата есть иррациональная форма проявления скрывающегося за ней отношения».

И действительно раскрытие природы этой иррациональной формы открыло совершенно новую главу в истории теоретической экономики, ибо с этого времени вся проблема заработной платы была выведена из тупика, куда ее загнали классики.

Выход из тупика, в который попала классическая школа в связи с смешением рабочей силы с трудом, буржуазные экономисты наметили в дальнейшем по двум линиям:

1) по линии отрицания стоимостного характера, купли-продажи рабочей силы и переключения всей проблемы на путь так называемого «социального» решения вопроса и

2) по линии грубой вульгаризации и апологетики капитализма путем утверждений, что источники доходов даны в трех факторах производства (труд, земля, капитал) и что заработная плата является ценой труда.

Откуда возникает это мнимое выражение: «цена труда»? Подобно всякому явлению товарного общества, оно является выражением некоторых производных от него действительно существующих отношений.

В действительности рабочий проедает не труд, а рабочую силу, ибо труд является проявлением человеческой деятельности и не является товаром и не обладает стоимостью.

«Нельзя считать товаром труд в непосредственной форме его бытия, в его живом виде, товаром является только рабочая сила, временным проявлением которой служит труд» (Маркс).

В смешении сущности с внешней видимостью лежит один из источников теоретических блужданий буржуазной политической

экономии и всякого рода апологетических уверток. Раскрытие действительного отношения, скрывающегося за категорией заработной платы как «цены труда», нанесло сокрушительный удар по всякого рода теориям классовой солидарности в капиталистическом обществе.

Основная исходная предпосылка Маркса в теории заработной платы состоит в утверждении, что товар—рабочая сила оплачивается полностью по ее стоимости.

Исходя из этой предпосылки, Маркс тем самым показывал, что рабочая сила в условиях капиталистического режима является товаром, что стоимость ее воспроизводства определяется общими законами воспроизводства стоимости всех товаров и что в капиталистическом обществе рабочий класс скован цепями наемного рабства. Этим самым Маркс вскрыл всеобщее значение закона стоимости для капиталистического общества.

Маркс вместе с тем неоднократно подчеркивал, что в действительности заработная плата на всем протяжении капитализма сплошь и рядом опускается ниже стоимости рабочей силы и не отражает стоимость ее воспроизводства.

Понижение заработной платы ниже стоимости воспроизводства рабочей силы может происходить в форме открытого, прямого, непосредственно видимого понижения реальной заработной платы, и тогда здесь нет ничего мистифицирующего. Или же в такой иррациональной форме, когда, несмотря на внешний рост «реальной» заработной платы, в действительности происходит понижение заработной платы ниже стоимости воспроизводства рабочей силы.

«А последнее имеет место во всех тех случаях, когда повышение цены рабочей силы не компенсирует ее ускоренного снашивания»¹.

Во всех тех случаях, когда рост заработной платы компенсирует только ничтожную часть увеличения интенсивности, а это как раз и представляет в период империализма массовое, обычное явление, заработная плата перестает быть соизмеримой величиной степени эксплуатации.

«До известного пункта повышенное снашивание рабочей силы, неразрывно связанное с увеличением рабочего дня, может быть компенсировано усиленным возмещением трат организма. За пределами этого пункта снашивание растет в геометрической прогрессии, и в то же время разрушаются все нормальные условия воспроизводства и функционирования рабочей силы. С этого момента цена рабочей силы и степень ее эксплуатации перестают быть соизмеримыми величинами»².

В период всеобщего кризиса капитализма огромный рост интенсив-

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 527.

² Там же, стр. 529.

ности оплачивается в лучшем случае только минимально, не компенсируя изнашивания рабочей силы. Поэтому крайняя граница работоспособного возраста приближается теперь к 35—40 годам и отнюдь не является предельной. При помощи крупнейших достижений техники методы производства прибавочной стоимости приобретают характер колоссального истребления живых производительных сил общества.

Как при росте интенсивности труда, так и при росте производительности затрачиваемый труд воплощается в большом количестве продуктов. Но за этим формальным тождеством количественного роста продукции скрывается принципиальная разница. Рост производительности и рост интенсивности представляют различные явления. Под ростом интенсивности Маркс понимал рост напряженности труда, измеряемого количеством трудовой энергии, расходуемой рабочим в единицу времени. Под ростом производительности—сокращение энергии, расходуемой рабочим на единицу времени, или увеличение производства продукции при прежней затрате труда в течение прежнего времени.

Здесь происходит возрастание эксплуатации рабочего посредством увеличения напряженности труда в пределах того же времени. Но так как интенсивный час работы содержит большую затрату рабочей силы, чем раньше, то и его совокупный продукт имеет поэтому более высокую стоимость. Возрастает совокупная общественная стоимость продукции. И при таких условиях, как подчеркивал Маркс, заработная плата и прибавочная стоимость могут возрастать одновременно. Не означает ли подобный случай примирение классовых антагонизмов? Известно, что основываясь на подобного рода явлениях, социал-фашистские теоретики и буржуазные экономисты построили свои «опровержения» марксистского учения о законе абсолютного обнищания рабочего класса. Подобные отношения на самом деле означают только переход к более замаскированным методам эксплуатации рабочего класса и показывают, что буржуазия сделала дальнейшие шаги в искусстве скрывать угнетенное положение рабочего класса. Маскируя огромное усиление нормы эксплуатации некоторым повышением заработной платы, буржуазия фактически понижает заработную плату ниже стоимости рабочей силы. Следовательно рост заработной платы, часто давая обманчивую видимость роста жизненного уровня рабочего класса, на самом деле скрывает за собой усиление интенсивности труда и нарушение всех нормальных условий воспроизводства и функционирования рабочей силы.

Внешне заработная плата оказывается таким образом иррациональной, категорией в которой искажены действительные отношения капиталистического общества. В руках буржуазных экономистов такие иррациональные представления служат сильнейшим демагогическим оружием для распространения всякого рода теорий уничтожения

классовых антагонизмов, роста благосостояния рабочих масс при капиталистическом режиме, для укрепления мелкобуржуазных иллюзий.

Тогда как в действительности дело обстоит иначе, на самом деле происходит сильнейшее обнищание рабочего класса, ибо рост заработной платы как правило не компенсирует изнашивания рабочей силы, вызванного ростом интенсивности труда.

Глава II

К ВОПРОСУ О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ И ИНТЕНСИВНОСТИ ТРУДА

Капиталистическая рационализация, означая введение новых организационных форм труда, усиливающих напряженность труда, опирается в конечном счете на существенные изменения в технике производства. Было бы неправильно отрывать крупные основные изменения в организационных формах труда от развития материально-вещественных элементов производства. Такой отрыв неизбежно вел бы к недооценке технического развития при капитализме и к замазыванию того, что в капиталистическом обществе сама техника является средством жесточайшей эксплуатации рабочего класса¹. Но из этого отнюдь не следует, что рост капиталистической рационализации и вызванный им рост производительности труда исключительно определяются техническими переменами в производстве. Интенсивный рост капиталистической рационализации и производительности труда может происходить при замедлении и темпов технического развития (здесь надо различать ход технических изобретений и опытно-лабораторных работ от действительного применения новой техники в производстве). Это не только возможно, но в период всеобщего кризиса капитализма это именно так и происходит. Поэтому здесь необходимо видеть двоякий источник роста производительности труда, который определяется не только ростом техники, но и увеличением интенсивности труда в результате прямого, непосредственного увеличения нормы эксплуатации с помощью одних изменений в организационных формах труда (например хронометрирование производственного процесса, конвейерная система, основанная на простейших технических улучшениях, применение различных систем зарплаты—Хэлси, Тейлора² и т. д.). Конечно в действительности рост интен-

¹ Ясно например, что, когда производительность растет на несколько сотен процентов, это не может быть достигнуто за счет интенсивности труда, как бы последняя ни росла.

² Система оплаты труда по Хэлси состоит в том, что рабочему, перевыполнившему вдвое обычную норму, выплачивается 1/3—1/2 приработка. Система Тейлора основана на установлении такой высокой нормы выработки, перевыполнение которой в большинстве случаев не удается, поэтому в качестве при-

сивности и рост производительности происходят одновременно и неразделимо друг от друга. В этом двойном характере роста выработки состоит главная трудность дифференцированного анализа роста интенсивности и производительности труда. Но как только теоретически выяснено различие между производительностью и интенсивностью труда, основная задача должна состоять в том, чтобы выделить динамику роста интенсивности для характеристики соизмеримости реальной заработной платы с нормой эксплуатации рабочей силы в послевоенном капитализме.

По данным «Гуверовского отчета», производительность труда за период с 1899 по 1927 г. изменилась следующим образом¹:

Годы	Физический объем про- изводства	Число рабочих	Выработка на 1 рабо- чего
1899	100	100	100
1919	214	204	104
1927	280	187	151

Развитие производства в САСШ до войны, во время войны и после войны. (Среднеежегодный прирост в процентах.)²

Годы	Физический объем про- изводства	Число занятых рабочих	Мощность первичных двигателей	Производи- тельность труда
1899—1914	4,5	4,0	8,0	0,5—0,75
1914—1919	5,0	5,5	6,0	0,75
1919—1927	3,8	1,0	3,5	6,0

манки устанавливаются высокие премии за перевыполнение нормы. Система «участия в прибылях» подгоняет рабочих к увеличению интенсификации труда обещанием им некоторой прибавки к заработной плате при «хороших» делах предприятия. Эта система является к тому же излюбленным средством для всякого рода реформистских теорий единства интересов труда и капитала. До кризиса она была сильно распространена на американских автозаводах под названием артельной и бонусной оплаты. Кроме этих имеется бесконечное, число других систем, по существу ничем не отличающихся от вышеуказанных.

¹ «Новейшие положения в экономике САСШ», т. 1, стр. 154.

² Вычислено на основании цифр «Гуверовского отчета» с разбивкой по трем периодам.

При учете темпов роста мощности первичных двигателей и электрических, получивших, как известно, наиболее сильное развитие в послевоенный период, общий темп роста технической мощности производственного аппарата несколько повысился, составляя среднеежегодный прирост в течение 1923—1927 гг. в 4, 5%. См. «Statistical Abstract of the United States», p. 390, 1931.

За этими суммарными данными, охватывающими весь период империализма, скрываются три весьма характерных, исторических этапа развития монополистического капитализма: предвоенный, военный и послевоенный, которые нужно рассмотреть отдельно.

Характерными чертами предвоенного развития САСШ были:

1. Способность монополистического капитализма еще сильно развивать производство, несмотря на наличие весьма сильных тенденций к загниванию. Физический объем продукции с 1899 до 1914 г. увеличился на 69% (по «Гуверовскому отчету»), или среднеежегодный прирост составлял 4,5%.

2. Сильный рост технического оборудования. Мощность первичных двигателей возросла с 1899 по 1914 г. на 122%, или на 8% в год (в среднем).

3. Значительная способность промышленности к поглощению новых рабочих. Число занятых рабочих с 1899 по 1914 г. увеличилось на 56%.

4. Производительность труда выросла за этот же период на 8%¹.

¹ Все эти данные взяты из «Гуверовского отчета», т. I, стр. 155. В своем годовом отчете «National Bureau of Economic Research» оценивает предвоенное и военное развитие обрабатывающей промышленности (без автомобильной в САСШ) следующим образом:

Годы	Физический размер производства	Число рабочих
1899	100,0	100,0
1904	113,8	107,2
1909	143,4	130,4
1914	156,2	132,2

Годы	Физический размер производства	Число рабочих	Производительность на одного рабочего
1914	100,0	100,0	100,0
1919	123,9	122,0	101,5

Джон Фрей в «American Federationist» (за июль 1931 г., стр. 816) в свою очередь исчисляет, что если уровень производительности труда в 1899 г. взять за 100, то получается следующая динамика (в процентах):

Годы	Производительность труда
1899—1914	115
1914—1919	100

Несмотря на расхождения буржуазных экономистов в оценке уровня производительности труда в военный период, почти все они отмечают факт стабильности производительности труда в период империалистической войны, а некоторые, как например Фрей—далее понижение.

Что произошло в период империалистической войны?

1. Под влиянием напряженного военного спроса хозяйство САСШ сделало большой скачок вперед, превысив в росте производства за пятилетие 1914—1919 гг. рекордное пятилетие 1904—1909 гг.

Индекс физического объема производства вырос на 26%, число рабочих—на 28%, мощность первичных двигателей—на 32%. Однако п р о и з в о д и т е л ь н о с т ь т р у д а оставалась почти стационарной.

Несмотря на применение в производстве ряда нового технического оборудования, производительность труда почти не повысилась, что было вызвано в САСШ вводом в производство всего старого морально изношенного технического аппарата, вводом в производство неквалифицированной молодой рабочей силы, заменой мужского труда женским, т. е. всей совокупностью фактов, вызванных военным периодом.

Продукция росла в течение военного периода значительно сильнее основного капитала, что вело к почти предельному использованию производственного аппарата основных отраслей производства. Механическая вооруженность рабочей силы оставалась на прежнем уровне в силу значительного роста рабочих. В целом технический состав капитала оставался стабильным.

В чем состоит специфичность движения производительности в послевоенный период?

1. В силу особой специфической узости рынков монополистический капитализм потерял свою способность развивать производство такими же темпами, как во время войны и в предвоенный период.

2. Темпы роста технического вооружения также стали слабее.

3. В то же самое время темп роста производительности труда превзошел все, что было известно в истории американского капитализма.

4. На этой противоречивой основе сокращенных темпов роста производства и гигантского роста производительности произошло уменьшение числа занятых в производстве рабочих.

Наконец, надо учесть, что этот невиданный темп роста производительности труда происходил при значительном хроническом неиспользовании производственного аппарата, следовательно и существующего технического оборудования. Таким образом действительное техническое вооружение рабочей силы было значительно более слабым, чем при простом пересчете всего действующего и бездействующего технического аппарата на рабочую силу.

Но это и означает, что громадный рост производительности труда в послевоенном капитализме был достигнут за счет значительного роста и н т е н с и в н о с т и труда.

Роберт Данн, написавший весьма интересную работу о положении американских рабочих на автозаводах, приходит к выводу, что «в результате ускорения трудовых операций на фордовских предприятиях в 1925 г. производили 32 200 авто еженедельно с тем же самым механическим оборудованием, с помощью которого в 1920 г. производилось только 25 тыс. авто еженедельно. Увеличение производительности было прямым результатом роста интенсивности труда»¹.

Что означает «ускорение труда» (speed-up) и за счет чего оно достигается, не плохо описал такой буржуазный идеолог, как редактор «Frankfurter Zeitung» Артур Фейлер в своей книге «America Seen Through German Eyes». Он пишет: «Когда конвейер ускоряет свое движение, рабочие должны следовать за его ритмом и спешить соответственно со своей работой. Быстрота конвейера неизбежно обуславливает спешку рабочих. Конвейер является хозяином.

Если управление на фабрике решает увеличить быстроту работы на 10%, тогда десятки тысяч рук должны работать на 10% быстрее. Рабочие прикованы к конвейеру, как рабы галер к своему судну». Эти выводы Фейлер делает на основе наблюдения конвейерной работы на предприятиях Форда, «Дженерал Моторс», Крейсlera и др. Даже его, человека, выдавшего виды, все это приводит в замешательство, и он продолжает:

«Система эксплуатации человеческого труда беспощадна, и через некоторое время напряжение становится почти непереносимым».

И вот такая каторжная работа на конвейере, построенная на огромной разрушительной работе мышечной и нервной энергия, изображается профессиональными прославителями капитализма, вроде господ Чарльсов Уодов, как «современный танец».

Изучающие причины потери Англией мировой гегемонии и хронического застоя производства часто заявляют, что это вызвано застойностью в производительности труда.

Какова действительная динамика производительности труда в Англии?

Вопреки многочисленным заявлениям о застойности производительности труда, последняя фактически поднялась с 1924 по 1928 г. в среднем на 12% (см. показания Клей, Пигу, Бейли, в макмиллановском комитете).

Неверно было бы и по отношению к Англии отрицать несомненный рост мощности производственного аппарата и в особенности электродвигателей, происходящий вопреки хронической депрессив-

¹ «Labour and Automobiles», p. 84.

ности английского хозяйства, хроническому неиспользованию ее производственного аппарата.

Но хотя этот рост технической мощности происходил по всем отраслям промышленности (старым и новым, распыленным и монополистическим), он не представлял собой сколько-нибудь серьезной реконструкции промышленности.

Широкие «рационализаторские планы» коренной реконструкции английской промышленности свелись на практике в значительной части к голому нажиму на рабочий класс (к прямому понижению заработной платы, увеличению рабочего дня, росту интенсивности). На прямом сокращении заработной платы за последние годы рабочие потеряли около 15 млн. ф. ст., и в это же время была увеличена продолжительность рабочего времени.

Господство рантьевого типа капитала в Англии делает неспособным буржуазию к какой-либо серьезной перестройке в общественном масштабе устарелой технической базы промышленности.

Рационализация в британской промышленности означает введение наиболее brutальных методов эксплуатации рабочего класса.

Технический уровень английской промышленности резко отличается в старых и новых отраслях. В первых он остается до сего времени значительно отсталым сравнительно с германской и американской промышленностью, во вторых, новых,—технический уровень производства идет в ногу с первоклассными американскими и германскими предприятиями.

Новые отрасли производства (химия, авто, электротехника), возникшие в более поздний период, организовались сразу на современной технической основе и при высоком уровне концентрации.

В целом же централизационное движение, резко усилившееся за последние годы под комбинированным воздействием ряда факторов, осталось на ступени примитивных картельных объединений, сохраняющих в общем достигнутый уровень техники производства. Это—типичная паразитарная форма картелирования наиболее крупных индивидуальных промышленных предприятий.

В угольной промышленности до сего времени господствует значительная техническая отсталость и сильная раздробленность производства.

Точно такое же положение дела в текстильной промышленности и с небольшим улучшением в металлургической.

Около половины угольных шахт в самые последние предкризисные годы находились в работе свыше 50 лет при застойной технике производства и транспортировки угля.

Комитет Бальфура, внимательно изучавший в течение ряда лет английскую промышленность, подтверждает эти факты и указы-

зывает, что новый капитал не идет в реконструкцию промышленности.

Основные отрасли—текстильная, стальная, угольная, судостроительная и т. п.—из-за сокращения прибылей становятся неспособными привлекать новые капиталы.

Промышленное инвестирование в такие отрасли становится «рискованным» делом.

Индустрия может технически реконструироваться только с помощью нового капитала, а новый капитал может быть привлечен в застойные отрасли только тогда, когда там будут восстановлены более «нормальные» условия возрастания стоимости.

Таков порочный круг, обрекающий английскую технику на отсталость.

Чрезвычайно показателен характер распределения эмиссии новых капиталов в послевоенной Англии. Из 285 млн. нового капитала, выпущенного в 1929 г., в угольную, железную и машиностроительную промышленность было направлено около 4,5 млн. ф. ст., т. е. 1,5%. В 1930 г. из 267 млн. ф. ст. в те же отрасли промышленности пошло еще меньше—1 285 тыс. ф. ст., т. е. 0,48 %¹.

Это показывает, что бумы, имевшие место на рынке ценных бумаг, носили в значительной мере чисто спекулятивный биржевой характер.

Изучая причины роста производительности труда в Великобритании, Бенхам правильно подходит к выводу, что это было вызвано в основном чисто организационными изменениями в процессе труда.

«В Великобритании,—говорит он,—производство увеличилось сильнее роста народонаселения между 1924—1929 гг. Но это объясняется скорее улучшением в методах организации, чем ростом пропорции использования основного капитала»².

Типичными методами такой рационализации является прямой, непосредственный нажим на рост интенсивности труда.

При незначительном увеличении мощности производственного аппарата значительный рост производительности труда означает не что иное, как рост интенсивности труда.

Этот значительный рост производительности труда протекал при чрезвычайно замедленных, ползучих темпах роста продукции.

Мы еще раз видим, что до кризиса целый ряд важнейших, ключевых отраслей производства находился в течение длительного периода в состоянии хронической депрессии, прерываемой кратковременными вспышками оживления.

¹ «Statist» за февраль 1931 г.

² «International Unemployment», p. 232, 252.

Годы	Уголь	Чугун	Сталь	Судо- строение	Хлопчатого- бумажные ткани	Кожа	Бумага
1924 . . .	100	100	100	100	100	100	100
1925 . . .	94	86	95	75	114	97	99
1927 . . .	96	100	114	85	106	101	118
1928 . . .	92	90	107	120	97	112	106
1929 . . .	99	104	115	105,5	95	89	134

Значительный рост производительности труда при незначительном росте мощности производственного аппарата показывает нам, что при таком положении заработная плата перестает быть соизмеримой величиной степени эксплуатации: обманчивая видимость роста «реальной» заработной платы состоит в том, что она не отражает усиления интенсивности труда, уменьшение степени обеспечения стоимости воспроизводства рабочей силы и нарушения всех нормальных условий ее функционирования.

В этом росте интенсивности труда заключается существенная черта капиталистической рационализации послевоенного времени.

В послевоенном капитализме повышение интенсивности труда является главной, решающей задачей рационализации, при которой технические изменения являются неизбежной предпосылкой автоматического подстегивания и контроля над интенсивностью труда.

Увеличивая напряженность труда посредством ускорения хода существующих станков, машин, введения новых автоматических станков, организации конвейерной системы, реорганизации системы оплаты труда по принципу Тейлора, Эммерсона, Бедо, Бати и др., предприниматели одновременно достигают деквалификации труда и его обесценения.

Так из упрощения трудовых операций и возможности тем самым облегчения условий работы предприниматели делают себе орудие для дальнейшего понижения заработной платы и увеличения степени эксплуатации.

Деквалификация рабочей силы находит непосредственное свое выражение в изменении состава промышленных рабочих.

Происходит значительное вытеснение квалифицированных рабочих неквалифицированными, мужского труда—женским.

В течение 1920—1928 гг. в стекольной промышленности Англии было вытеснено 70% квалифицированных рабочих!, в стальной и

железной индустрии САСШ произошло сокращение квалифицированной рабочей силы на 30—35% за последние 20 лет. И это вытеснение квалифицированных рабочих является общим явлением для всех без исключения капиталистических стран. Выражением того же самого процесса является увеличение удельного веса женского труда в промышленности. В целом процент женщин в промышленности капиталистических стран поднялся с начала XX в. по 1925 г. с 14 до 20—22.

Зарботная плата работниц по сравнению с оплатой мужской рабочей силы обычно на 15—20% ниже. Будучи наименее организованы, работницы подвергаются беззащитной эксплуатации и представляют собой один из наиболее эксплуатируемых отрядов рабочего класса.

Другим показателем роста интенсивности труда является статистика динамики несчастных случаев в производстве, показывающая значительный рост последних в послевоенный период.

Смертельные случаи.				Несчастные случаи.			
САСШ				Германия		Англия	
Каменноугольная промышленность		Литейное дело		По всей промышленности		Каменноугольная промышленность	
Годы	На 1 тыс. занятых рабочих	Годы	В % к общему числу рабочих	Годы	В % к числу застрахованных	Годы	На 1 тыс. занятых рабочих
1921—1925	51,6	1924	0,55	1924	5	1924	159,2
1926	51,1	1925	0,64	1925	6	1925	159,5
1927	49,8	1926	0,69	1926	8	1926	167,5
1923	53,0	1927	0,82	1927	9	1927	169,9
		1928	0,74	1928	9	1928	181,5
		1929	0,86	1929	10	1929	176,1

Так при помощи мер по «рационализации» производства и при широкой поддержке социал-фашистов всех стран буржуазия добилась сильного повышения роста интенсивности труда под видом роста производительности, и с помощью этого же рычага произошли массовые сокращения рабочих с предприятий, деквалификация и обесценение труда значительной части квалифицированных рабочих, увеличение размеров застойной безработицы, резкое ухудшение положения рабочего класса в целом.

ОСНОВНОЙ ЗАКОН ДВИЖЕНИЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ.

Основные законы, определяющие положение рабочего класса при капитализме, о исчерпывающей глубине были вскрыты Марксом в его учении о всеобщем законе капиталистического накопления. Здесь Маркс формулирует вопрос о судьбах рабочего класса при капитализме и указывает, что в рамках капиталистического режима рабочий класс не может избавиться от цепей наемного рабства и от действия законов абсолютного и относительного обнищания. Учение Маркса является краеугольным камнем исследования вопроса о положении рабочего класса в эпоху империализма и всеобщего кризиса капитализма. Поэтому необходимо коротко выявить основное содержание этого закона обнищания, открытого и обоснованного Марксом для периода промышленного капитализма с тем, чтобы посмотреть, как эти законы на более поздней ступени капиталистического развития видоизменяются, сохраняя всю свою силу действия для судеб рабочего класса и на более поздней ступени капиталистического развития.

Капитал, создаваемый рабочим классом, создает и увеличивает резервную армию промышленности, порождает все законы, ведущие рабочий класс к абсолютному и относительному обнищанию. Абсолютное и относительное обнищание является основным признаком всеобщего закона капиталистического накопления на всех этапах капитализма. Накопление и приносимое этим движением развитие общественной производительности труда порождают рост нищеты и усиление нужды в рабочем классе. Этот определяющий закон движения капитализма Маркс формулирует в следующих словах:

«Накопление богатств на одном полюсе и в то же время накопление нищеты, мук труда, рабства, невежества, одичания и моральная деградация на противоположном полюсе, т. е. на стороне рабочего класса, который производит свой собственный продукт как капитал»¹.

Каков же тот механизм, при помощи которого накопление ведет к росту относительного и абсолютного обнищания в рабочем классе? В ходе накопления капитала и вызываемого им роста производительности труда, возникает существенное качественное изменение в техническом составе капитала. Вещественные факторы производства, как например, машины, станки, двигательный аппарат промышленности, сырые материалы и пр., увеличива-

¹ Маркс, Капитал, т. 1, стр. 661.

ются значительно быстрее по сравнению с ростом численности рабочих, которые применяют эти вещественные элементы производства. Рост общественной производительности труда, вызывая понижение стоимости товаров, приносит понижение стоимости воспроизводства товара—рабочей силы. В результате этих закономерных изменений сокращается величина необходимого труда и увеличивается величина прибавочного труда в пределах даже неизменной продолжительности рабочего дня. Отсюда возникает увеличение относительно прибавочной стоимости и связанное с этим усиление относительного обнищания рабочего класса (падение доли заработной платы рабочего класса в национальном доходе). Процесс относительного обнищания обостряется дальше под влиянием целого ряда дополнительно действующих факторов. Под влиянием деквалификации основных видов труда, вызываемой механизацией производства, вовлечения детского и женского труда в производство и т. д. происходит понижение стоимости воспроизводства рабочей силы. Если раньше, до массового вовлечения детского и женского труда в производство, стоимость воспроизводства рабочей силы определялась стоимостью воспроизводства семьи рабочего, то теперь стоимость воспроизводства ограничивается только лишь стоимостью воспроизводства индивидуальной рабочей силы. Это означает понижение стоимости рабочей силы и обострение относительного обнищания рабочего класса.

Вопрос об относительном обнищании рабочего класса представляет важную часть учения Маркса о законе обнищания, ибо анализ относительного обнищания помогает полнее и ярче вскрыть все формы обнищания рабочего класса при капитализме.

Но было бы неправильно ограничиться установлением только лишь одного закона относительного обнищания. Рост накопления капитала вызывает увеличение производительности труда и вместе с ним падение спроса на рабочую силу. Старый капитал отталкивает все больше рабочих, а новый притягивает все меньше новых рабочих из пролетарируемых слоев и старых отраслей промышленности. Отсюда возникает и увеличивается резервная промышленная армия, играющая исключительно важную роль в возникновении закона абсолютного обнищания рабочего класса: «Относительное перенаселение,—говорит Маркс,—есть тот фон, на котором движется закон спроса и предложения труда. Он втискивает размах этого закона в границы абсолютно согласные с каждой эксплуатацией и стремлением к господству, свойственными капиталу». Давление, производимое резервной промышленной армией на положение занятой части рабочего класса играет исключительно важную роль в деле понижения заработной платы ниже стоимости рабочей силы. Маркс неоднократно, с не вызывающей

никаких сомнений ясностью, подчеркивал, что рабочий класс в 99 случаях из 100 борется за сохранение уровня заработной платы по стоимости воспроизводства своей рабочей силы. Именно в связи с раскрытием причин возникновения и роста резервной промышленной армии. Маркс указывает на процесс абсолютного обнищания и устанавливает неразрывное единство между процессом относительного и абсолютного обнищания, вызванного механизмом накопления капитала. Исходя из закономерности процесса накопления капитала, который приводит к росту производительности труда и следовательно к падению стоимости воспроизводства рабочей силы, и который в то же самое время увеличивает резервную промышленную армию, Маркс выводит закон абсолютного и относительного обнищания рабочего класса. С классической ясностью этот вывод сделан Марксом в следующих словах:

«Относительная величина промышленной резервной армии возрастает параллельно возрастанию сил богатства; но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета, которые) обратно пропорциональны мукам его труда: Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официально признанный властями пауперизм. Это абсолютный всеобщий закон капиталистического накопления»¹.

И страницей дальше Маркс вновь подчеркивает эту же самую мысль в следующей формулировке:

«По мере того, как капитал накапливается, положение рабочих должно ухудшаться, как бы ни была высока или низка их оплата. Наконец тот закон, что относительно перенаселение или промышленная резервная армия постоянно поддерживаются в состоянии равновесия и размерами и энергией накопления приковывают рабочего крепче к капиталу, чем молот Гефеста приковывал его к скале, он обуславливает накопление нищеты соответственно накоплению капитала»².

Следовательно резервная промышленная армия выполняет двоякую функцию,—она, с одной стороны, поддерживает всегда рабочее население в состоянии относительного избытка, предоставляя капиталу в период его скачкообразного расширения получать рабочую силу, независимо от границ естественного прироста народонаселения, с другой стороны, она является силой, давящей на активную занятую в производстве рабочую ар-

¹ Маркс, Капитал, т. I, гл. «Всеобщий закон капиталистического накопления».

² Маркс, Капитал, т. I.

мню и понижающей реальный уровень заработной платы ниже стоимости воспроизводства рабочей силы¹.

На влияние безработицы, на понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы, Маркс указывал в учении о всеобщем законе капиталистического накопления.

«В общем и целом,—писал Маркс,—широкие колебания заработной платы регулируются исключительно расширением и сокращением промышленной резервной армии, соответствующими смене периодов промышленного цикла. Следовательно они определяются не движением абсолютного числа рабочего населения, а тем изменяющимся отношением, в котором рабочий класс распадается на активную армию и резервную армию, увеличением и уменьшением относительных размеров перенаселения, степенью, в которой оно то поглощается, то снова освобождается»².

И далее:

«Относительное перенаселение есть тот фон, на котором Двигается закон спроса и предложения труда»³.

«Степень интенсивности конкуренции между рабочими всецело зависит от давления относительного перенаселения»⁴.

«Резервная армия труда,—пишет Маркс,—своим движением на этом базисе закона спроса и предложения труда довершает деспотизм капитала»⁵.

Для периода всеобщего кризиса капитализма все эти опреде-

¹ В связи с законом абсолютного обнищания необходимо сделать одно замечание о схемах воспроизводства у Маркса во II томе «Капитала».

Схемы расширенного воспроизводства Маркса, как известно, являются иллюстрацией антагонистических отношений классов в капиталистическом обществе. Вместе с тем в схемах Маркса иллюстрируется, что из цикла в цикл, наряду с ростом совокупной стоимости средств производства и средств личного потребления капиталистических классов, растет и совокупная стоимость средств потребления рабочего класса.

В чем же тут дело? Не «противоречит» ли II том «Капитала» остальным работам Маркса по вопросу о законе абсолютного обнищания?

Нет, не «противоречит». Общее увеличение совокупной стоимости средств потребления рабочего класса покоилось на значительном численном росте рабочих, занятых в производстве, а не на систематическом росте реальной заработной платы, как мог бы подумать какой-нибудь тысячу первый «критик» Маркса.

² Маркс, Капитал, т. I, стр. 655.

³ Там же, стр. 657.

⁴ Там же, стр. 658.

⁵ Там же, стр. 658. Характерно, что, говоря в III теме «Капитала» о понижении заработной платы ниже стоимости рабочей силы, Маркс пишет, что это явление относится к исследованию конкуренции, т. е. к вопросу о соотношении между резервной армией и занятой частью рабочих. Как известно, Марксу не удалось специально написать главу о конкуренции. См. Маркс, т. III, стр. 210, изд. 1907 г.

ления Маркса не только остались целиком верными, но и приобрели еще большую силу действия.

На всем протяжении своего существования капитализм применяет все средства для понижения (зарботной платы; он использует резервную армию труда для прямого понижения заработной платы ниже стоимости рабочей силы. В последний период качественная особенность этого явления состоит в том, что происходит колоссальный рост резервной армии с превращением многомиллионной ее части в постоянную армию безработных. Смена промышленных циклов происходит теперь без сколько-нибудь значительного сокращения безработицы в фазе подъема и при чудовищном росте ее в фазе кризиса. В целом удельный вес армии безработных по отношению к активной армии перманентно остается неизмеримо более высоким, чем прежде.

При таких изменениях в размере и характере безработицы, понижение заработной платы ниже стоимости становится массовым, всеобщим явлением, выражающим колоссальное усиление деспотизма капитала над трудом.

Господство монополий ведет к чудовищному росту капиталистической эксплуатации рабочих и трудящихся масс всеми методами экономического и политического давления, насилия, путем завинчивания прессы капиталистической эксплуатации до предельного напряжения. С помощью разветвленной системы выжимания прибавочной стоимости, налогов, монопольных цен, неэквивалентного обмена, принудительных арбитражей, деквалификации труда и пр. и пр. происходит присвоение огромных масс прибавочной стоимости.

В этот период понижение стоимости рабочей силы наталкивается на контртенденцию, вызванную растущей интенсивностью труда,

Рост интенсивности труда имеет тенденцию повысить стоимость воспроизводства рабочей силы, а заработная плата не растет или увеличивается так, что только частично компенсирует изнашивание рабочей силы.

Одновременно с этим под давлением монополии возникает значительное повышение уровня розничных цен, в особенности на средства существования рабочего класса. Рабочий попадает в тиски двойной системы эксплуатации—как наемный рабочий и как потребитель.

И заработная плата опускается ниже стоимости воспроизводства рабочей силы.

«Рабочий нищает абсолютно, т. е. становится прямо-таки беднее прежнего, вынужден жить хуже, питаться скуднее, больше недоедать, ютиться по подвалам и чердакам. Еще нагляднее однако относительное об-

нищение рабочих, т. е. уменьшение их доли в общественном доходе»¹.

То же самое говорит т. Сталин, указывая, что «при капиталистических порядках «закон» разрешает «только» обрекать трудящихся на безработицу и обнищание, на разорение и голодную смерть» (Речь на съезде колхозников-ударников).

Таким образом марксисты-коммунисты считают единственно правильной точку зрения Маркса по вопросу о законах абсолютного и относительного обнищания рабочего класса, считают, что Маркс впервые в истории правильно вскрыл закономерности капиталистического развития и что учение Маркса о законах обнищания является единственно революционным учением, которое правильно показывает рабочему классу пути выхода из нищеты посредством свержения буржуазного режима и пролетарской революции. Закон абсолютного и относительного обнищания является неизбежным следствием капиталистической системы производства. Иной порядок вещей при буржуазном строе невозможен, и всякие разговоры о возможности примирения классовых интересов, улучшения жизненного уровня рабочего класса, сколько-нибудь длительного повышения заработной платы являются не чем иным, как буржуазной апологетикой, попыткой замазать основные коренные классовые противоречия, на которых покоится процесс накопления капитала. До тех пор, пока будет существовать капитализм, рабочий класс должен продавать свою рабочую силу как товар. Закон стоимости постоянно ограничивает заработную плату стоимостью воспроизводства рабочей силы, которая к тому же понижается ниже стоимости воспроизводства. Механизм накопления в капиталистическом обществе действует таким образом, что он исключает всякое

¹ Ленин, т. XII, ч. 2.

В апреле 1914 г. Ленин вновь возвратился к вопросу о движении заработной платы наемных рабочих. Разбирая работу Дроздова, он писал, что благодаря революции 1905 г. заработная плата рабочих увеличилась от 20 до 25%, и это повышение «приходится как раз на 1906 г., т. е. именно на тот год, когда влияние движения пятого года должно было сказаться с наибольшей определенностью».

Но и это повышение заработной платы при сравнении с ростом цен оказывается совершенно иллюзорным, так как «повышение заработной платы наемных рабочих едва поспевает за повышением цен на продукты потребления». В результате в этот наиболее благоприятный для рабочих период заработная плата оставалась стабильной. И если бы не революция 1905 г., то заработная плата неизбежно понизилась бы. (См. Ленин, Заработная плата сельских рабочих, Соч., т. XVII).

В статье «Капитализм и народное потребление» Ленин ярко сформулировал этот закон в следующих словах: «Богатым — доходы от роста производства и торговли, а рабочим и крестьянам — маргарин и снятое молоко. Такова капиталистическая действительность, которую так усердно подкрашивают либеральные и казенные ученые» (т. XXX, стр. 187).

повышение заработной платы, которое могло бы угрожать процессу капиталистического накопления. Законы капиталистического развития действуют таким образом, что рабочий класс подпадает под действия закона обнищания. Из этого учения вытекают радикальные выводы о необходимости уничтожения буржуазного способа производства, как единственного пути уничтожения источников обнищания рабочего класса. Именно только тот, кто последовательно защищает точку зрения Маркса по вопросу о законе обнищания рабочего класса, только тот доводит дело до конца, считая, что уничтожение буржуазного способа производства есть единственный способ уничтожения источников обнищания рабочего класса. И Марко далее показывает, как законы накопления капитала и концентрации капитала, усиливая рост обнищания рабочего класса, вызывают рост организованности и возмущения рабочего класса, «вышколенного, объединенного и организованного самим механизмом капиталистического процесса производства»). Рабочий класс является той революционной силой, которая, борясь с законами обнищания, доводит дело до свержения буржуазного господства.

Таковы основные черты учения Маркса о законах абсолютного и относительного обнищания рабочего класса при капитализме.

И этот вывод нашел свое полное подтверждение на практике.

Было бы однако вульгаризацией марксистско-ленинской теории изображать дело так, что обнищание рабочего класса, происходит как непрерывное и прямолинейное движение без всяких временных отклонений, задержек и колебаний, что абсолютное обнищание происходит с непрерывным нарастанием.

Столь вульгарное, плоское представление показало бы непонимание природы всех экономических законов, которые обнаруживают свое реальное значение, в среднем приближаясь к этой действительности через целую цепь временных отклонений и задерживающих обстоятельств. Только при таком учете действия закономерностей капитализма можно правильно понять сущность выводов Маркса и Ленина об абсолютном и относительном обнищании рабочего класса, которое происходит о рядом отклонений и обнаруживает свое действие на большом отрезке времени.

Противодействующим фактором обнищания является в первую голову сам рабочий класс—сила его организованности, классовой сознательности и сопротивления капиталистической эксплуатации. И чем сильнее происходит концентрация производства, тем сильнее обостряются классовые антагонизмы, тем упорнее разворачиваются классовые бои, ибо оборотной стороной концентрации производства является рост силы и активности рабочего класса, могильщика буржуазного способа производства.

Но в рамках капиталистического общества классовое сопротивление действию закона обнищания не может дойти до уничтожения товарного характера найма рабочей силы и господства закона стоимости рабочей силы, ибо на этих отношениях покоится весь процесс накопления капитала.

Изменение стоимости рабочей силы и характер движения заработной платы обуславливаются в конечном счете изменениями в общих условиях капиталистического воспроизводства, которые, как мы видели, склоняют чашу весов ко все большей невыгоде рабочего класса.

Следовательно нельзя преувеличивать значение борьбы за частичные требования и подменять паллиативными мерами основную задачу рабочего класса—борьбу за уничтожение самого капиталистического общества, которое покоится на системе наемного труда.

Борьба за частичные требования только тогда становится революционной, когда она неразрывно связана с борьбой против господствующих классов, за диктатуру пролетариата и подчинена этой задаче. Задача революционной теории состоит в том, чтобы «вскрыть все формы антагонизма и эксплуатации в современном обществе, проследить их эволюцию, доказать их преходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму и послужить таким образом пролетариату для того, чтобы он как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплуатацией»¹.

Глава IV

СОЦИАЛ-ФАШИСТСКИЕ ТЕОРИИ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

Теоретические основы своего учения о заработной плате социал-фашизм заимствовал из буржуазной политической экономии.

Его идейными вождями являются многочисленные теоретики школы «социального распределения» (Дюги, Оппенгеймер, Штольц-Туган и т. д.).

Наиболее развернутое обоснование теории «социального распределения», как известно, дал Туган-Барановский. В отличие от «математической» или «психологической» школ, старательно обходящих постановку «социальных» вопросов, теоретики «социального распределения»... пытаются придать своей теории ярко выраженную окраску борьбы за интересы пролетариата, оставаясь фактически на позициях идейной защиты капиталистического режима.

К чему сводится разработка проблемы распределения авторами теории «социального распределения»? К отрыву распределения

¹ Ленин, Что такое «друзья народа».

от производства, от стоимостных отношений, к тому, чтобы вызвать в сознании масс иллюзии о возможности устранения классовых противоречий, не задевая производственных отношений капитализма.

Выбросив за борт исследования учение о стоимости, они стали изображать капиталистическое распределение как натурально распределительный процесс и классовые отношения—как отношения, возникающие в процессе распределения.

На вопрос об отношении проблемы заработной платы к общей теории стоимости теоретики «социального распределения» отвечают, что между ними нет никакой связи.

«Проблема заработной платы, как и вообще проблема распределения, есть проблема *sui generis*, а не общая проблема ценности»¹.

То же самое говорит и проф. Солнцев, фактически занимающий в этом вопросе позиции, аналогичные позициям Туган-Барановского.

«Если заработная плата или прибыль суть некоторые доли или отношения, то она не может быть ни ценой, ни ценностью, поскольку идет речь о распределении»².

Поставив перед собой вопрос: «что же это за *treibende Kräfte* (движущая сила) распределительного процесса?»—проф. Солнцев после долгих поисков наиболее исчерпывающего определения в конце концов приходит к выводу, что распределение долей общественного продукта определяется взаимоотношением социальных отношений, а под последними следует понимать отношения, в которых преобладают «абстракция и социальный момент» (???)

Социальные отношения, по утверждению теоретиков «распределения», определяются продуктораспределением. Допустим, что это так. Но тогда спрашивается: на какой экономической почве возникают социальные отношения? В область производственных отношений, как известно, дорога закрыта—сюда хода нет, ибо проблема распределения, по единодушному и твердому заявлению теоретиков «социальной» школы,—это проблема *sui generis*.

В каком же направлении искать выход? И единственным подобием ответа может быть только указание на распределение или, точнее, на продуктораспределение как на базис социальных отношений.

По существу Туган так и говорит, сводя образование классовых отношений к (распределению и определяя классы как общественную группу, «члены которой находятся в одинаковом экономическом

¹ Туган-Барановский, Основы политической экономии, стр. 549, 1909 г.

² С. Н. Солнцев, Заработная плата как проблема распределения, 1911 г.

положении по отношению к общественному процессу присвоения одними общественными группами прибавочного труда других групп».

Туган этим определением подчеркивает примат распределения при определении происхождения классовых отношений¹.

Но о этого момента он и начинает вертеться в порочном кругу. Ибо на вопрос, чем определяется продуктораспределение, он указывает на социальные отношения; при вопросе, чем же определяются последние, указывает на продуктораспределение. Изумительный результат изумительной логики!

Попав в водоворот нелепостей, «социальники» с каждой минутой все больше и больше начинают тонуть в противоречиях, отнюдь не диалектического свойства.

Вспомним на минуту, как Туган определяет закон образования уровня заработной платы. По этому вопросу он писал:

«Чем выше производительность труда, тем выше должна быть при прочих равных условиях реальная заработная плата»².

Но если это тай, тогда спрашивается: зачем прицеплять к столь гармонически звучащему закону классовых отношений хвостик социальных отношений? Раз в качестве непреложно действующего «закона» («при прочих равных условиях») найдена прямая непосредственная зависимость уровня заработной платы от высоты производительности труда, вопрос относительно закона образования высоты заработной платы в основном тем самым решен.

Для чего же понадобился этот привесок социальных отношений к такой теории? Ясное дело, для того, чтобы лучше замаскировать апологетический характер теории, устанавливающей «гармонические» соотношения между движением производительности и заработной платы.

Ни Туган, ни проф. Солнцев не удовлетворены марксовым решением проблемы заработной платы. Проф. Солнцев даже делит всю историю экономической мысли в этом вопросе на два периода: первый период заблуждений,—так сказать птоломеевский период,—начиная от физиократов и Смита и до конца XIX в.; и второй,—так сказать, коперниковский период,—от Тугана и Штоль-цмана—век правильного решения проблемы на путях социального направления.

По мнению проф. Солнцева, основная ошибка Маркса состояла

¹ У Тугана все поставлено на голову. Вот как определял классовые отношения Ленин: «Классы представляют из себя прежде всего «группы лиц» (неточно сказано), различающихся положением в общественном строе производства и различающихся так, что одна группа может присваивать себе труд другой» (Л е н и н, Замечания на книгу Н. И. Бухарина, «Ленинский сборник» XI).

² Т у г а н - Б а р а н о в с к и й, Основы политической экономии, стр. 550.

в том, что проблема распределения не была им выделена в совершенно независимую от производственных отношений экономическую категорию.

«Под влиянием школы Маркса идея о том, что нет самостоятельной проблемы распределения *sui generis*, получила постепенно широкое распространение» (Солнцев).

В «Социальной теории распределения» и «Основах» Туган точно так же указывает на эту сторону и подчеркивает, что самостоятельный характер изучения проблемы распределения обусловлен задачей изучения «связи между собой соответствующих видов доходов».

В наиболее завершенных трудах классической школы, в работах Рикардо проблема распределения была резко выдвинута на первый план.

Рикардо больше всего занимался изображением распределительных отношений и выяснением характера отношений между движением заработной платы—движением прибыли. Этот «распределительный» метод исследования Маркс почему-то неоднократно высоко оценивал. За что Маркс высоко оценивал анализ Рикардо? Не признавал ли Маркс и в самом деле, что проблема распределения есть проблема *sui generis*?

Маркс высоко ценил Рикардо именно потому—и только потому, — что Рикардо, во-первых, наглядно изобразил взаимоотношения классов и, во-вторых, ни на минуту не забывал изображать распределение как—«точное выражение, в котором фиксируются агенты производства в данном обществе» (Маркс).

Но такой высокий теоретический уровень исследования не мог долго удержаться, ибо Рикардо представлял предельную точку подъема буржуазной экономической мысли. Вслед затем политическая экономия стала достоянием вульгаризаторов и просто буржуазных апологетов.

Этим объясняется то, что послерикардовский период характеризуется возрождением попыток оторвать распределение от производства.

«Снова следуют нелепые безвкусицы экономистов, которые изображают производство как вечную истину, изгоняя историю в область распределения» (Маркс).

При такой «подмене» теория Рикардо была «спасена» ценой отказа от преодоления основной трудности, стоящей перед Рикардо,—выяснения специфических условий обмена, заставляющих «рабочего продавать непосредственно свой труд на свою рабочую силу» (Маркс).

Не понимая капиталистической сущности этого обмена, Миль бросился в область распределения, отрываясь от закона стоимости рабочей силы.

«Чтобы обойти прямой обмен между трудом и капиталом, прямую продажу труда, он прибегает к теории «распределения продуктов»¹.

И, резко возражая против этого, Маркс пишет:

То, что капиталист уплачивает рабочему (и также часть капитала, которая противостоит рабочему как постоянный капитал), есть не что иное, как часть продукта самого рабочего, именно—часть продукта, которую не предстоит еще превращать в золото, а которая уже продана, уже превращена в золото, так как заработная плата уплачивается деньгами, а не *in naturalibus*»².

Только подойдя с этой стороны, нам станет ясно, что высокие положительные отзывы Маркса, даваемые Рикардо, находятся в строгой логической последовательности с резко отрицательным отношением Маркса к проблеме распределения как независимой от производства проблеме политической экономии. «Организация распределения,—указывает Маркс,—вполне определяется организацией производства. Распределение само есть продукт производства не только в отношении предмета, ибо распределяться могут только результаты производства, но и в отношении формы, ибо определенный способ участия в производстве определяет особую форму распределения—форму, в которой каждый принимает участие в распределении»³.

То же самое говорит и Ленин в спорах с сисмондистами. Сделав исчерпывающий анализ процесса воспроизводства всего общественного капитала, Ленин пишет:

«На этом примере подтвердилось еще раз, как нелепо выделять «распределение» и «потребление» как какие-то самостоятельные отделы науки, соответствующие каким-то самостоятельным процессам и явлениям хозяйственной жизни».

Ядром проблемы распределения является вопрос о социальных долях дохода.

Разбирая этот основной вопрос, проф. Солнцев неоднократно пытался изобразить дело таким образом, что в этом вопросе он идет по пути, указанному Марксом.

Маркс действительно придавал серьезное значение проблеме долевых отношений, ибо считал, что «социальное» положение классов наглядно обнаруживается при анализе долевых отношений. Но, как известно, Маркс вместе с тем предостерегал от «социальной» методологии.

¹ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 83.

² Там же, стр. 80.

³ Маркс, Введение к «Критике политической экономии», стр.19.

Как бы зная неизбежность появления таких «социальных» теорий, Маркс писал:

«Как велика или мала его заработная плата (рабочего.— *Н. З.*), это не определяется его долей в продукте, а, наоборот, его доля в продукте определяется величиной его заработной платы. Фактически он получает часть стоимости продукта. Но часть, которую он получает, определяется стоимостью «труда»: не наоборот—стоимость «труда» его долей в продукте»¹.

Это положение Маркс считал главным при определении долевых отношений и потому неоднократно возвращался к этому и говорил:

«Не наоборот, не так, что сначала определяется его часть в продукте (рабочего.—*Н. З.*) и этим высота или стоимость его заработной платы. Это одно из самых важных и наиболее оттененных положений Рикардо»².

Вот за что Маркс высоко оценивал распределительный метод анализа Рикардо.

Итак к чему же свелась теория «социального распределения»? Отвергая закон стоимости рабочей силы и считая, что высота заработной платы определяется «социальными» отношениями и производительностью труда, «социальная» школа стремится доказать возможность безграничного улучшения положения рабочего класса при капитализме посредством внесения некоторых исправлений в распределение, не задевая основ капиталистических отношений.

Теория «социального распределения» под прикрытием радикальной фразеологии о социальном неравенстве стремится отвлечь внимание от капиталистического характера производственных отношений, чтобы тем самым создать иллюзию возможности установления «справедливого распределения», оставаясь на почве буржуазного способа производства.

Теория «социального распределения» является замаскированной буржуазной теорией, выполняющей задачу наиболее тонкой защиты незыблемости капиталистического способа производства. Под видом критики «недостатков» распределения богатства она провозглашает независимость характера капиталистического распределения от характера капиталистического производства и отвлекает внимание и силы масс от основной задачи—уничтожения буржуазного способа производства—в сторону реформ.

Те же самые позиции занимают социал-фашисты, считая, что с повышением производительности труда и посредством изменений в распределении общественной стоимости рабочий класс при капитализме может постоянно улучшать свое положение.

¹ Маркс, Теории прибавочной стоимости, стр. 81.

² Там же.

Подобно буржуазным экономистам, социал-фашисты обычно противопоставляют закон относительного обнищания рабочего класса закону абсолютного обнищания. Таким путем они думают опровергнуть положение Маркса о том, что с развитием капитализма происходит обнищание рабочего класса и в абсолютном и в относительном смысле. Для них вопрос стоит так: «или—или». Но дилеммы «или—или» здесь вовсе не существует. Проблема заработной платы должна решаться и со стороны изучения динамики ее абсолютной величины и со стороны ее относительной доли в национальном доходе. Марксизм не отрицает необходимости изучения заработной платы с точки зрения ее долевого величины, отношения к движению доходов буржуазных классов и иных слоев общества. Такая работа обязательно должна проводиться, ибо она помогает полнее вскрыть положение классов в капиталистическом обществе и всесторонне проследить динамику заработной платы. Но было бы совершенно неправильно свести всю проблему к теории долевого отношения, игнорируя задачу анализа величины заработной платы, ее абсолютного уровня, тенденций ее движения.

Марксистско-ленинское учение о законах заработной платы устанавливает неразрывную связь и единство между анализом относительной и абсолютной величины заработной платы.

Рабочий класс находится под гнетом не только низкой относительной заработной платы, но и нищенского и понижающегося уровня абсолютной величины заработной платы. И в том и в другом случае он находится на положении самого угнетенного класса капиталистического общества.

Маркс прямо указывает на необходимость изучения движения относительной заработной платы и абсолютной и указывает на совершенно неизбежную тенденцию понижения абсолютной и относительной заработной платы в ходе развития капитализма.

Этот вывод Маркса и Ленина о законе относительного и абсолютного обнищания упорно оспаривается всеми буржуазными идеологами и социал-фашистами. Все они пытаются «доказать», что капитализм несет улучшения положения рабочих масс. Некоторые из них, правда, признают тенденцию к относительному ухудшению, но делают это для усиления своих позиций в борьбе с выводом Маркса и Ленина о неизбежности абсолютного обнищания рабочего класса при капитализме. Буржуазные идеологи прекрасно понимают, что:

1) полное отрицание ухудшения положения рабочего класса было бы настолько неправдоподобным, что классовый характер такой «теории» сразу бросился бы в глаза;

2) признание закона относительного ухудшения можно «увязать» о другим выводом—выводом, что с развитием капитализма про-

исходит рост реальной заработной платы, повышение абсолютного уровня жизни рабочего класса.

Социал-фашистская, каутскианская традиция извращать и опошлять марксизм, обламывать острые углы революционной теории была заложена десятки лет назад. Отрицая тенденцию к абсолютному обнищанию и капитулировав перед Бершптейном, Каутский писал:

«В настоящее время жизненный уровень рабочего класса гораздо выше, чем 50 лет тому назад».

Противопоставляя относительное обнищание абсолютному Каутский заявлял: «Неудержимо растет не физическая, а социальная нищета». Классифицируя понятие «ухудшение», Каутский после различных выкрутас сформулировал в качестве конечного вывода, что тенденцию к ухудшению нужно понимать исключительно в Относительном смысле—как понижение доли рабочих в национальном доходе.

«Доля рабочего в создаваемом количестве продукта уменьшается»¹.

Теперь, в наши дни, социал-интервент Каутский прямо заявляет, что тенденцию к обнищанию нужно рассматривать как «детскую болезнь капитализма», что это могло быть верным только для периода раннего капитализма².

Марксистско-ленинскому учению о законе обнищания рабочего класса теоретики социал-фашизма противопоставили так называемую теорию «социальной» заработной платы и теорию «высокой» заработной платы.

Вся речь Гильфердинга на Кильском партийтаге была посвящена воспеванию современной стадии капитализма. По его определению, капитализм прошел верстовой столб истории, после которого открылись блестящие новые перспективы. Современный капитализм характерен новыми экономическими признаками: а) «ко-

¹ Все цитаты взяты из работы Каутского, К критике марксизма.

² Каутский, Материалистическое понимание истории, т. II.

В день 50-летия смерти Маркса социал-фашисты вновь повторили свои дряхлые, как сам папа-Каутский, доводы против учения Маркса о законе абсолютного обнищания рабочего класса.

Каутский, вновь завирается, говоря, что Маркс в более поздний период, на—блюдая Англию, отказался от своего учения о законе абсолютного обнищания. Когда Маркс приехал в Англию, пишет Каутский, «он увидел, что при такой свободе возможно, что пролетариат сможет преодолеть капиталистическую тенденцию к абсолютному обнищанию» («Die gesel chaft», март 1933 г.)

Браунталь пишет, что марксово учение о законе абсолютного обнищания является «деталью» в общей концепции марксизма, которую можно отбросить, не повредив этой общей концепции. («Der kampf»—«Marx», март 1933 г.) Реннер, там же также пишет об ошибочности положения Маркса, что «пролетариату нечего терять кроме своих цепей», в капиталистическом обществе (стр. 89).

лоссальным подъемом» производительных сил с ведущей ролью химической и электротехнической промышленности и б) таким ростом концернов и трестов, на основе которого происходит превращение капитализма в «организационное», бескризисное хозяйство.

Перейдя к вопросу о заработной плате и к анализу положения рабочего класса, Гильфердинг заявил:

«За последнее время мы переживаем необычайный подъем хлебных цен и необходимо сделать ясным для масс, что цены на хлеб и мясо являются не экономическими, но политическими ценами, определяемыми силой политического положения»

И еще:

«Мы должны вколотить в сознание каждого рабочего, что недельная заработная плата есть политическая заработная плата, что от силы его организаций и соотношения сознательных сил вне парламента зависит, как сложится заработная плата в конце недели».

Указывая на тарификацию заработных плат, Гильфердинг противопоставляет заработной плате как экономической категории «политически регулируемую заработную плату» и «политически регулируемое рабочее время».

Учение Маркса о буржуазном государстве, как органе классового насилия, и о диктатуре пролетариата, как переходном этапе от капитализма к коммунизму, социал-фашизм заменил «социально» правовой концепцией о буржуазном государстве, как органе регулирования «социальных» отношений во имя интересов «всего общества». Вместо учения о классовой борьбе социал-фашизм распространяет пошлости о классах как «социальных функционерах», выполняющих свой «долг», и все капиталистическое общество изображается как совокупность сотрудничающих классов под верховным контролем надклассового государства.

«Мы имеем все ощущения, что частное производство, руководство хозяйством отдельного предприятия перестало быть частным делом предпринимателя, и общество поняло, что в его интересах следовательно, чтобы упомянутый предприниматель в действительности выполнил свой технический и организаторский долг».

Отрывая заработную плату от закона стоимости и отрицая товарный характер найма рабочей силы—теоретики социал-фашизма свели проблему к социальным распределительным отношениям.

А под этой этикеткой «социальных отношений» скрывается не что иное, как апология капиталистических производственных отношений, несколько подновленное учение вульгарной буржуазной экономии о классовой гармонии.

Эти оракульские изречения Гильфердинга являются ходячей школьной мудростью социал-фашизма.

В специальном учебнике, написанном Нельтингами для социал-фашистских функционеров, они старательно развивают гильфердинговские установки.

Отвергал теорию стоимости и закон стоимости рабочей силы, установленные «устарелым» Марксом, Нельтинги повторяют заеванную критику вульгарной политической экономии.

«Продается вовсе не рабочая сила, ибо если бы это было так, то вместе с рабочей силой человек продавал бы самого себя. Так и происходит при рабстве, но отнюдь не в современном хозяйстве. Выполненная работа относится к рабочей силе как создание к создателю, как плод к почве»¹.

Что достигается отрицанием факта купли-продажи рабочей силы в капиталистическом обществе? Этим самым отрицается стоимостный характер найма рабочей силы и вывод о том, что при капиталистическом производстве рабочая сила может оставаться только лишь на положении товара, так как она не имеет никаких самостоятельных средств производства и никаких источников существования кроме продажи своей рабочей силы. И тогда закон стоимости оказывается уничтоженным. Называя марксово учение о заработной плате «эквивалентной теорией» Нельтинги пишут:

«Эквивалентная теория основывается на невозможных логических предпосылках, а, с другой стороны, приводит также к непримиримым практическим выводам».

Что же это за практические выводы, которые так пугают Нельтингов?

«Эквивалентная теория,—пишут Нельтинги,—является отражением радикальных настроений, которые знают только решительный переворот, но не признают временных частичных разрешений: монополярная теория заработной платы соответствует сознанию силы и пониманию современной обстановки профессиональными союзами»².

Итак боязнь решительных переворотов, т. е. боязнь пролетарской революции, боязнь радикальной классовой борьбы, которая должна довести дело до свержения буржуазного государства— вот, что бросает социал-фашистов в жар и холод. Они пытаются посеять иллюзии в рабочем классе о возможности безграничного повышения заработной платы, не задевая основ капиталистического общества. И о этой цели они выдвигают свои буржуазные объяснения вопроса о законах движения заработной платы.

¹ Erik und Ernst Nolting, Einführung in die Theorie der Wirtschaft, S. 129, Berlin, 1929.

² Там же, стр. 129.

Чем же по мнению этих господ определяется высота заработной платы? И тут мы вновь слышим старые, знакомые песни.

«В демократическом парламентарном государстве борьба партии из-за государственной власти является решающим фактором в борьбе за заработную плату. Ввиду наличия в настоящее время тесной связи между государственными и хозяйственными силами с полным основанием говорилось о «политической заработной плате» (Гильфердинг). Если в сфере политики разрешается вопрос о хлебных пошлинах, то тем самым выносится важнейшее решение, определяющее реальную покупательную силу заработной платы. То же относится и к каждому государственному решению, касающемуся урегулирования вопросов продолжительности рабочего времени. Таким образом теория влияния социальных сил считает, что заработная плата зависит от силы профессиональных организаций и от степени их политического влияния в государстве»¹.

Наряду с теорией «социального распределения» социал-фашисты распространяют теорию «высокой заработной платы», в сущности незначительно отличающуюся от первой.

Теория «высокой заработной платы» приобрела широкую известность в годы «просперити» в САСШ и была брошена в обращение как приманка для вовлечения масс в лоно реформизма. Социал-фашисты и тут, подобно тургеневскому председателю казенной палаты, любителю летнего дня, когда, по его словам, «каждая пчелка с каждого цветочка берет взяточку», быстро подхватили американскую теорию «высокой заработной платы» и попытались с таких позиций развернуть критику Маркса. «Устарелому» марксизму противопоставили Форда. Соперничая с вульгарной экономией в критических наскоках на марксизм и ленинизм, социал-фашисты изобразили классовые отношения в духе «гармоний». Один из присяжных писателей социал-фашизма Тарнов, за день до кризиса разъяснял, что теперь пролетариату незачем быть бедным. Распространяя пошлейшие реформистские представления о движении заработной платы американских рабочих, Тарнов писал:

«В Соединенных штатах официальная экономическая политика находится под влиянием представления, что для общественного хозяйства нет ничего более полезного, как содействовать установлению более высокой и повышающейся заработной платы»².

¹ Erik und Ernst Nolting, Einführung in die Theorie der Wirtschaft, S. 146.

² Tarnoff, Warum arm sein? S. 67.

По уверениям этого господина, классовые отношения в САСШ носят характер классовой солидарности. Эта солидарность была достигнута на основе капиталистической рационализации, что якобы позволяло непрерывно повышать заработную плату и доходы всех классов общества.

«На известной высоте индустриализации,—писал Тарнов,— даже предприниматели понимают необходимость высокой заработной платы»¹.

И ниже:

«И с этой точки зрения рабочий класс имеет все основания способствовать дальнейшей технизации как фактору, благоприятствующему поднятию его «социального положения»².

Тарнов-Бауэр, Гильфердинг, Браунталь, Нельтинги и прочая социал-фашистская фауна с большей или меньшей откровенностью точно так же отстаивают капиталистическую рационализацию, которая неизбежно приводит к росту интенсивности труда, увольнению рабочих, усилению обнищания рабочего класса»³.

Годом раньше Тарнова «левый» социал-фашист Браунталь писал то же самое. Поставив вопрос о соотношении между движением заработной платы и прибавочной стоимостью, Браунталь писал:

«В этом нашем общем положении важно установить, что при длительных успехах в рационализации производства реальная заработная плата может повыситься на длительный срок, не затронув прибавочной стоимости. Наоборот, прибавочная стоимость может параллельно с этим вырасти или даже подняться еще сильнее»⁴.

В следующем его «социалистическом» творении—«Современное хозяйство и его законы»—Маркс еще откровеннее заменяется сладчайшим Бастиа.

¹ Tarnoff, Warum arm sein. S. 56.

² Там же.

³ Прикрывая защиту капиталистической эксплуатации выспренными соображениями о «благ» общества и рабочего класса, гг. Бауэры и Лейпарты пишут: «Целью народного хозяйства есть и будет возможно полное удовлетворение потребностей всего народа, так как, с одной стороны, эти потребности длительно возрастают, но, с другой стороны, покупательная сила к их удовлетворению развивается недостаточно, поэтому задачей народного хозяйства является поставить требуемые блага не только в достаточном количества, но также по самым дешевым ценам. Однако понижение цен возможно только путем экономии на капитале и на рабочей силе. По этой причине рационализация является народнохозяйственной необходимостью и поэтому ей покровительствуют профсоюзы» (Leipart, Gewerkschaft und Rationalisierung «Gewerkschaft Zeitung», 28/III 1931 г.)

⁴ A. Brauntal, Die Entwicklungstendenzen der kapitalistischen Wirtschaft, S. 26.

«Чем выше производительность,—пишет Браунталь,— тем выше при наличии известных условий может вырасти заработная плата. В этом пункте теория производительности бесспорно имеет преимущество перед теорией Маркса».

Так прикрывает социал-фашизм усиление эксплуатации рабочего класса научно звучащими аргументами благотворного влияния капиталистической рационализации на рабочий класс.

Под прикрытием рассуждений, что рост капитала приводит к росту заработной платы, социал-фашисты рисуют извращенную, ложную картину перспектив развития капитализма и его влияния на рабочий класс. Они представляют, что капиталистический строй с ходом своего развития предоставляет в распоряжение рабочего класса все больше ценностей и позволяет ему подниматься со ступеньки на ступеньку по общественной лестнице. Этим самым они пытаются замазать классовые антагонистические отношения, изображают дело так, что противоречия между рабочим классом и капиталистами притупляются с ходом развития капитализма.

Скатившись в болото вульгарной буржуазной экономии, социал-фашисты давным-давно отказались от марксова закона стоимости. В «Введении в теорию хозяйства» Нельтинги пишут, что рабочая сила перестала быть товаром и что заработная плата образуется не на основании закона стоимости, а на основе уровня производительности труда, являясь ее функцией.

«Может существовать,—пишут Нельтинги,—лишь вопрос о стоимости выполненной работы».

Чем же определяется последняя?

«Стоимость выполняемой работы измеряется стоимостью соответствующей выработки»,—отвечают они.

Но может быть и на самом деле такая теория имеет под робой достаточное основание?

Этот вопрос для Маркса не был неизвестным. Мы уже говорили, что Маркс поставил вопрос о том, какое влияние оказывает рост производительности труда на движение заработной платы, и дал следующий ответ: «Труд упрощается, издержки производства на него уменьшаются. Он становится дешевле, конкуренция между рабочими возрастает». Капиталистическая рационализация ведет к ускорению изнашиваемости рабочей силы, появлению преждевременной инвалидности, сокращению рабочей силы на производстве и к росту резервной промышленной армии, превращающейся на известной ступени капитализма в постоянную армию безработных. А так как, по Марксу, «в общем и целом широкие колебания заработной платы регулируются исключительно расширением и сокращением промышленной резервной армии, соответствующими смене периодов промышленного цикла», то теперь, в эпоху всеобщего кризиса капитализма, в связи

с появлением, постоянной хронической безработицы и значительным ослаблением фазы подъема,—капиталистическая рационализация ведет к дальнейшему понижению заработной платы, сокращению рабочей силы, занятой на производстве.

Теория «социальной заработной платы» находится в неразрывной связи с так называемой теорией «высокой заработной платы», ибо, как учат социал-фашисты, для того, чтобы поднять заработную плату, необходимо прежде всего повысить производительность труда. Количественный раздел совокупной общественной продукции между классами определяется, по их мнению, двумя факторами:

- а) уровнем производительности труда и
- б) «соотношением классовых сил».

Следовательно уровень «социально регулируемых» заработных плат теоретиками социал-фашизма определяется как функция уровня производительности труда.

Теория «социальной заработной платы» фактически является самой доподлинной буржуазной теорией, защищающей практику дальнейшего нажима на рабочий класс, увеличения интенсивности труда, проведения капиталистической рационализации под флагом революционно-трезвонной фразеологии. В теории «социальной заработной платы» нет ни грана действительно пролетарско-классового подхода к анализу законов капитализма.

Вот почему сплошь и рядом мы встречаем у одних и тех же теоретиков социал-фашизма в учении о заработной плате и теорию «высокой заработной платы», или «производительности», и теорию «социальной заработной платы».

Социал-фашизм, заимствовав из буржуазной науки теории заработной платы, применяет их для апологетики буржуазного способа производства под прикрытием марксистской фразеологии.

Глава У

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В САСШ ДО КРИЗИСА

Одним из главных козырей буржуазных и социал-фашистских теоретиков при отрицании закона обнищания были САСШ. Сколько было шума и гама по поводу якобы происходящего там уничтожения бедности. Сколько звона о всеобщем благоденствии и преуспевании рабочего класса в САСШ. Из года в год буржуазные экономисты и социал-фашисты плели легенды об американской «исключительности».

Как в действительности изменялась реальная заработная плата американских рабочих до империалистической войны?

По исследованиям известного экономиста Дугласа, индекс сто-

имости жизни вырос за период с 1890—1899 гг. по 1914 г. на 43%: одежда—на 19%, топливо и свет—54%, мебель—51%, табак—28%¹.

По его вычислениям бюджетные расходы рабочей семьи распределялись следующим образом (в процентах):

Средства питания	43,1
Одежда	13,0
Освещение и топливо	5,7
Меблировка	3,4
Спирт и табак	3,0

Исходя из данных о расходах рабочей семьи и движении цен, Дуглас делает вывод:

«Таким образом стоимость жизни к 1914 г. была на 39% выше, чем в последнее десятилетие XIX в., и на 4% ниже роста стоимости средств существования»².

Спрашивается: какие изменения произошли за тот же период с номинальной заработной платой?

Основываясь на целом ряде выборочных обследований, Дуглас приходит к выводу, что «средняя еженедельная заработная плата по всем группам как целое увеличилось на 21% между последним десятилетием XIX в. и 1914 г. В то же время стоимость жизни за этот период, измеряемая моим индексом, выросла на 39%, что означает в действительности понижение на 18% еженедельной покупательной силы организованного рабочего».

К аналогичным выводам о понижении реальной заработной платы приходит и ряд других американских экономистов, например Рубинов, Любин, Ламберсон, Милз и т. д.

При учете всяких сверхурочных работ и т. п. получается, что «средняя реальная заработная плата в 1914 г. была на 5% ниже, чем за последнее десятилетие XIX в. (1890—1899 гг.)»³.

И эта тенденция к понижению реальной заработной платы не была приостановлена вплоть до 1922 г.⁴.

В течение всего периода империалистической войны, несмотря на захват американской буржуазией огромных сверхприбылей, несмотря на то, что она собирала дань со всего мира, реальная заработная плата все время находилась ниже уровня последнего десятилетия XIX в. (на 5—7%). К началу 1920 г., по вычисле-

¹ «Real Wages in the United States», p. 25, 1930.

² Там же, стр. 57.

³ Там же.

⁴ В 1920 г. в течение нескольких месяцев произошло кратковременное повышение заработной платы.

ниями Дугласа, реальная заработная плата попрежнему была на 5—8 % ниже конца XIX в. И так продолжалось вплоть до 1922 г.¹

«Оказывается, что реальная заработная плата рабочего (т. е. заработная плата с поправкой на изменение цен) была в 1918—1920 гг. почти такая же, как и в 1913 г.; в 1919 г. она значительно понизилась, еще больше понизилась в 1921 г. и с того времени значительно возросла, хотя в 1924 г. имело место понижение» (Дуглас).

В общем итоге за 22-летний период (с 1890—1899 г. по 1923 г.) реальная заработная плата в САСШ стояла на уровне ниже конца XIX в. В течение всего этого периода происходил или процесс понижения заработной платы или стабилизация на пониженном уровне. Все заявления об исключительности САСШ, о происходившем якобы там непрерывном росте реальной заработной платы и т. п. ничего общего не имеют с действительным положением дела².

После 1922 г. в САСШ действительно произошла временная приостановка понижения реальной заработной платы, вызванная огромным ростом интенсивности труда. Этот рост интенсивности труда, сопровождавшийся кратковременным. 4-летним подъемом реальной

¹ По этому вопросу даже Кинг, который старается осветить положение дела в наиболее благоприятном для буржуазии свете, пишет следующее: «Линия движения покупательной силы средней заработной платы примерно была горизонтальной (подчеркнуто мной. — Н. З.), а может быть с легкой повышательной тенденцией — в течение целого периода с 1909 по 1921 г. («The National income and its purchasing», стр. 92, Нью-Йорк, 1930 г.).

² В январском номере «American Federationist» за 1932 г. была опубликована следующая типовая таблица заработной платы и стоимости жизни для сохранения минимума здоровья и работоспособности строительного рабочего Брауна

Г о д ы	Заработная плата (в долларах)	Бюджет, необхо- димый для мини- мума здоровья и работоспособно- сти
1906	739,55	991,20
1907	943,35	1 028,37
1908	776,60	1 053,15
1909	1 034,78	1 127,49
1910	1 093,49	1 189,44
1911	1 173,70	1 189,44
1912	1 818,85	1 263,78
1913	769,49	1 239,00
1914	834,10	1 288,56
1915	1 035,60	1 288,56
1916	730,00	1 412,46
1917	1 634,22	1 685,04
1918	1 096,50	2 056,77
1919	761,85	2 329,32
1920	1 486,00	2 633,85
1921	1 191,90	2 205,42
1922	1 507,01	2 031,52

заработной платы, был выдан буржуазными экономистами за систематический рост благосостояния рабочего класса при капитализме.

При абсолютном сокращении занятого индустриального пролетариата на 9% и росте «производительности» труда на 50% реальная зарплата поднялась в течение 4 лет (с 1922 по 1926 г.) в среднем на 12—15% и дальше не росла до 1929 г.

Юлиус Клейн, заместитель министра торговли САСШ, считает, что «между 1920 и 1929 гг. прибыль промышленников увеличилась на 72%, дивиденды—на 256%, в то время как реальная заработная плата—на 13%»¹.

Буржуазная экономия, опираясь на это кратковременное повышение реальной заработной платы, делает вывод о несостоятельности закона обнищания, открытого и обоснованного Марксом.

Вся легковесность подобных буржуазных опровержений марксизма сразу же обнаруживается, если проанализировать движение заработной платы не только за 4-летний период, но за весь истекший период XX в. Что же тогда окажется? При рассмотрении всего периода в целом, получится, что реальная заработная плата в САСШ несомненно понижалась в течение более чем двух десятилетий, и эту господствующую тенденцию никак нельзя замазать кратковременным 4-летним периодом роста заработной платы.

«Это соображение является необходимым и существенным коррективом к оптимистическому заключению, которое исходит из факта, что конец 1926 г. показал 12-процентный рост заработной платы над концом XIX в. Успехи, сделанные после 1920 г. в еженедельной заработной плате, были почти уничтожены потерями, которые понесли рабочие в течение двух предшествующих десятилетий»².

И Дуглас отнюдь не исключение. Кроме Дугласа это понимают и другие буржуазные экономисты, которые делают попытку более серьезно подойти к анализу движения заработной платы. Минер например говорит почти то же самое:

«Реальная заработная плата в американской промышленности увеличилась на 19% с последнего десятилетия XIX в. до 1926 г. Это увеличение,—говорит он,—не распределяется равномерно по всем годам, изучаемым нами. Большая часть этого роста приходится на 1921—1926 г.»³.

После 1926 г.—вплоть до кризиса—заработная плата оставалась стабильной, дав едва заметное повышение (1—2%) в самый вы-

¹ «American Federationist», июнь 1931 г.

² Duglas, там же, стр. 133.

³ «Europe—United States» № 3.

сокий «подъемный» 1929 г.¹, причем приостановка роста заработной платы, как известно, сопровождалась сокращением числа занятого индустриального пролетариата.

Г о д ы	Индекс занятости
1926	100,0
1927	96,4
1928	93,8
1929	97,5

Характерно, что теперь даже такой орган банковского капитала, как «The National City Bank», признает, что «сильное номинальное увеличение заработной платы с 1914 до 1929 г. было в большей части иллюзорным. И номинальный выигрыш в покупательной силе в течение 1929 г. также был иллюзорным, потому что сопровождался громадной безработицей и понижением суммы выплаченной заработной платы» (август 1932 г.).

При этом нужно отметить, что весь предкризисный подъем («просперити») показал весьма пеструю картину неравномерного развития. К числу ведущих подъемных отраслей относились машиностроение, авто, химия, нефть. Значительно более слабо участие в подъеме принимали бумажная и типографская промышленность, каучук и цветные металлы. В состоянии очень слабого, еле заметного подъема находились сталь и железо, текстиль, кожа, транспорт, табак и пищевая промышленность. После последнего подъема 1922—1923 гг. эти отрасли находились в состоянии хронического загнивания, прерываемого периодами слабого оживления. В связи с такой динамикой неравномерного развития производства происходило соответствующее движение занятости рабочей силы и величины заработной платы по отдельным отраслям. И вот такая пестрая обстановка в такой пестрой динамике заработной платы усердно изображаются буржуазными экономистами и социал-фашистами как полное опровержение теории Маркса и Ленина и как торжество принципов вульгарной экономии о преуспевании всех классов в капиталистическом обществе.

¹ «Мы находим, — пишет Джон Фрей, — что после легкого роста заработная плата после 1925 г. оставалась неизменной, а с 1927 г. началось понижение. В то время как общенациональный доход и общая ценность продукции обрабатывающей промышленности быстро увеличивались, общая сумма заработной платы, выплаченной в САСШ, уменьшилась» (см. «American Federationist»).

Для выяснения покупательной способности различных классов и уровня их жизни огромное значение имеет анализ доходов населения САСШ. Согласно исследованию Кинга о распределении населения по отраслям производства, получается картина несомненного уменьшения темпов общего прироста наемной рабочей силы сравнительно с довоенным периодом, деградации сельского хозяйства, застойного положения в ряде отраслей промышленности и в ряде случаев даже абсолютного сокращения при весьма сильном росте занятости в непроизводительных отраслях: в банковской сети, в торговле, правительственных учреждениях и в ряде «неквалифицированных» отраслей.

Согласно данным Кинга, удельный вес числа рабочих, занятых в основных отраслях, изменился с 1909 по 1929 г. следующим образом:

Г о д ы	Сельское хозяйство	Обрабатывающая промышленность	Горная	Строительная	Торговля	Правительственные	Разные
1909	25,49	23,15	3,14	4,89	10,67	4,8	20,3
1927	18,5	23,68	2,86	3,86	13,49	6,2	23,3

При этом особенно нужно подчеркнуть рост занятости в последних отраслях и интенсивный рост служащих. Общее число служащих выросло с 4 424 тыс. в 1909 г. до 8 234 тыс. человек в 1927 г.

В общем за послевоенный период в САСШ произошел весьма значительный рост обслуживающих профессий. Значительно выросло число занятых в ресторанах, прачечных, салонах красоты, отелях, парикмахерских, в личном обслуживании, в контрабандной торговле спиртом, в муниципальных «офисах» и т. п.¹. Исключительный интерес представляет для освещения этого вопроса

¹ В мартовском № 3 «Annals» за 1931 г. Шеллер приводит следующие данные о росте занятости в обслуживающих профессиях с 1920 по 1927 г. (рост в тысячах):

Агентов по страхованию	96
Посыльных	8
Занятых в кино	150
Учителей и профессоров	185
Юристов	22
Попов	17
Врачей	5
Дантистов	25
Отельных и ресторанных служащих	525
Парикмахеров и маникюрщиков	169
Всего	1 152

только что опубликованная работа «Recent Social Trend in the United States», составленная группой известных буржуазных экономистов. И вот, согласно данным этой работы, в сфере распределения американского населения по видам занятий произошли следующие изменения:

	1870 г.	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1910 г.	1920 г.	1930 г.
Процент занятых в сельскохозяйственной и обрабатывающей промышленности из всего состава занятых.	76,3	75	70,7	66,5	63,3	60,3	56,5
Процент занятых в торговле, конторах, в сфере личных услуг	21	21,5	25,5	29,3	32,1	34,7	35,5

(см. Volum II., p. 269)

Рост непроизводительных сфер народного хозяйства является выражением усиления паразитических тенденций капитализма, возникающих на основе усиленного роста эксплуатации индустриального пролетариата и роста спекулятивных доходов капиталистических классов при общем замедлении темпов воспроизводства. Весьма интересным штрихом для характеристики этих доходов являются следующие факты.

В 1919 г. насчитывалось 65 миллионов, получающих ежегодно не менее 1 млн. долл. дохода. В 1929 г. число таких миллионов увеличилось до 513. Доход, полученный этими миллионерами в 1929 г., был в 8 раз больше, чем: в 1919 г. (с 152 млн. долл. их доход вырос до 1 212 млн.). Получающих ежегодно стотысячные доходы было в 1919 г. 5 тыс. человек; в 1929 г. таких получателей доходов было 14 800, и общая сумма дохода, полученная ими, увеличилась с 1922 по 1929 г. с 930 млн. до 3 478 млн. долл. Доходы держателей ценных бумаг выросли с 2 469 млн. долл. в 1922 г. до 7 588 млн. долл. в 1929 г. В то же время, хотя общая ценность продукции обрабатывающей промышленности увеличилась в 1929 г. на 5 млрд. долл. по сравнению с 1923 г., размер выплаченной заработной платы оказался немного больше 1923 г. В 1923 г. выплаченная заработная плата в обрабатывающей промышленности была равна 11 007 млн. долл., в 1929 г.—11 421 млн. долл.¹

Рост капиталистических доходов позволяет, как говорит Маркс, «воспроизводить все большими массами старинных домашних рабов под названием «класса прислуги», как например слуг, горничных лакеев и т. п.». С увеличением прибавочной стоимости, извлекаемой из увеличенной нормы эксплуатации рабочего класса,

¹ «American Federationist» за июль 1931 г.

резко увеличиваются капиталистическая челядь и всякие обслуживающие капиталистические классы слои населения. Об этом неоднократно говорил Маркс, подчеркивая, что «на первых ступенях относительная величина тех частей общества, которые живут чужим трудом, ничтожна мала по сравнению с массой непосредственных производителей. С ростом общественной производительной силы труда эти части возрастают абсолютно и относительно»¹.

Эту же самую мысль Маркс отметил в своих подготовительных работах к «Критике политической экономии» так: «Сюда еще не относится, но может быть упомянуто здесь то, что созданию прибавочного труда на одной стороне соответствует создание труда с отрицательным знаком, относительной праздности (или же в последнем случае Непроизводительного труда)—на другой стороне. Относительно самого капитала это само собой понятно; но затем также и относительно тех классов, с которыми он делится, т. е. относительно живущих за счет прибавочного продукта пауперов лакеев, прихлебателей и т. д., короче—всей вереницы его челяди, той части обслуживающего класса, которая живет не от капитала, а от дохода».

На позднейшей, последней стадии капитализма класс прислуги воспроизводится теперь в значительной степени под другим именем—лиц «свободных» профессий: попов; юристов, банковских пройдох, всего чиновного состава государственного аппарата насилия: тюремщиков, жандармов, профессиональной военщины и контрабандистов. Главная задача этого класса «прислуги» состоит в обслуживании прихотей господствующих классов, в одурачивании масс, в узаконении буржуазного грабежа, в применении всех методов насилия и покорения для увековечения капиталистической собственности и государственной власти.

Под иным именем этот класс теперь воспроизводится все в больших размерах в агентуре разбухшего торгового аппарата, ибо рост трудностей по реализации заставляет держать целую свору всяких коммивояжеров, агентов, торговых служащих, работников рекламного аппарата и пр.

Вся эта огромная надстроечная машина гнивающего капитализма содержится за счет роста эксплуатации рабочего класса, за счет увеличения давления налогового прессы на трудящиеся массы. Большая часть национального дохода идет на непроизводительные расходы, на оплату обслуживающих профессий. На основе такого паразитизма создаются слои новых платежеспособных прихлебателей, доходы которых вырастают в весьма крупную долю национального дохода².

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 514.

² Этот вопрос, как обычно, совершенно неправильно освещен Преображенским. По его мнению выходит, что, так как прибавочная стоимость не может идти на

С 1925 по 1928 г. национальный доход вырос с 45 млрд. долл. до 54 (в долларах 1913 г.).

Но как распределяется этот рост покупательной силы по группам населения? В то время как доход капиталистических классов вырос на 5 млрд. и всякого рода служащих—на 3 200 млн. долл., сумма заработной платы, выплаченной в САСШ, поднялась на 1 800 млн. долл., причем необходимо еще раз отметить, что сумма выплаченной заработной платы увеличивалась только до 1926 г., тогда как у остальных классов происходил систематический рост доходов.

Говоря о существующей в САСШ системе распределения доходов, Мунг пишет, что «86% населения САСШ получают меньше чем 2 тыс. долл. в год, 10% нашего народа получают за свой труд меньше, чем 600 долл., 1% богачей получает 14% национального дохода и 30% богачей получают 47% национального дохода (национальный доход в 1929 г. составил 90 млрд. долл.—*Н. З.*). 23% беднейшего люда имеют немного больше нескольких сот долларов, в то время как 2% богатейших владеют около 50% богатств нашей страны»¹.

При таком дифференцированном подходе к анализу доходов получается совершенно иная оценка роста потребления и платежеспособного спроса, который безусловно имел место в предкризисном «подъеме».

В этой области мы имеем по крайней мере два наиболее выдающихся явления: чрезвычайно медленный рост потребления средств существования и одновременно действительно значительный рост потребления предметов «комфорта»: авто, радио, патефонов, электрических приспособлений и пр.

Буржуазная «наука» пытается объяснить это явление происшедшим якобы ростом заработной платы, а депрессивное состояние отраслей пищевкусовой, текстильной, обувной—достижением предельной точки насыщения массового спроса, «неэластичностью» спроса.

В силу этих обстоятельств, по объяснению буржуазных экономистов, произошло изменение структуры потребления и переход от потребления более дешевых и более грубых видов пищи в

расширение производства, вследствие этого капиталисты предпочитают превращать ее в источник непроизводительного потребления. Здесь все поставлено на голову. Преображенский приписывает капиталистам и в этом деле какое-то несуразное плановое начало, не понимая, что рост непроизводительных расходов является неизбежным *faux frais* монополистического капитализма (см. его «Закат капитализма»).

¹ «American Federationist» № 7 за 1931 г.

Что это имеет общего с гуверниадой, прокламировавшей всего за год до кризиса, что «Америка ныне ближе к конечному торжеству над бедностью, чем какая бы то ни было страна в прошлом».

одежды к потреблению более утонченных и более дорогих предметов личного потребления (авто, радио, шелк и т. д.).

«Уровень потребления пищи является весьма неэластичным.

В САСШ и Великобритании среднестатистическое потребление по весу и по калорийности 3—4 года назад было немного выше, чем в годы перед войной. Когда физическая нужда на пищу полностью удовлетворена, тогда нуждаются не в большом количестве пищи, но в более разнообразной и утонченной пище»¹.

Так расписывается картина всеобщего благоденствия в странах капитализма, исходя из факта застойности потребления средств существования.

Каковы действительные причины этого явления?

Отсутствие какой бы то ни было статистики в этом вопросе, а тем более классового анализа потребления разных слоев общества, делает весьма затрудненным развернутый разбор динамики потребления.

Но даже по данным отчета Гувера:

«Душевое потребление хлеба в САСШ, особенно кукурузной муки и пшеничной муки, в течение многих лет обнаруживало тенденцию к понижению» (т. I, стр. 72).

Стремясь вообще изображать все в весьма оптимистических тонах, этот отчет все же признает, что потребление мяса стоит на довоенном уровне или даже немного ниже, если не считать экспорт свинины и сала (стр. 77).

О потреблении домашней птицы и яиц:

«После 1923 г., несмотря на продолжающийся рост городского населения, никакого устойчивого увеличения потребления не замечалось» (стр. 78).

Рост потребления маргарина вытеснял масло.

К числу резко увеличившихся предметов потребления можно отнести сахар, увеличение потребления которого было связано с сильным понижением цен.

О потреблении промтоваров сообщается, что «в потреблении наиболее ходовых товаров не произошло большого увеличения» (стр. 99).

В целом, если мы возьмем все эти отрасли производства, то увидим чрезвычайно слабое развитие пищевого, текстильного, обувного и сельскохозяйственного производств, что не может не выражать застойности потребления этих видов товаров.

Совершенно ясно однако, что общее застойное положение производства средств потребления отнюдь не является выражением

¹ «The Course and Phases of the World Economic Depression». Geneva, 1931, p. 134.

застойности потребления имущих классов и лиц, занятых в обслуживающих профессиях. В самые наилучшие «подъемные» годы основная масса рабочих предъявляла ничтожный дополнительный спрос из-за необычайно слабого подъема индивидуальной заработной платы. Следовательно подавляющая часть увеличения потребления пришлось на долю имущих классов.

Таким образом теория неэластичного спроса по сути означает неэластичность заработной платы, означает стационарный уровень реальной заработной платы.

Она ничего общего не имеет с достижением «предельной точки потребления»; рабочий класс подвергается действию закона обнищания, и его платежеспособность неизбежно сведена к крайне узкому размеру. О пределе насыщения можно говорить по отношению к капиталистическому классу и его «идеологическому» сословию и прихлебательским группам буржуазного общества, которые действительно достигают предельных норм потребления и потому действительно крайне медленно развивают свое потребление, увеличивая и развития размеры потребления предметов роскоши и комфорта¹. Но отождествить платежеспособный спрос рабочего класса, с размерами потребления имущих классов—это все равно, что отождествить «долю» потребления толстяка Ламме, друга Уленшпигеля, с «долей» странствующего Дон-Кихота.

Для иллюстрации жизненного уровня американских рабочих большой интерес представляют результаты обследования уровня жизни неквалифицированных рабочих в Чикаго.

«Для громадного большинства мужчин заработная плата колебалась между 1 тыс. и 1 800 долл.»,—сообщает этот документ². Между тем согласно даже официальным исчислениям для поддержания минимального стандарта жизни рабочей семьи необходимо получать 2 200—2 400 долл.

Сравнивая заработную плату и расходы, требуемые на поддержание минимального стандарта жизни, документ приходит к выводу, что 69% всех обследованных семей получали заработную плату ниже минимального стандарта жизни.

«Заработная плата главы семьи недостаточна для поддержания минимального стандарта жизни, и в некоторых слу-

¹ Это тем более правильно, что стоимость питания росла все время сильнее роста номинальной заработной платы.

«Если мы примем в расчет изменение покупательной силы доллара, то окажется, что стоимость питания выше, чем до войны, а после 1921 г. она вероятно обнаружила дальнейшую тенденцию к повышению» («Гуверовский отчет», т. I, стр. 96).

² Houghteling, The Income and Standart of living of unscilled Laborers in Chicago, p. 240, 1927.

чаях дефицит между существующими заработками и бюджетом очень велик, превышая больше чем наполовину заработок».

Питание почти во всех обследованных семьях совершенно не соответствовало требованиям минимального стандарта жизни.

Подводя итоги, документ констатирует, что обследование

«...показывает совершенно ясно, что жизненный уровень рабочих семей находится ниже тех условий, которые делают возможным поддержать высокий уровень физического, духовного и морального благополучия и работоспособности для взрослых, поддержать полное физическое и духовное развитие детей».

Еще более яркую картину положения американских рабочих дает нам работа А. Рочестер «Труд и уголь в Америке» (Labor and Coal), посвященная анализу положения рабочих в угольной промышленности перед кризисом 1929 г.

Значительная часть горняков вынуждена жить в компанейских домах, платя высокую плату за досчатые бараки, именуемые домами, так как получение работы связано с подписанием контракта на наем жилища компании. Около 25% всех компанейских домов сколочены из досок и покрыты бумажными крышами. Значительная часть домов не имеет водопровода, и семьи шахтеров принуждены таскать воду из колодца. «Холодные уборные являются единственным видом уборных, предоставляемых для большинства шахтерских семейств»,—пишет Рочестер¹.

По обследованию федерального детского бюро в Западной Виргинии в каждой спальном комнате спят от 4 до 5 человек. Каждая крупная компания содержит лавки, метко прозванные рабочими «грабилкой». Выпуская разные боны и пользуясь своей монополией, эти лавки в отдаленных районах повышают цены, снижая реальный заработок. А между тем заработная плата горняков совершенно недостаточна для содержания семьи. По сообщению Рочестер «ни в одном каменноугольном районе САСШ средний годовой заработок не приближается даже к стоимости бюджета, установленного для рабочей семьи Бюро рабочей статистики САСШ»².

И в самом деле, достаточно только посмотреть на движение годовых заработков рабочих, чтобы убедиться в этом. (См. таблицу на стр. 92.)

Таким образом мы видим, что средние годовые заработки не достигали 1 200 долл., что заработная плата основной массы рабочих в 1928—1929 гг. стояла ниже уровня 1924 г., несмотря

¹ Рочестер, Труд и уголь в Америке, стр. 42.

² Рочестер, Труд и уголь в Америке, стр. 103.

**Годовые заработки углекопов
в битуминозных районах¹**

	Среднее число дней работы		Средний годовой заработок	
	1924 г.	1928—1929 гг.	1924 г.	1928—1929 гг.
Северные штаты				
Пенсильвания	180	218	1 152	1 149
Иллинойс	148	156	1 265	1 098
Огайо	143	171	1 025	833
Индиана	136	150	1 164	1 024
Южные штаты				
Западная Виргиния	182	223	1 110	1 193
Кентукки	174	212	989	1 092
Алабама	220	222	1 005	895
Виргиния	226	226	1 052	972
Тенесси	159	226	649	872
Западные штаты				
Колорадо	178	193	1 287	1 193
Канзас	151	128	894	644

на увеличение количества проработанных дней. Все это является свидетельством обнищания рабочего класса, не имеющего возможности на свою заработную плату поддержать хотя бы минимальный стандарт жизни. И это типичная картина положения всего рабочего класса.

В самом деле, ведь примерно аналогичное положение существует и в автомобильной, и в текстильной, и в лесной, и в металлургической промышленности, т. е. по всем отраслям американского хозяйства.

Что собой представляет штат Мичиган с своим промышленным центром Детройтом в обычном, широко распространенном представлении «издалека»?

Искусно распространяемые буржуазией и социал-демократией легенды о высоком уровне заработной платы и блестящих условиях работы на американских автозаводах служили основой для всевозможных апологетических теорий единства интересов труда и капитала; это давало повод некоторой части рабочих других капиталистических стран думать, что Детройт действительно является

¹ Рочестер, Труд и уголь в Америке, стр. 113.

городом благоденствия для всех. В действительности же этот промышленный центр представляет собой котел самой интенсивной эксплуатации рабочего класса, основанной на огромной норме эксплуатации, голодной заработной плате для основной массы рабочих и колоссальных прибылях королей автомобильной индустрии.

«По всем потолкам машины развесил
Хозяин, и путь их как скука желт,—
И нет человека, растущего весело,
А есть человек—рычаг и болт»
(Тихонов, Америка).

В июле 1926 г. Форд объявил о переходе своих предприятий на 5-дневную неделю. Этот якобы филантропический шаг «философа» американизма был широко анонсирован в прессе. Под аплодисменты лидеров Американской федерации труда фордовское мероприятие стали выдавать за решительный шаг в сторону социализма. А на самом деле переход на 5-дневную неделю был формой реагирования фордовского производства на сжатие рынков сбыта.

Через некоторое время это стало уже понятным для многих тысяч доверчивых, обманутых людей, которые серьезно поверили басням буржуазной прессы.

В интервью с Корролем Биндером Форд сам прямо заявил:

«Я не сказал, что я буду платить 6-дневную заработную плату за пять дней работы, и я никогда не сделаю такую неэкономическую и невозможную вещь. Я сказал, что мы будем платить 6-дневную заработную плату за 6-дневную работу, сделанную в пять дней. Но рабочие должны вперед ее заработать».

Итак все свелось к старому, давно известному по своей бессодержательности совету: заработать! Что же «зарабатывал» и мог «заработать» фордовский рабочий после «совета» мистера Форда?

В результате введения 5-дневной недели рабочие стали зарабатывать еженедельно на 4 долл. меньше (вместо 36 долл. 32 долл.), чем при 6-дневной неделе или меньше на 200 долл. в год. Форд, правда, повысил почасовую зарплату на 5 центов. Однако, как бы высока ни была почасовая оплата труда, уровень заработной платы определяется не ею, а количеством дней и часов, действительно проработанных в течение года. Поэтому очень часто высокая почасовая оплата оказывается низкой заработной платой.

Широко распространенные скрытые формы безработицы на автомобильных заводах—в виде неполного рабочего дня, про-

стоев, вынужденных отпусков без оплаты и т. п. приводят к чрезвычайно низким заработкам, несмотря на высокую норму почасовой оплаты.

В этом отношении чрезвычайно показательны официальные данные о движении ежегодных заработков рабочих автомобильной промышленности, опубликованные Бюро рабочей статистики в 1925 г.¹.

Согласно этому отчету ежегодная заработная плата изменилась следующим образом (в долларах):

1914 г.	802
1919 ».	1 431
1921 ».	1 498
1923 ».	1 630
1926 ».	1 675

На 1927 г. Американская федерация труда произвела дальнейшие вычисления движения заработной платы, и оказалось, что последняя понизилась до 1 605 долл. в год².

Что собой представляет такая заработная плата в реальном выражении.

Сравнивая движение номинальной заработной платы с движением индекса стоимости жизни, Американская федерация труда дает следующую таблицу³.

Движение реальной заработной платы американских рабочих за 1899—1927 гг.

1899 г.	100,0
1904	90,3
1909 ».	82,8
1914 ».	90,4
1919 ».	89,2
1921 ».	89,6
1923 ».	111,0
1925 ».	112,1
1927 ».	108,6

Даже для самой буржуазной статистики получается бесспорный вывод, что реальная заработная плата в прославленной автомобильной промышленности в течение 22 лет XX в. стояла ниже уровня заработной платы конца XIX в.

Затем произошло кратковременное 4-годовичное повышение заработной платы, сменившееся с 1927 г. новым понижением. Наконец,

¹ Bureau of Labour Statistics, «Wages and Hours of Labour in the Motor Vehicle Industry» № 538, 1927.

² American Federation of Labour, «Wage in Manufacturing Industry 1899-1927».

³ Там же.

если мы сопоставим среднежегодную заработную плату в 1 600 долл. с стоимостью бюджетного набора, необходимого для поддержания жизни на минимальном уровне, исчисляемого в 2 200 долл., то тогда получится дефицит в 600 долл., или в 27%.

Основная масса рабочих в автопромышленности получала заработную плату ниже стоимости воспроизводства рабочей силы. Заработная плата была ниже минимального стандартного уровня: рабочий вынужден был отказываться от семейной жизни, или искать дополнительной работы для членов семьи, питаться недостаточно, отказывать себе и членам своей семьи в целом ряде необходимых вещей.

Детройт и Мичиган являются такой же каторгой труда, как шахты Пенсильвании и Западной Виргинии, как металлургические гиганты Питтсбурга или текстильные предприятия Новой Англии и Юга.

По всем направлениям действует один и тот же закон капиталистической эксплуатации, обрекающий рабочий класс на обнищание. И в то же время Детройт и Мичиган действительно волшебные места для Морганов, Фордов, Фишеров, Крайслеров, и десятков подобных им миллионщиков-воротил и для всей банды крупных акционеро-держателей.

Зверски эксплуатируя рабочую армию в 400 тыс. человек, автомобильные короли и вся их свора крупных акционеро-держателей загребают на этом деле огромные прибыли. Правильно пишет Данн, что прибыли были высоки не только в дни юности автомобильной промышленности, но даже после 25 лет норма прибыли остается необычайно высокой¹.

В среднем норма прибыли, как показывает Данн, в течение послевоенного времени все время колебалась около 20%, превышая в 4—5 раз норму прибыли стальной, железной и угольной промышленности.

На акции в течение всего этого времени выплачивались баснословные дивиденды, но, чтобы скрыть это от посторонних глаз, прибегли к следующему трюку: увеличивали число акций посредством расщепления старых акций, чтобы скрыть огромные прибыли под покровом мелких прибылей, выплаченных на увеличенное число акций.

¹ См. очень интересную и ценную работу Данн «Labour and Automobiles» стр. 28, посвященную анализу положения рабочих в американской автопромышленности. Эта работа — одна из серии книг, изданных американской рабочей исследовательской организацией, посвященных освещению положения рабочего класса в разных отраслях промышленности. Мы всячески рекомендуем всю эту серию книг вниманию читателей. Вообще было бы хорошо, если бы наши издательства перевели эти работы.

Особенно велико обнищание рабочих, занятых в текстильной промышленности. Эта промышленность является одной из «ключевых» индустрии. Текстильные рабочие составляют одну из наиболее значительных групп американского рабочего класса. Около 4 500 тыс. рабочих так или иначе связаны с текстильной промышленностью и от нее зависят. В самой обрабатывающей промышленности рабочие текстильных предприятий составляют свыше $\frac{1}{8}$ всех промышленных рабочих страны.

Совершенно ясно, что жизненный уровень рабочих текстильного производства, их заработная плата, условия работы, правовое положение и т. п. являются весьма важным элементом при определении положения всего рабочего класса.

Несмотря на несомненные трудности, которые переживает текстильная промышленность во всех капиталистических странах в силу своей хронической депрессивности, она все же приносит значительные прибыли для капиталистов.

Совершенно правильно пишут Данн и Хорди, что при изучении положения дела в этой промышленности нельзя брать двух-трех-летний период, как это обычно делают буржуазные экономисты, а надо взять движение прибылей за более продолжительный период. На основании внимательного изучения большого материала Данн и Хорди приходят к следующим выводам.

1. В предвоенный период «средняя норма дивидендов, выплаченных по 76 предприятиям Новой Англии в течение 1889—1908 гг., была немного ниже 8%, не включая прибылей, которые были обращены на расширение предприятий».

2. Военный период для текстильных предприятий был пиком подъема. Прибыли были необычайно высоки в течение войны и военного бума. Прибыли колебались в этот период от 15 до 165%. «American Woolen Company» получила в эти годы свыше 100% прибыли. Ряд крупнейших предприятий «New Jersey» — свыше 50%. Чистая прибыль 625 фирм в Филадельфии равнялась 117% от вложенного капитала. Подобная картина наблюдалась буквально по всем предприятиям промышленности.

3. В последующие годы, несмотря на значительное ухудшение дел в текстильной индустрии, все же «мы нашли, что в 1927 г. — последний год, для которого мы имеем правительственные цифры доходов корпораций, — 627 текстильных предприятий показали прибыль, 308 не выплачивали чистой прибыли. Таким образом почти 70% текстильных предприятий получали некоторую прибыль». National City Bank показал, что 39 хлопчатобумажных предприятий получили чистой прибыли 37 500 тыс. долл. в течение 1927—1929 гг., средняя трехгодовая прибыль таким образом для каждого предприятия составляла почти 1 млн. долл.

4. В 1929 г. 48 хлопчатобумажных предприятий получили чистой

прибыли 15 629 тыс. долл. к общему капиталу в 393 284 тыс. долл., или 4% сравнительно с 12,8%, для 1 520 корпораций всех других американских предприятий, включая как наиболее преуспевающие, так и наиболее депрессивные¹.

А в каком положении находились рабочие?

«Заработная плата текстильных рабочих находится на самом низком уровне в обрабатывающей промышленности, исключая табачную. В 1927 г. заработная плата на текстильных предприятиях была более чем на 37%; ниже средней заработной платы во всех отраслях промышленности страны. В то же время ежегодная заработная плата рабочих предприятий по производству шерстяных изделий была больше чем на 10% ниже средней для всей промышленности. Эта низкая заработная плата еще больше понижается из-за безработицы»².

Средний заработок колебался от 11 до 13 долл. в неделю.

На каком поистине нищенском уровне держится заработная плата этой категории рабочих, видно даже из официальных данных, опубликованных Бюро рабочей статистики.

*Еженедельная заработная плата
рабочих текстильных предприятий*

Ш т а т ы	Настоящий еженедельный заработок (в долларах)
Южная Каролина	9,56
Алабама	10,19
Виргиния	11,23
Георгия	11,73
Северная Каролина	12,23
Майна	13,81
Нью-Йорк	16,44
Массачузетс	16,44
Новый Хемшир	18,14
Коннектикут	18,40
Род Айленд	18,93

Однако и эти исключительно низкие заработки в действительности оказываются преувеличенными, так как Бюро рабочей статистики исходило в своих исчислениях из заработной платы, выплаченной за одну полную неделю работы, но и на Севере и на Юге предприятия полностью работали в течение года только частично и очень часто целиком не работали неделями. При такой укороченной

¹ R. W. Dannand Jack Hardy, Labour and Textiles, «International Publishers», N. J. 1931.

² Там же, стр. 106.

ченной годовой работе заработки находились фактически еще ниже.

В течение ряда лет перед кризисом предприниматели производили неоднократные сокращения заработной платы и добились того, что она была понижена в среднем на 20—25%. При таком положении известные различия, существующие в уровнях заработной платы рабочих северных штатов (Новая Англия) и южных, не играют существенной роли в определении общего положения рабочих в текстильной промышленности¹. При некоторых различиях в заработной плате, выражающихся в более высокой оплате труда на Севере, общий уровень заработной платы в основном для всех рабочих в текстильной промышленности был чрезвычайно низким.

Если даже принять индекс стоимости жизни для текстильных районов, составленный известной National Industrial Conference Board, организацией, которая не выпустила ни одной работы, чтобы самым наглым образом не извратить и не подделать цифры в угоду господствующим классам,—то даже и тогда получатся потрясающие картины обнищания рабочих.

Индекс стоимости жизни по оценке

«National Industrial Conference Board» (в долларах)

Г о р о д а	Ежегодно	Еженедельно
Лауренс	1 081,30	20,79
Грэнвиль	1 182,05	22,73
Пельпер	1 188,66	22,86
Шерлотт	1 172,10	22,54
Шерлотт (для живущих в компанейских домах) . .	1 227,43	23,61
Шерлотт (для живущих вне компанейских домов) .	1 301,06	25,02

Даже при таком сопоставлении индекса стоимости жизни с заработной платой обнаруживается, что уровень последней был почти на 30 % ниже стоимости минимального стандарта жизни.

При таких заработках один работник не мог содержать свою семью, и он вынужден был посылать членов семьи на поиски заработка. Но какие перспективы ожидали этих новых людей, ищущих приложения своей рабочей силы, когда промышленность, находясь в состоянии хронической депрессии, потеряла способность к поглощению новых рабочих?

¹ Тов. Мира Пейдж в своей хорошей работе, посвященной описанию условий жизни рабочих на хлопчатобумажных фабриках Юга, дает подробное описание самых разнообразных форм эксплуатации текстильщиков. См. Muga Page, Southern Cottonmills and Labour.

Так все сильнее и сильнее перегружалась армия безработных, росла всеобщая нищета среди американских текстильщиков, дошедших в своем жизненном положении до уровня ирландского рабочего или итальянского лацарони, росли бесчисленные мучения, вызванные недоеданием, однообразной пищей, скученностью и ухудшением жизненных условий, ростом заболеваний, огромным ростом интенсивности труда.

Лихорадочная спекулятивная деятельность капиталистических воротил, баснословные прибыли, проценты, тантъемы и прочие формы присвоения прибавочной стоимости на основе огромного усиления эксплуатации труда и обнищания рабочего класса—таково действительное лицо «просперити».

Но тут нам обычно выставляют такие контрдоводы: указывают на факт нахождения 26 млн. авто в руках американского населения и на факт распространения акций среди некоторой части рабочего класса.

Не сидит ли и на самом деле весь рабочий класс в автомашинах и не превращена ли его жизнь в веселую стрижку купонов?

На этот вздорный вопрос приходится отвечать, потому что вокруг него господами социал-фашистами и буржуазными софистами наговорена тьма-тьмуца вреднейшего вздора. Они старались, и, надо сказать, не без известного успеха, держать в плену трафаретных фраз об американском общенациональном процветании сознание широких слоев трудящихся масс. А что происходило в действительности?

Как известно, из 26 млн. авто около 15% относится к типу коммерческих машин, не имеющих прямого отношения к сфере личного потребления. Как же распределялись остальные 21—22 млн. пассажирских авто между различными классами? При всех попытках буржуазных экономистов представить, что рабочий класс широко пользовался авто, им не удалось «доказать», что в покупках авто доля рабочих и ремесленников превышала 20% (см. «Новейшие изменения в экономике САСШ»).

Причем они покупали авто конечно наиболее дешевого качества или подержанные старые модели.

Если даже считать эту цифру в 20% примерно верной, то и тогда обнаруживается картина весьма далекая от тех рассказней, которые распространяются про САСШ.

В самом деле, 20%—это означает около 4 млн. авто. Если учесть, что число рабочих и ремесленников в САСШ составляет минимум 30 млн., то тогда окажется, что авто имели не больше 13—14% рабочего класса и ремесленников. Кто же принадлежал к этим 13—14%, по которым судят о положении всего рабочего класса?

К числу этих лиц в основном принадлежит верхушечная часть рабочего класса, привилегированное меньшинство, представляющее аристократию рабочего класса.

Вопрос о более сносных условиях жизни верхушечной части рабочего класса, пользующегося крохами от прибылей, получаемых буржуазией, это не только «американский» вопрос, это общий вопрос о подкупе части рабочего класса во всех капиталистических странах и об экономической основе оппортунизма внутри рабочего движения.

Чем сильнее экономическая база в капиталистических странах, чем шире и незыблемее сфера эксплуатации данной капиталистической страны над остальными частями мира и чем больше она собирает дань, тем шире создаются экономические предпосылки для подкупа верхушки рабочего класса. Это выделение привилегированного меньшинства происходит не по какому-нибудь профессионально-техническому признаку работы, оно происходит, хотя и весьма неравномерно, по всем профессиям, отраслям производства и странам капитала.

В работах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина мы находим исчерпывающие объяснения корней этого явления.

Известны чрезвычайно резкие отзывы Энгельса об обуржуазивании английского пролетариата, проводимого буржуазией путем подкупа части рабочего класса за счет монопольной эксплуатации колоний.

Но поскольку Америка и Германия начали подрывать мировую гегемонию Англии и сами превращались в кучку стран, монопольно делящих между собой мир,—внутри этих стран создавались и создались также экономические основы для выделения привилегированного меньшинства рабочего класса. На своеобразные экономические условия, которые тормозили выделение такого меньшинства рабочих в России, ясно указывает Ленин; «...общее положение в нашей стране,—говорит он,—враждебно процветанию социалистического оппортунизма в среде рабочих масс. Мы видим в России целый ряд оттенков оппортунизма и реформизма среди интеллигенции, мелкой буржуазии и т. д. Но он в ничтожном меньшинстве среди политически активных слоев рабочих, слой привилегированных рабочих и служащих у нас очень слаб»¹.

Особенности экономического развития каждой капиталистической страны накладывали свой своеобразный отпечаток на создание экономических предпосылок для выделения рабочей аристократии в каждой стране и на размеры ее. Смысл выделения рабочей аристократии состоит в том, чтобы внести дезорганизацию

¹ Ленин, Социализм и война, Соч., т. XVIII, стр. 209.

и деморализацию в рабочую массу, чтобы перевести рабочий класс на сторону своей «национальной» буржуазии, чтобы интересы ничтожного меньшинства рабочих сделать знаменем движения всего рабочего класса¹. С помощью этих блуждающих огоньков мещанского благополучия происходит заманивание в болото оппортунизма.

Из этой топи выростала идеология Гомперсов, Льюисов и Гринов в САСШ, Макдональдов, Сноуденов, Уэббов и Мэкстонов в Англии, Бернштейнов и Каутских в Германии, Акимовых, Мартовых и Абрамовичей в России.

Формы и методы выделения аристократии рабочего класса чрезвычайно разнообразны и изменяются от страны к стране. Но общими, основными признаками, присущими в той или иной мере всем капиталистическим странам, являются выделение из массы рабочих всякого рода младшего унтер-офицерского состава промышленности, в обязанности которого входят функции надзора и подтягивания темпов работы; создание кадров мелких хозяйчиков в самых разнообразных формах внутри рабочего класса, например контрактные шахтеры в антрацитовых районах САСШ, берущие на откуп шахты у предпринимателей; введение бригадиров в автопромышленности при так называемой бонусной, артельной оплате труда; искусственное сжатие рамок профсоюзов—для наиболее высоко оплачиваемых категорий рабочих; выделение из рабочих всякого рода высоко оплачиваемых профсоюзных, партийных, кооперативных и других чиновников, и т. п. и т. д.

Ясно, что такой слой действительно может предъявить более высокий платежеспособный спрос.

И вот по такой привилегированной части рабочего класса буржуазные идеологи делают обобщения о жизненном уровне всего рабочего класса.

Но и относительно перспектив положения рабочей аристократии у рабочих не должно быть никаких иллюзий. Империализм, создавая экономические предпосылки для подкупа рабочего класса, в ходе своего развития несет такие противодействующие силы, что экономическая база привилегированного меньшинства сильно ослабевает и над ним нависает реальная угроза резкого ухудшения жизненного уровня. С начала мирового экономического кризиса это так и произошло.

Сплошная, недифференцированная постановка вопроса о по-

¹ «Оппортунизм порождается в течение десятилетий особенностями такой эпохи развития капитализма, когда сравнительно мирное и культурное существование слоя привилегированных рабочих «обуржуазивало» их, давало им крохи от прибылей своего национального капитала, отрывало их от бедствий, страданий и революционных настроений разоряемой и нищей массы» (Ленин, Крах II Интернационала, Соч., т. XVIII, стр. 267).

купателях авто ясно находится под прямым влиянием апологетической теории «общенационального» американского процветания.

Глава VI

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В АНГИИ

В Англии происходил примерно аналогичный процесс обнищания. Вплоть до 1925 г. заработная плата находилась ниже уровня, достигнутого в конце XIX в. По исследованию Labour Research Department реальная заработная плата с 1900 по 1914 г. упала на 10%. Гобсон считает, что к 1910 г. реальная заработная плата понизилась на 12%, целый ряд других буржуазных исследователей также вынужден констатировать факт понижения реальной заработной платы в предвоенные годы.

Так например Cole также вынужден признать и отметить понижение реальной заработной платы в предвоенные годы. По годам реальная заработная плата в этот период изменялась, по его мнению, следующим образом¹:

Г о д ы	1900 = 100	
1900.	.100	} - 8 %
1901.	.99	
1902.	.97	
1903.	.95	
1904.	.95	
1905.	.95	
1906.	.97	
1907.	.97	
1908.	.94	
1909.	.93	
1910.	.92	
1911.	.92	
1912.	.91	
1913.	.93	
1914.	.92	

В результате понижения реальной заработной платы сократилось потребление. По сообщению Cole в период между 1895—1899 и 1905—1909 гг.

«Душевое потребление хлеба не повысилось, потребление мяса упало с 130 кг до 125, понизилось потребление сахара, потребление чая показало незначительное увеличение, в то время как потребление пива и спирта очень резко сократилось» (стр. 102).

¹ Cole, British Trade and Industry, London, 1932, p. 114.

«Отсюда,—пишет Cole,—рост социализма и экономической неудовлетворенности, рост рабочей партии как политической силы и в годы перед самой войной стачки и волнения и преобладание новых социальных теорий».

С XX в., начала периода господства монополистического капитализма, развернулось форсированное наступление капитала на рабочий класс. Во всех без исключения странах началось систематическое понижение реальной заработной платы, сильнейший рост интенсивности труда и т. д.

Английский пролетариат также не остался в стороне от главной магистрали исторических событий. Он оказывал активное сопротивление наступлению буржуазии, сплошь и рядом вступая в экономическую борьбу с буржуазией против воли реформистских вождей.

В ответ на наступление капитала растет стачечная борьба, обостряются классовые противоречия. В 1907 и 1911 гг. развертываются упорные стачечные бои железнодорожных рабочих, в 1908 г. возникают стачки прядильщиков, стачки судовых механиков, в 1909 г.—стачки котельщиков, в 1910 г.—лондонских докеров, в 1911 г.—вновь стачки докеров, в 1912 г. возникает огромное национальное движение горняков, в 1913 г.—стачка транспортников и всеобщая стачка в Дублине и в 1914 г., накануне войны,—прекращение работ в строительной промышленности.

Буквально все прослойки рабочего класса были вовлечены в эти годы в упорную стачечную борьбу.

Согласно данным Бальфуровского комитета, стачечная борьба развивалась в эти годы так²:

Годы	Число стачек	Участвующих	Потерянных дней
		в тысячах	
1900	633	185	3 090
1901	631	179	4 130
1902	432	255	3 440
1903	380	116	2 320
1904	346	87	1 450
1905	349	92	2 370
1906	479	218	3 020
1907	585	146	2 150
1908	389	293	10 790
1909	422	297	2 690
1910	522	514	9 870
1911	872	952	10 160
1912	834	1 462	40 890
1913	1 459	664	9 800

¹ Cole, British Trade and Industry, London, 1932, p. 153.

² «Survey of Industrial Relations», p. 335.

Результаты стачек

Годы	Стачки, окончившиеся			Всего
	в пользу рабочих	в пользу предпринимателей	соглашением	
1910	134	189	198	522
1911	221	273	378	872
1912	230	248	356	834
1913	420	371	665	1 459
1914	240	325	407	972

«Это было, как если бы,—говорит один американский наблюдатель,—рабочие были укушены каким-то микробом возмущения и горели нетерпением добиться одним ударом того, чего они не могли достигнуть в течение длительного периода стагнации своего положения»¹.

В последние предвоенные годы более 80% всех стачек были крупными стачками с числом участников более 5 тыс. человек в каждой. Значительная часть стачек, примерно около 25 — 30%, заканчивалась победой рабочих, несмотря на жестокое наступление буржуазии на рабочий класс. В целом рабочий класс в этих классовых боях приобретал новый опыт революционной борьбы и сделал несомненный шаг вперед. Вся предвоенная обстановка была беременна революционной ситуацией. В мировой империалистической войне пыталась буржуазия найти разрешение своих противоречий и отодвинуть исторические сроки решающих классовых битв.

В течение военного времени понижение реальной заработной платы не только не приостановилось, но еще значительно усилилось.

Подтверждение этого вывода мы найдем в целом ряде исследований, посвященных анализу движения заработной платы в период войны. Так например, согласно выводам Боули, получается следующая динамика реальной заработной платы в Англии²:

	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.
Номинальная заработная плата	100	110	120	120	180
Индекс стоимости жизни	100	125	145	180	205
Реальная заработная плата по этому расчету ¹	100	85	78	71	81

¹ Fay, Great Britain from Adam Smith to the Present Day, p. 392, London, 1928.

² Bowly, Prices and Wages the Kingdom, 1914—1920.

В течение всего военного периода реальная заработная плата была ниже уровня 1914 г. примерно на 20—25%, а уровень реальной заработной платы 1914 г., как известно, был ниже уровня конца XIX в. Согласно данным Боули, даже в наиболее хорошо оплачиваемых отраслях промышленности, непосредственно работавших по заказам военного ведомства, как например в машиностроительной, металлургической и угольной, рост номинальной заработной платы значительно отставал от роста стоимости жизни (на 10—15%). Таким образом на протяжении всего 18-летнего периода не было ни одного года, когда бы реальная заработная плата превысила уровень заработной платы конца XIX в. Наоборот, в течение всего этого периода происходило непрерывное ухудшение положения английских рабочих.

Какие изменения произошли в послевоенный период? В целом попрежнему происходило понижение заработной платы за исключением кратковременного периода слабого повышения в течение 1925—1928 гг.

В отличие от САСШ, в которых при стабильности общего индекса стоимости жизни номинальная заработная плата повысилась с 1923 по 1926 г., в Англии произошла стабилизация номинальной заработной платы при незначительном понижении индекса стоимости жизни. Обычные утверждения буржуазных экономистов, что заработная плата в Англии сильно повысилась за! послевоенные годы, основываются:

1) На игнорировании роста безработицы, неполного рабочего времени и их влияния на понижение как индивидуальной заработной платы, так и всей суммы заработной платы; 2) на неправильном исчислении степени понижения стоимости жизни рабочего; 3) на игнорировании факта роста интенсивности; 4) на обобщении кратковременных наблюдений роста заработной платы на весь период капиталистического развития.

И все же, несмотря на всю эту фальсификацию ряд видных идеологов буржуазного мира, которых никак нельзя заподозрить в непонимании своих классовых интересов, вынуждены под давлением фактов приходиться к выводам, далеким от ходячих представлений, о систематическом росте заработной платы в Англии. Комитет Кольвина, Боули, Лейтон, комитет Бальфура и т. д. сравнительно еще недавно констатировали, что заработная плата при учете безработицы и сокращенного рабочего дня была ниже уровня 1914 г. Исчисляя распределение национального дохода в Англии за 1924 г., Боули и Стемп писали, что «заработная плата вряд ли была выше заработной платы 1914 г.»¹.

¹ Bowly and Stamp, The National Income, 1924. Этот год характерен тем, что в Англии в то же время уровень производства достиг примерно довоенных размеров, а производительность труда стада выше довоенного.

Позднее комитет Кольвина (1927 г.) также констатировал, что: «...если даже средний реальный заработок занятых рабочих возможно несколько выше, чем в 1914 г., то все же рост безработицы и неполная занятость должны снизить среднюю заработную плату для всего рабочего населения»¹.

Весьма характерно, что и Бальфуровский комитет, отнюдь не забывающий в своих выводах давать тенденциозно-оптимистические оценки положения дела и прикрывать остроту классовой борьбы, пишет:

«Цифры указывают фактически, что средний уровень реальной заработной платы за полную рабочую неделю существенно не отличается от предвоенного уровня и что при учете широко распространенной безработицы и сокращенного рабочего времени, теперь преобладающих во многих отраслях, средний уровень «реальной» заработной платы должен быть ниже, чем он был непосредственно перед войной»².

Между 1914 и 1924 г. номинальный рост заработной платы очень сильно колебался от одной отрасли к другой и от одной квалификации к другой, но в целом, пишет Бальфуровский комитет, можно принять, что номинальная заработная плата была на 70 — 75% выше уровня 1914 г. В то же самое время официальный индекс стоимости жизни увеличился на 75%.

В течение 10 месяцев 1920 г. рост номинальной заработной платы составил, исходя из совершенно фантастического предположения полной рабочей недели, такую же величину, как и рост индекса стоимости жизни. Никакого роста реальной заработной платы в этот период не было. С начала развития кризиса 1921 г. (конец 1920 г.) началось сильное понижение цен и понижение номинальной заработной платы, несколько отстававшее от падения официального индекса стоимости жизни. И так продолжалось, по мнению отчета Бальфура, до лета 1922 г. С этого времени и вплоть до начала 1925 г. индекс стоимости жизни стоял выше индекса номинальной заработной платы, и в целом таким образом, как мы уже говорили, реальная заработная плата была ниже уровня 1914 г.

Таким образом, несмотря на всю разноголосицу, которая существует среди буржуазных исследователей по вопросу о динамике реальной заработной платы, основным лейтмотивом всех выводов наиболее серьезных исследований этого вопроса является признание того факта, что заработная плата в течение всей первой

¹ Report of the Committee on the National Debt and Taxation.

² «Survey of Industrial Relations», p. 97.

пятилетки после войны оставалась ниже довоенного уровня или в самом лучшем случае только приблизилась к нему.

Выводы весьма показательны. Несмотря на всю фальсификацию в существующих статистических вычислениях индекса стоимости жизни, выплаченной номинальной заработной платы и т. п., буржуазная статистика не дала оснований к более оптимистическим выводам, чем те, которые были сделаны комитетами Кольвина и Бальфура. Потери, понесенные рабочим классом в результате 18-летнего понижения заработной платы, не были покрыты каким-либо последующим ростом реальной заработной платы.

Наиболее правильную, приближающуюся к действительности картину изменения реальной заработной платы за весь этот период дает исследовательское бюро рабочей партии в следующей таблице¹:

Годы	Индекс	Г о д ы	Индекс
1900. 100,0	1911. 91,8
1901. 97,8	1912. 89,7
1902. 95,3	1913. 93,1
1903. 92,5	1914. 90,7
1904. 91,3	1915. 82,1
1905. 92,4	1916. 69,9
1906. 95,7	1917. 62,0
1907. 95,1	1918. 78,2
1908. 89,8	1919. 93,2
1909. 88,2	1920. 92,4
1910. 88,2	1921. 93,5

В течение последующих трех лет произошло новое понижение заработной платы примерно на 5—7%, как это отмечается почти всеми английскими статистиками.

К концу 1924 г. реальный уровень заработной платы был ниже уровня конца XIX в. на 14% и на 4% ниже уровня 1914 г.

После почти 25-летнего понижения заработной платы, прерываемого изредка периодами стабилизации на пониженном уровне, произошел кратковременный перелом в понижательном движении, вызванный ростом интенсивности труда.

В течение 1925—1928 гг. произошла приостановка падения индивидуальной заработной платы и даже начался незначительный рост ее.

Но и из официальных данных видно, что «заработная плата в течение 1925—1930 гг. обнаружила только слабую тенденцию к увеличению. Номинальный уровень заработной платы, соответственно цифрам министерства труда, остался в течение 1925—1926 гг. на 75% выше предвоенного уровня, затем в 1927 г. произошло некоторое понижение, когда номинальная заработная

¹ «The Condition of the England Workings Classes, 1900-1924».

плата опустилась на 70% выше довоенного и с тех пор осталась на этом уровне вплоть до кризиса».

Но так как одновременно индекс стоимости жизни понизился за этот же период несколько сильнее, то, основываясь на этом, приходят к выводу о значительном повышении реальной заработной платы¹.

Г о д ы	Индексы номинальной заработной платы	Г о д ы	Индексы стоимости жизни (по данным проф. Боули)
		1913 = 100	
1925—1927 . . .	+ 75	1925	+ 72,0
1927—1929 . . .	+ 70	1926	+ 67,5
		1927	+ 66,0
		1928	+ 64,0

Если даже считать правильным этот ряд данных, то и тогда получается довольно жалкий результат. Тогда получается, что при понижении индекса номинальной заработной платы на 5% индекс стоимости жизни упал всего на 8%.

Выводы о сильном понижении «индекса стоимости жизни за период 1925—1929 гг. основаны на общем суммарном изучении всего индекса в целом. Если же сделать более дифференцированный анализ по отдельным группам товаров, то обнаружится, что при понижении общего индекса стоимости жизни различные цены на предметы массового потребления не только не падали, но в ряде случаев даже повышались.

Движение розничных цен в Великобритании²

Годы	Картофель (в пенсах за 1 кг)	Мясо мороженое (в пенсах за 1 кг)	Масло (в шиллингах и пенсах за 1 кг)	Молоко (в пенсах за 1 л)	Яйца (в пенсах за штуку)
1914	4 ³ / ₄	6 ³ / ₄	1—2 ¹ / ₂	3 ¹ / ₂	1 ¹ / ₄
1926	7 ¹ / ₄	11 ³ / ₈	1—11 ¹ / ₄	6 ¹ / ₄	2 ¹ / ₄
1927	8	11 ¹ / ₂	1—10 ³ / ₄	6	2 ¹ / ₄
1928	8 ¹ / ₄	11 ³ / ₄	1—11 ¹ / ₂	6 ¹ / ₄	2 ¹ / ₄

Как видим, ни по одному из этих предметов массового потребления нельзя сказать о понижении индекса стоимости жизни.

Сильный разрыв между движением оптовых и розничных цен является одной из характерных черт экономики монополистического капитализма, использующего всю силу монополии для противодействия выравниванию движения оптовых и розничных цен. Это сопротивление действию закона стоимости в сфере розницы является дополнительным фактором эксплуатации рабочего класса

¹ «Minutes of Evidence», v. I, p. 309—310.

² «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich», S. 108, 1931.

и широких трудящихся масс. И так как розничные цены не падают вслед за понижением оптовых цен, понижение последних не только не означает понижения стоимости жизни, но часто резкое падение оптовых цен происходит при росте розничных цен наиболее ходовых товаров, как это мы только что видели из вышеприведенной таблицы¹.

Другую попытку исчислить динамику реальной заработной платы в послевоенный период сделал Бенхам в коллективной работе, специально посвященной проблемам мировой безработицы².

Над составлением этой книги работали 16 представителей различных стран при активной поддержке Международной ассоциации промышленных отношений и целого ряда других организаций. «Коллективный» сборник исследований буржуазных экономистов с начала до конца носит печать классово-тенденциозности и поисков наиболее убедительно звучащих аргументов для оправдания политики массовых снижений заработной платы и увольнения рабочих. В распоряжении этих авторов находился весь аппарат буржуазной статистики. Работа привлекла к себе внимание широких кругов буржуазии. К каким же выводам пришел Бенхам?

Исчисляя соотношение между движением индекса номинальной заработной платы и индексом стоимости жизни, Бенхам дает следующую картину движения реальной заработной платы³:

Г о д ы	Г о д ы
1910.100	1920.113
1911.100	1921.124
1912.98	1922.118
1913.100	1923.112
1914.103	1924.111
1915.90	1925.112
1916.83	1926.114
1917.81	1927.117
1918.91	1928.118
1919.109	1929.118

¹ С еще большей резкостью проявляется несоответствие официально публикуемого общего индекса стоимости жизни с действительным движением цен на предметы массового потребления в САСШ. При общей стабильности публикуемого индекса стоимости жизни розничные цены на предметы питания изменялись за 1927, 1928 и 1929 гг. в САСШ следующим образом:

	1913 г. = 100		
	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Мясо	167,7	180,2	193,9
Масло	158,4	159,10	160,7
Яйца	131,0	134,5	142,0
Хлеб	166,0	162,5	160,7
Картофель	223,5	158,8	188,2

Все это свидетельствует о преувеличенных оценках роста реальной заработной платы за последние предкризисные годы.

² International Unemployment Study of Fluctuations Unemployment and Unemployment in Several Countries, 1910—1930, Hague 1932.

³ Там же, стр. 265.

Из этих данных получается: 1) что в течение военного периода реальная заработная плата понижалась и была значительно ниже предвоенного уровня; 2) что за весь послевоенный период заработная плата повысилась в среднем на 15—16% и 3) что этот рост заработной платы имел место лишь только в течение трех лет—1919—1921, а затем вновь началось понижение ее вплоть до 1925 г., и затем произошло возвращение уровня заработной платы к уровню 1922 г.

Однако столь «блестящие» выводы, вытекающие из всей работы Бенхама, остаются неверными, преувеличивающими послевоенный уровень заработной платы английских рабочих, так как при исчислении динамики реальной заработной платы Бенхам исходил из ставки номинальной заработной платы за полное рабочее время. Между тем хорошо известно, что большинство рабочих работают неполную рабочую неделю, получая соответственно меньшую заработную плату. По самым осторожным оценкам, производимым самими буржуазными экономистами, на сокращенную работу падает не менее 15% всего рабочего времени. При учете этого явления получается совершенно другая картина движения «реальной» заработной платы, а именно¹:

1913 г. = 100			
Г о д ы	Индекс реальной заработной платы	Г о д ы	Индекс реальной заработной платы
1919.93	1925.97
1920.	100	1926.99
1921.106	1927.102
1922.	100	1928.103
1923.97	1929.103
1924.97		

Такой способ фальсификации не является единственным достоянием г. Бенхама. Это шаблонный, обычный прием официальной статистики, который тем самым обеспечивает затушевывание неприятных сторон.

Основываясь на таких статистических «передержках», министерство торговли опубликовало в ноябре 1928 г. индекс движения довоенной заработной платы и заработной платы за 1928 г., доказывая, что недельные ставки заработной платы за полное время работы увеличились на 70—75% для всех отраслей про-

¹ Вычислено на основании данных Бенхама о учете неполного рабочего времени. В своем докладе в Лондонской экономической школе Д. Гобсон заявил, что по его вычислениям увеличение реальной заработной платы при предположении полного рабочего времени составляет за весь послевоенный период всего около 5% (см. «Manchester Guardian» от 18 декабря 1931 г.).

мышленности¹. Секрет получения подобных данных широко известен.

И этого не желает теперь скрывать такой орган финансового капитала, как «Middland Bank Review», оценивая следующим образом эти итоги статистических фокусов:

«Приведенные цифры показывают, что высокий уровень жизни преобладает среди тех рабочих, которые достаточно удачливы, чтобы работать полное время. Как бы то ни было, всем известно, что большое число наемных рабочих совершенно не имеет работы или работает неполное время и живет со своими иждивенцами много хуже, чем это было до войны. Падение уровня жизни этой группы достаточно значительно, чтобы сбалансировать или почти сбалансировать повышение заработка тех наемных рабочих, которые фактически работают полное время, так что средний уровень жизни всех рабочих лишь немногим выше, чем в 1924 г., и не выше чем в 1913 г.»².

В приложенном заявлении к «Final Report of the Committee an Industry and Trade» отколовшейся части Бальфуровского комитета мы читаем следующую оценку положения рабочих в Англии после войны: «Снижение заработной платы, проведенное в машиностроительной промышленности, сокращенное время в текстильной, увеличение продолжительности рабочего дня, проведенное в угольной промышленности, привело к низкому уровню потребления рабочих угольной, текстильной и машиностроительной индустрии, что отразилось на производительной и платежеспособной силе всех отраслей промышленности, производящих средства существования».

Таким образом ни один из документов, публикуемых буржуазной статистикой, при более внимательном рассмотрении не дает оснований к выводу, что в послевоенные годы происходил систематический подъем реальной заработной платы, якобы значительно превысивший по своему уровню довоенную заработную плату. В действительности заработная плата в самые лучшие для капитализма послевоенные годы превысила довоенный уровень на 2-3 %.

В то же самое время понижение заработной платы по ряду основных отраслей промышленности не приостанавливалось и в эти годы. Так например при помощи государственного арбитража в 1929 г. текстильщикам была снижена заработная плата на $6\frac{1}{4}\%$, шерстяникам—на $9\frac{1}{4}\%$, джутовым рабочим—на 7%.

В угольной промышленности в течение пяти предкризисных лет происходило регулярное понижение заработной платы при стабильности индекса стоимости жизни.

¹ «The Ministry of Labour Gazette» за ноябрь 1928 г.

² «Middland Bank Review» за ноябрь 1932 г.

В декабре 1930 г. стоимость жизни была на 55% выше довоенного уровня, но норма оплаты сдельной работы у рабочих железной и стальной промышленности только на 40% выше 1914 г., средний заработок шахтера за смену—на 42% выше.

Среднеженедельная заработная плата

(в шиллингах и пенсах)¹

Г о д ы	
1925.	50—8
1927.	47—2
1928.	43—2
1929.	45—6
1930.	44—4

Среднее увеличение номинальной заработной платы рабочих текстильной промышленности составляло 50%, обученных рабочих в судостроительной промышленности—45% и рабочих в машиностроении—на 52%. Безработица и неполное рабочее время приводили к еще более сильному падению реальной заработной платы. Текстильная промышленность особенно дает нам много случаев неполного рабочего времени, и, как хорошо известно, то же самое существовало в значительных размерах в каменноугольной промышленности, машиностроении, судостроении².

Итак, мы видим, что индивидуальная заработная плата в послевоенный период стояла вплоть до 1925 г. ниже довоенного уровня. Затем начала повышаться и только в течение трех последних предкризисных лет 1927, 1928 и 1929 гг. допозла

¹ «Daily Worker» от 28 мая 1931 г.

² Совокупная ежегодная заработная плата, согласно отчету инспекции внутренних доходов, сократилась на 615 млн. ф. ст. между 1920 и 1929 гг. В то же самое время рента, прибыль, проценты и жалованье увеличились на 308 млн. ф. ст.

Г о д ы	Еженедельная заработная плата	Рента, прибыль, проценты и жалованье
1920.	945	2 532
1924.	371	2 599
1925.	275	2 670
1926.	212 (всеобщая стачка)	2 705
1927.	316	2 704
1928.	318	2 813
1929.	330	2 840

Основной рост доходов падает на категорию собственников земли, домов и т. п. (132 млн. ф. ст.) и служащих государственных организаций (193 млн. ф. ст.) Такая структура растущих доходов подтверждает еще раз паразитический характер английского капитализма («Daily Worker» от 30 ноября 1931 г.).

Проф. Harry Clay считает, что из всего населения Великобритании ³/₄ владеет имуществом меньше 100 ф. ст. каждый, остальная ¹/₄ владеет ⁹/₁₀ всего национального богатства. («The Problem of Industrial Relation», p. 265.)

до довоенного уровня и превысила его на каких-нибудь 2—3%.

Столь ничтожное и кратковременное трехлетнее повышение индивидуальной «реальной» заработной платы из всего периода за тридцать лет получилось за счет ухудшения положения всего рабочего класса. И вот такое эпизодическое и слабое повышение индивидуальной заработной платы, при сильном росте безработицы, интенсивности труда и т. п., было изображено буржуазной «наукой» как улучшение благосостояния всего рабочего класса.

А что означает безработица в деле общего понижения заработной платы рабочего класса, видно из следующих подсчетов.

Такой прожженный идеолог буржуазии, как проф. Пигу, считает, что при наличии 5% безработицы (600 тыс. человек) ежегодные потери английских рабочих по заработной плате составляют около 100 млн. ф. ст.¹. Эту цифру проф. Флукс оспаривает, доказывая, что она сильно преуменьшена, и приходит к выводу, что при наличии 5% безработицы ежегодные потери составляют не менее 130 млн. ф. ст.

Принимал данные Флукса за основу, мы получаем следующую картину движения потерь заработной платы рабочим классом на одной только безработице.

Потери по безработице

(только профессионально организованных)

Г о д ы	Процент безработицы	Потери в год по Флуксу (в млн. ф. ст.)
1921	16,7	415
1922	14,1	360
1923	11,5	270
1924	10,2	260
1925	11,0	285
1926	12,4	320
1927	9,7	250
1928	10,9	280
1929	10,4	270

В среднем ежегодные потери по безработице составляли 16% всей суммы ежегодной заработной платы, получаемой в послевоенные годы. Но почему об этих фактах так старательно молчат

¹ «Я думаю, что будет правильно сказать, что 5% безработных означает потерю в 100 млн. ф. ст. в год, это самое меньшее» (см. «Minutes of Evidence», v. II, p. 77).

все те, кто с такой скрупулезной старательностью регистрирует десятую долю процента повышения заработной платы, чтобы провозгласить обвинительный акт против рабочего класса?

В свете этих фактов какой несносной отсебятиной выглядят «бессмертные» творения какого-нибудь Жака Рюеффа, вынырнувшего в один день из мрака неизвестности в первоклассные) мыслители буржуазной «науки». Эту известность Рюефф, как известно, заслужил своей «новомодной» теорией математически точной зависимости размеров безработицы от роста заработной платы. В обстановке развития мирового экономического кризиса, перехода буржуазии к новым, все более открытым формам наступления на рабочий класс «теория» Рюеффа стала одним из боевых знамен лобовой атаки на пролетариат. Вслед за Рюеффом англичане Лоуэдей, Стемп Беверидж и ряд других также провозгласили, что основная причина безработицы заключается в высокой заработной плате. При неизменном уровне производительности труда размеры безработицы изменяются в тесной зависимости от движения реальной заработной платы. Чем выше при этих условиях заработная плата, тем сильнее безработица. Вся эта «теория» находится в вопиющем противоречии даже о официальных данными, характеризующими положение английского рабочего класса. Как мы уже отмечали в другой связи, производительность труда вовсе не оставалась стабильной, но, по самым минимальным расчетам официальной статистики, она повысилась за последние предкризисные годы на 12%. При таком положении вещей издержки производства, падающие на заработную плату, значительно понизились, а безработица все же росла.

Прекрасной иллюстрацией к сказанному являются следующие таблицы движения производительности труда, издержек производства и заработной платы в угольной промышленности.

Добыча угля (в миллионах тонн)		Выработка 1 рабочего в год		Выработка в смену на 1 рабочего		Средний ежедневный зарплаток		Подъем или падение в зарплатках		Стоимость жизни	
		В т о н н а х				И н д е к с					
1925 г.	1929 г.	1925 г.	1929 г.	1925 г.	1929 г.	1925 г.	1929 г.	1925 г.	1929 г.	1925 г.	1929 г.
247,1	252,6	230	283	0,9	1,1	100	86	100	85	100	94

¹ Cole, British Trade and Industry, p. 327.

Издержки производства на раб. силу на 1 тонну (швейцарских франков)		Издержки производства (зарплата) на 1 тонну (индекс)		Продолжительность рабочего времени (подземных рабочих)	
1925 г.	1929 г.	1925 г.	1929 г.	1925 г.	1929 г.
15,4	11,5	100	74	40 ч. 45 м.	47 ч. 28 м.

Итак рост производительности труда—факт неоспоримый, понижение реальной заработной платы—факт неоспоримый и в то же время рост безработицы—также факт неоспоримый. Но это как раз составляет закон капитализма, при котором рост накопления на одном полюсе означает рост нищеты и необеспеченности на другом полюсе.

«Путь развития капитализма есть путь обнищания и полуголодного существования громадного большинства трудящихся при подкупе и подкармливании незначительной верхушки этих трудящихся» (Сталин).

Смехотворные потуги господ Рюеффов доказать, что корни массовой безработицы в Англии скрываются в высокой заработной плате, основаны на исчислении уровня заработной платы путем деления номинальной заработной платы на индекс оптовых цен! О, святая глупость, она предполагает, что рабочий выступает на рынке в качестве оптового покупателя «бессмертных» творений господина Рюеффа. Но святая глупость не любит успокаиваться на одной нелепости, она жаждет высказаться как можно пространнее. И тогда мы узнаем дальше, что в результате роста заработной платы происходит понижение товарных цен, падение прибыльности и в результате всего этого сокращение производственной деятельности и рост безработицы. Но каким это образом гипотетически высокая заработная плата может оказать понижающее влияние на индекс оптовых цен—это несомненно остается «тайной» святой глупости. Тысячу раз прав Эразм Роттердамский, у которого глупость говорит о себе:

«Нет во мне никакого притворства, и я не изображаю на лбу того, чего нет у меня в груди. Всегда и всюду я неизменна, так что не могут скрыть меня даже те, кто пытается присвоить себе личину и титул мудрости, кто разыгрывает обезьян в пурпуре и ослов в львиной шкуре. Пусть притворяются как угодно: торчащие ушки все равно выдадут Мидаса».

Все утверждения буржуазии, что основной причиной хронического застоя английской экономики является высокий уровень заработной платы, есть обычный обманный прием для прикрытия

бешеного наступления на элементарные завоевания рабочего класса. Заработная плата английских рабочих в общем и целом на протяжении всего XX в. подвергалась сокращению, оставаясь стабильной в период частичной стабилизации капитализма. Пытаясь замазать и замаскировать этот факт, полностью подтверждающий правильность открытого Марксом и Лениным закона обнищания, буржуазные идеологи пытаются использовать кратковременные и незначительные периоды повышения заработной платы, чтобы изобразить эти моменты подъема как общую господствующую тенденцию движения реальной заработной платы.

Глава VII

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В ГЕРМАНИИ

Вопреки всем теориям социал-фашистов о преуспевании рабочего класса при капитализме происходит абсолютное и относительное обнищание рабочих.

Но может быть германский пролетариат занимает исключительное положение в капиталистическом мире? Может быть германский социал-фашизм исходил при построении своей теории «высокой» заработной платы из действительного роста реальной заработной платы в Германии в отличие от других капиталистических стран, в которых, Как мы видели, происходит обнищание рабочего класса?

Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Предвоенный период в Германии, так же как и в других капиталистических странах, был периодом понижения реальной заработной платы. Начиная с 1900 г. и вплоть до начала войны рост номинальной заработной платы перекрывался растущей дороговизной жизни. Развитие и усиление монополистических тенденций приводило к росту гнета монополистических организаций, собирающих дань со всего общества и в первую очередь с трудящихся масс посредством закрепления цен на искусственно повышенном уровне.

Процесс понижения реальной заработной платы был настолько очевиден, что это нашло свое отражение в многочисленных официальных отчетах буржуазной статистики. О теми или иными оговорками значительная часть буржуазных исследователей данного периода вынуждена констатировать дали стагнацию заработной платы, или понижение ее. И это весьма показательно для представителей буржуазной «науки», приобретших профессиональный навык в деле «обнаружения» систематического роста реальной заработной платы при капитализме.

По данным Тышки, в Германии (Пруссия) реальная заработная плата с 1900 по 1912 г. понизилась почти на 20% ¹.

¹ Tyzka, Lohne und Lebenskosten in Westeuropa im 19 Jahrhundert, S. 289.

Роберт Вильбрандт и Герхард Изенберг, специально изучавшие динамику заработной платы в Германии за период 1910—1914 гг., приходят к выводу:

«Номинальная заработная плата росла однако в такой же степени, как и стоимость жизни, поэтому реальная заработная плата повысилась только в отдельных районах»¹.

И дальше эти авторы прямо заявляют: «Весьма сомнительно, чтобы в целом заработная плата повысилась» (стр. 142). При этом общеизвестно, что до 1910 г. реальная заработная плата очень резко упала. Если мы возьмем движение реальной заработной платы по наиболее дефицитным в тот период профессиям, как например по горнорабочим, которые находились в наиболее благоприятном положении, и тогда все же окажется, что их реальная заработная плата обнаружила тенденцию к понижению.

*Движение реальной заработной платы
горнорабочих Рурского района в предвоенный период*

Годы	Годы
1901. 100,0	1907. 100,0
1902. 95,0	1908. 104,1
1903. 97,0	1909. 97,0
1904. 95,6	1910. 100,5
1905. 93,4	1911. 98,0
1906. 100,0	1912. 93,6

В общем в предвоенный период реальная заработная плата понизилась на 10—12% сравнительно с уровнем заработной платы конца XIX в.

Прямое непосредственное влияние монополистического капитализма на усиление абсолютного обнищания рабочего класса проявилось здесь в том, что процесс обнищания происходил, несмотря на значительный рост масштабов производства, сильный подъем производительности труда, большое развитие экспортной торговли и весьма значительный рост спроса на рабочую силу, обгоняющий рост народонаселения.

В 1914 г. монополистический капитализм был потрясен жестоким мировым экономическим кризисом невиданной силы. Безработица в Германии достигла невиданных еще размеров—22% рабочих стали полностью безработными.

Свернулась строительная, металлургическая, машиностроитель-

¹ «Arbeitslosigkeit in Deutschland», статья в работе «International Unemployment», S. 138.

² Вычисление сделано на основании данных Адольфа Шефбуха о движении заработной платы горнорабочих за период 1884—1903 г. См. его работу, стоящую на точке зрения теории «технологической» безработицы: «Der Einfluss der Rationalisierung auf den Arbeitslohn, S. 278. 1931.

ная индустрия, сильно пострадала от кризиса и промышленность II подразделения.

Массовое понижение реальной заработной платы принесло новое дальнейшее обострение процесса обнищания.

Империалистическая война произвела крупнейшие изменения во всей экономической ситуации. Значительная часть рабочего класса была брошена на арену войны. Промышленность начала быстро перестраиваться на обслуживание военного спроса. Развернулась работа в металлургической, машиностроительной, химической промышленности. И в этих отраслях возросла потребность в рабочей силе. Безработица, быстро начала рассасываться, и в скором времени появился острый недостаток в мужской рабочей силе. Мужской труд стал заменяться женским. К 1917 г. число занятых в производстве женщин выросло на 115%, а число занятых на производстве мужчин упало на 60% (к 1914 г.).

И, несмотря на острый недостаток в рабочей силе, на протяжении всего военного периода продолжалось систематическое падение реальной заработной платы, вызванное катастрофическим разрушением хозяйства, обесценением марки и пр.

Понижение реальной заработной платы продолжалось и после окончания военного периода. К 1923 г. реальная заработная плата упала до 40% от предвоенного уровня. Реальная заработная плата в общем и целом подвергалась систематическому понижению и упала к 1923 г. на 50—55% ниже уровня 1900—1901 гг.

Процесс обнищания рабочего класса проявился за эти годы с такой силой, что даже в такой известной коллективной работе буржуазных экономистов, как «Struktur Wandlungen der Deutschen Volkswirtschaft», работе, посвященной, подобно отчету Гувера, воспеванию «прелестей» капиталистического режима, констатируется ухудшение положения рабочего класса.

В одной из статей этого «солидного» буржуазного труда Lederer пишет, что в течение всего военного периода происходило резкое понижение реальной заработной платы, и она еще сильнее сократилась в течение инфляционного периода.

«Немецкое народное хозяйство шло через инфляционный период, который продолжался с незначительным перерывом более пяти лет. В течение всего этого периода реальная заработная плата упала глубоко ниже предвоенного уровня»¹.

По данным Lederera за этот инфляционный период рабочий класс недополучил по заработной плате минимум 28 млрд. марок.

О том же самом пишет в другой статье этого же сборника Kessler:

¹ Lederer, Umsichtuig der Einkommen und des Bedarfs, S. 51, Band I.

«В конечном счете, несмотря на все задерживающие влияния революционной зимы 1918/19 г., реальная заработная плата не только не поднималась, но все дальше понижалась»¹.

И далее:

«1923 г. показывает причудливые прыжки вниз и вверх, о печальным результатом: рабочие в конце года получали часто только половину или третью часть реальной заработной платы, которую они получили в последние годы перед войной»².

Эти же выводы Ледерера подтверждает Вагеман в последней работе Берлинского конъюнктурного института, посвященной анализу движения промышленности капиталистических стран о 1860 г. («Die Industrienwirtschaft Sonderheft» 31 1933 года).

В этой работе Вагеман приводит следующие данные о падении потребления в Германии.

Размеры душевого потребления, (в килограммах):

	1913 г.	1923 г.
Хлопок	7,23	2,99
Кофе.	2,44	0,61
Рис.	2,49	1,71
Фрукты.	4,44	0,70
Чай.	0,06	0,04
Мясо.	43,1	23,2
Пиво (литров)	102,1	46,17
Сахар.19	19,5
Соль.	23,8	19,8

Но ведь нетрудно понять, что за этими «средними» цифрами потребления математически образованного гомункулуса скрывается гораздо более сильное сокращение потребления рабочего класса.

Известным отражением форсированного обнищания рабочего класса явился резкий рост стачечной борьбы.

По данным Kesslera с 1899 до 1913 г. в среднем ежегодно бастовали 235 тыс. рабочих, теряя 8 млн. рабочих дней. В послевоенные годы классовая борьба приобретает еще более упорный характер³.

Г о д ы	Число		Число потерянных (в тыс.)
	рабочих, участвовавших в стачках (в тыс. человек)	дней	
1919.1	900	33
1920.1	400	16 800
1921.1	500	25 900
1922.1	800	27 700
1923.1	600	12 500
1924.1	600	36 200

¹ Kessler, Die Lage der Deutschen Arbeiters, a 1929, S. 449, Band I

² Kessler, Die Lage der Deutschen Arbeiters, a 1929, S. 449. Band I.

³ Ibid, S. 446.

Обо всем этом теоретики «высокой» заработной платы предпочитают ничего не говорить. Они вообще облегчают себе задачу очень простым и весьма наивным приемом, делая вид, что монополистический капитализм начинается только после войны— и то примерно так о 1924—1925 г. Все остальное, до этой хронологической даты, покрывается туманом неизвестности. Предвоенный период исчезает неизвестно куда, военный период— это «исключительный» период, его в расчет не следует брать, послевоенный период до 1923 г.—это тоже период «исключительных» явлений, и тогда остается только найти доказательства роста реальной заработной платы после 1923 г., чтобы отпраздновать мнимую победу теории «высокой» заработной платы над законом обнищания, открытого и обоснованного «устарелым» Марксом.

Но может быть на другой день после конца 1923 г. произошли чудесные изменения в положении рабочего класса, может быть и в самом деле под руководством социал-фашистов рабочий класс начал «врастать» в социализм?

Послевоенный капитализм есть капитализм всеобщего кризиса системы.

На этой основе произошли радикальные изменения в самом характере цикличного движения капитализма, выразившиеся в том, что на протяжении всего цикла появилась порочная печать упадочничества и неспособности к мощному напряжению производительных сил.

Изменения в характере цикличного движения привели к изменениям и в области конъюнктурного движения занятости рабочих в производстве и к изменениям в области конъюнктурных колебаний заработной платы.

Для эпохи промышленного капитализма типичным был значительный рост реальной заработной платы в период подъема. Критикуя теорию кризисов Родбертуса, Маркс писал, что

«...каждый кризис подготавливается как раз периодом, когда совершается общее повышение заработной платы и рабочий класс в действительности получает более крупную долю той части годового продукта, которая предназначена для потребления»¹.

В период общего кризиса капитализма в конъюнктурных колебаниях безработицы, занятости и реальной заработной платы возникают существенно новые, иные процессы. Из-за хронической сжатости рынков изменился самый характер подъема, он стал «анемичным», «вялым», и в силу этого значительная часть налич-

¹ Маркс, т. II, гл. XX, изд. 8-е, 1931 г.

ного производственного аппарата стала оставаться неиспользованной.

Характерно, что понимание коренных изменений, произошедших в положении послевоенного капитализма, начинает теперь все чаще проникать в скудоумные головы буржуазных идеологов. Так например Heinz Dietrich, говоря о причинах упадка германского капитализма, указывает:

«Два громадных хозяйственных организма, Россия и Китай, выпали за последние годы с мирового рынка, с сокращением ими потребления немецкой промышленной продукции. С этими изменениями немецкий экспорт еще долгое время должен будет считаться.

Другая причина сокращения сбыта заключается в том, что целый ряд стран, которые перед войной были покупателями наших товаров, создали в течение войны или в послевоенные годы собственную промышленность»¹.

В связи с этими изменениями в цикле произошло понижение способности промышленности к втягиванию новых кадров рабочих.

Резервная армия безработных превратилась в постоянную, в монополистическому капитализму удается теперь в фазах таких «подъемов» оказывать сильнейшее сопротивление конъюнктурному подъему заработной платы.

Печать чрезвычайной неустойчивости, резких и крайне частых изменений в цикличности лежит на всем послевоенном капитализме, в том числе на германском хозяйстве, и на всем протяжении 1924—1929 гг., обычно именуемого в буржуазной экономике периодом подъема германского капитализма. Последнему, несмотря на действительно интенсивный темп роста производства, удалось всего-навсего только в последние два года перед кризисом добраться до довоенного уровня. Весь этот период представляет собой сплошную полосу резких и частых кризисных срывов «восстановительного» процесса. Подъемный 1925 г., далеко отставший от уровня производства 1913 г., сменяется кризисным 1926 г., резко поразившим все сферы хозяйства и отбросившим германский капитализм обратно, примерно к уровню 1924 г.

Новый подъем 1927—1928 гг., характерный достижением довоенного уровня производства, закончился колоссальным крахом и экономическим разгромом под ударами уже четвертый год продолжающегося мирового экономического кризиса. По своему экономическому уровню Германия теперь отброшена назад к границе конца XIX в.

¹ Heinz Dietrich, *Der Kapitalismus am Scheidewege*, S. 29, Lubeck, 1931 г.

Движение индекса производства в Германии

(по данным Германского конъюнктурного института)

Г о д ы	Г о д ы
1913. 98,3	1928. 100,0
1925. 81,1	1929. 99,5
1926. 77,9	1930. 85,6
1927. 98,4	1931. 70,0
	1932. 55,0

Такие судорожные скачки в развитии производства свидетельствуют о хронической неустойчивости послевоенного капитализма, серьезной разлаженности в работе капиталистического механизма.

Материальная основа этих резких изменений в цикличности—понижение и сжатие строительства основного капитала, изменение характера промышленных инвестиций.

По данным Германского конъюнктурного института движение капиталовложений в германское хозяйство представляется в следующем виде¹:

Годы	Всего (млн. марок)	В том числе промышленность (млн. марок)	В процентах
1924	2 700	319	11,8
1925	4 532	955	21
1926	5 156	459	9
1927	7 163	835	12
1928	7 269	980	13,75
1929	6 142	387	6,5
1930	2 800—3 000	50	—

В значительной степени рост машиностроительной промышленности покоился на росте экспортной машиностроительной торговли.

Потребление машин в Германии составляло (в миллионах марок)

	1913 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
По ценам 1913 г.	2 150	1 284	1 922	2 150	2 045

Правильно пишет по этому поводу Спектатор, что

«...в ценах 1913 г. потребление машин оставалось вплоть до 1928 г. ниже довоенного уровня, достигая того же уровня в одном лишь 1928 г.»².

¹ «Yierteljahreshefte», стр. 22, и «Wochenbericht» от марта 1932.

² М. Спектатор. К экономическому положению в капиталистических странах, «Коммунистический интернационал» № 13 за 1932 г. Непонятно, почему г. Спектатор употребляет совершенно несуразную терми-

Несомненно, экспорт машин имел значительный удельный вес в послевоенном развитии германской машиностроительной промышленности. Ежегодно четвертая часть всей машиностроительной продукции вывозилась за границу. (В 1927 г.—на 800 млн. марок, в 1928 г.—на миллиард марок, в 1929 г.—на 1 100 млн. марок.)

В отдельных отраслях промышленности, как например в химической, электротехнической и других новых отраслях, германский капитализм вместе с тем сделал крупнейшие успехи, увеличив производство продукции далеко за довоенный уровень.

Но в целом производство продукции в германском капитализме шло в рамках восстановительного процесса, в попытках достигнуть и преодолеть довоенные масштабы производства, при одновременном значительном увеличении основного капитала.

Общий сжатый размах производства, несмотря на интенсивный рост продукции в отдельных отраслях (электротехнической, химической, машиностроительной и т. д.), вызвал сильное сокращение темпов прироста числа занятых рабочих.

«Подъем производства в период 1924—1929 г. последовал без увеличения числа занятых в сельском хозяйстве и промышленности. Напротив, число занятых в индустрии в узком смысле слова было меньше. Несмотря на происшедшее в 1928 г. увеличение занятости до 8,35 млн. человек, которое после 1923 г. является рекордным, количество занятых в производстве уступает числу рабочих 1922 г., когда было занято 8,5 млн. человек»¹.

Существенно важным является не столько то, что подъем в 1927 и 1928 г. происходил без увеличения занятости рабочих в производстве, но также и тот факт, что в самый лучший послевоенный год в 1925 г., когда германский капитализм сделал рекордный после войны скачок вверх, оказалось, что общее число занятых рабочих оставалось почти неизменно на уровне 1907 г.

Дальнейший процесс капиталистической рационализации увеличивал безработицу, приводил к абсолютному сокращению рабочих,

нологию, вроде «машинный капитал». Вообще же т. Спектатор, правильно подчеркивая понижение темпа расширения основного капитала, делает неправильный вывод о приостановке расширенного воспроизводства основного капитала для внутреннего рынка.

¹ Вильбрандт и Изенберг, там же, стр. 161.

Вот небольшая иллюстрация того, как происходило изменение количества занятых рабочих в период 1924—1928 г. В 1925 г. в Руре было занято 430 тыс. горняков, а в «подъемный» 1927 г. — 407 тыс., в 1928 г. — 382 тыс. В кризисный 1926 г. в металлургической промышленности Дюссельдорфа было занято 172 тыс. рабочих, а в «подъемные» 1927 г. — 183 тыс. и в 1928 г. — 172 тыс. рабочих.

занятых на производстве, понижению заработной платы и росту интенсивности труда.

По данным Heinza Dietricha в занятости в каменноугольной промышленности за период 1925—1929 гг. произошли следующие изменения:

Г о д ы	Число рабочих, занятых в добыче каменного угля	Число рабочих, занятых в добыче бурого угля
1925.	557 000	82 000
1926.	515 000	76 700
1927.	542 000	72 300
1928.	518 000	72 600
1929.	517 000	73 000

Приведя эти данные, Dietrich пишет, что в «немецкой каменноугольной промышленности за время с 1925 по 1929 г. не меньше чем 7% рабочих, или 40 тыс. человек, были уволены, в то время как за этот же период добыча угля была увеличена на 30 млн. т, или на 22,5%. В добыче бурого угля за тот же период были уволены 10% рабочих, тогда как добыча бурого угля увеличилась на 26%. Остальные данные,—пишет автор,—не нуждаются в дальнейших объяснениях. Без сомнения, из всего этого вытекает: что с успехами техники производственная способность предприятий становится все большей, в то время как все большие массы рабочих год за годом становятся ненужными»¹.

На основе этих данных Dietrich делает стандартные выводы в духе теоретиков «технологической» безработицы.

Явления упадка в послевоенном капитализме произвели существенные изменения на рынке труда. Произошел огромный рост размеров безработицы, превратившейся в значительной своей части в постоянную армию безработных.

*Размеры безработицы в Германии перед кризисом*²

	В п р о ц е н т а х					
	1927 г.		1928 г.		1929 г.	
	полной	частичной	полной	частичной	полной	частичной
Производство средств производства (группа А)	10,5	3,1	9,6	3,6	15,0	5,7
Производство средств потребления (группа Б)	7,4	5,2	8,8	13,2	12,8	15,9

¹ Heinz Dietrich, Der Kapitalismus am Scheidewege, S. 37.

² По данным Конъюнктурного бюро ИМХ и МП.

В течение этих предкризисных лет число безработных постоянно держалось на уровне 1 500 тыс. безработных, в 4 — 5 раз выше предвоенного уровня (1913 г.—281 тыс.).

Сильная пораженность отраслей I подразделения полной безработицей и II подразделения—частичной показывает на весьма слабую использованность наличного производственного аппарата в минувшей фазе предкризисного подъема 1927—1928 гг. Подъем реальной заработной платы, безусловно имевший место в период 1924—1929 гг., протекал в общем и целом на уровне ниже довоенного. Буржуазные экономисты, тенденциозно делающие ударение на послевоенном росте реальной заработной платы, замазывают то основное, решающее, что этот рост за исключением одного 1928 г. остался ниже довоенного уровня.

Только при игнорировании влияния безработицы на понижение реальной заработной платы, налогов и т. п., т. е. при заведомой фальсификации динамики заработной платы может получиться, что реальная заработная плата превысила довоенный уровень. Такой метод является обычным профессиональным способом исчисления заработной платы. В действительности же в отличие от Америки и Англии рабочий класс в Германии не имел и того кратковременного подъема реальной заработной платы за довоенный уровень, который происходил в САСШ и отчасти в Англии.

Г о д ы	Вся промышленность	Металлическая	1927 г. = 100	
			Строительная	Текстильная
1913/14	102,3	106,7	101,0	99,9
1924	75,6	30,3	63,0	74,1
1925	92,6	95,7	95,8	88,9
1926	87,4	83,5	87,4	76,1
1927	100,0	100,0	100,0	100,0
1928	102,4	105,0	104,0	95,8
1929	99,8	100,0	102,0	91,3

Целиком основываясь на официальных данных о тарифной ставке и сверхтарифных надбавках, исходя из официального индекса стоимости жизни и страховых пособий по безработице и затем производя учет влияния безработицы на понижение заработной платы и влияния всякого рода налогов, Кучинские при-

¹ «Finanzpolitische Korrespondenz». Вычислено Кучинским с учетом безработицы и налоговых платежей.

ходят к выводу, что заработная плата в каждом году после инфляционного периода, исключая 1928 г., была ниже, чем в довоенное время¹.

А так как, согласно вычислениям тех же Кучинских, заработная плата германских рабочих в 1913/14 г. была на 15% ниже прожиточного минимума, то это означает, что ни в один из послевоенных годов заработная плата не покрывала прожиточного минимума. Анализ движения заработной платы по различным отраслям германской промышленности точно так же подтверждает, что основная масса рабочих почти во всех без исключения отраслях получала заработную плату ниже прожиточного минимума и что последняя почти во всех отраслях была ниже уровня довоенной заработной платы на протяжении всего послевоенного периода.

Относительно наиболее благоприятное положение с заработной платой было в строительной, полиграфической, деревообделочной и химической промышленности. В остальных отраслях положение было хуже, и особенно тяжелым было положение рабочих, занятых в текстильной промышленности.

Что собой представляла заработная плата в этих наиболее «благоприятных» отраслях? Исчерпывающий ответ на этот вопрос дают статистические материалы, опубликованные Кучинскими в уже цитированной нами работе.

Тарифные ставки строительных рабочих были выше по сравнению со ставками рабочих других отраслей, однако при учете безработицы и налогов недельная получка в 70 марок (1929 г.) понижалась, согласно вычислениям Кучинских, на 30%. «Рабочий с номинальной годовой заработной платой в 3 500 марок получает фактически только 2 500 марок»². Сопоставляя заработную плату о движении индекса прожиточного минимума, Кучинские дают следующую таблицу индекса реальной заработной платы строительных рабочих:

Г о д ы	
1913/14	101,0
1924 .	63,0
1925 .	95,8
1926 .	87,4
1927 .	100,0
1928 .	104,1
1929 .	101,7

Таким образом получается, что у этих рабочих заработная плата в период, следующий за инфляцией, только дважды, в

¹ Кучинские, Положение германских промышленных рабочих, стр.34—35, Партиздат, 1932 г.

² Там же, стр. 69.

1928 и 1929 гг., несколько превышала довоенный уровень. Напротив, в течение всего остального периода реальная зарплата была ниже, а порой и значительно ниже, чем до войны¹.

В полиграфической промышленности недельный заработок был выше среднего заработка индустриального рабочего, выше средней заработной платы рабочих, производящих средства производства, и выше, чем доход деревообделочников².

В отличие от всех других отраслей, в этой отрасли реальная заработная плата, за исключением 1924 г., была выше довоенного уровня, и все же даже и в этой отрасли уровень заработной платы не обеспечивал основной массе рабочих прожиточного минимума.

Согласно данным Кучинских, «доход» рабочих к прожиточному минимуму составлял следующий процент³:

Г о д ы

1913/14.	90
1924.68
192592
1926.91
1927.97
1928.100
1929.99

На основании этого Кучинские делают вполне правильное заключение:

«Даже в этой отрасли промышленности, отличающейся выдающимися благоприятными условиями труда, только один раз доход рабочего был достаточен для покрытия прожиточного минимума, и, если вспомнить, что официальные цифры прожиточного минимума мы считаем преуменьшенными, станет очевидно, что даже печатники не имели ни в одном году после инфляционного периода, как впрочем и в довоенное время, достаточно дохода, чтобы обеспечить себе более скромный образ жизни»⁴.

Что же тогда говорить о других наиболее «отставших» категориях рабочих, реальные заработки которых на 25—30% были ниже прожиточного минимума и которые в течение всего послевоенного времени находились на более низком уровне, чем до войны?

После двух довольно значительных подъемов реальной заработной платы в 1925 г. и после кризисного 1926 г. реальная

¹ Кучинские, Положение германских промышленных рабочих, стр. 71.

² Там же, стр. 151.

³ Там же, стр. 153.

⁴ Там же.

заработная плата обнаружила в подъемной фазе 1927—1928 гг. совершенно ничтожное повышение, исчисляемое в 2%. Эти новые явления в конъюнктурном движении заработной платы целиком отражают всю неустойчивость и ненапряженность роста производительных сил в последней фазе подъема.

Так вновь и вновь подтверждается, что социал-фашисты никогда в действительности не вели серьезной борьбы за высокую заработную плату. Они рабски следовали и следуют за буржуазной политикой и сами ее активно проводят. Они вели и ведут двойную игру, обманывают рабочий класс и держат тесную связь с господствующим классом. Они кричат и уверяют, что борются за высокую заработную плату.

Но ни теоретически, ни практически теория «высокой» заработной платы не имеет под собой действительного реального основания. Во всех капиталистических странах с ходом развития капитализма положение рабочего класса становится все более необеспеченным, рабочий класс нищает и относительно и абсолютно. Социал-фашистская демагогия о высокой заработной плате является простым перепевом буржуазно-апологетической теории заработной платы, под прикрытием и с помощью которой буржуазия доводит эксплуатацию рабочего класса до невиданных прежде размеров.

Часть третья

Обнищание
рабочего класса
в ходе мирового
экономического кризиса

Глава I

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА НА ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В САСШ¹.

Американская депрессия открыла глаза миру на то, что «секрет постоянного «просперити» представляет не большую реальность, чем эликсир жизни, о котором бредил де-Сато» (Джемс).

Так кризис вколачивает в головы вчерашних прославителей американской «исключительности» новые взгляды на вещи, и они предаются размышлениям над теорией «исключительности», подобно размышлениям Гамлета над черепом «бедного Иорика».

Оценивая перспективы 1932 г., «Анналист» в своем обзоре пишет:

«Целых два года мы надеялись, что депрессия истощила свои силы. 1930 г. был плох, 1931 был хуже, а 1932 кажется теперь в целом хуже 1931 г. Но самой тревожной чертой в настоящее время является отсутствие признаков, что 1933 г. будет много лучшим».

Мы полагаем, что на этот раз после бесконечного числа шарлатанских обещаний и несбывшихся обнадеживаний конъюнктурный прогноз поставлен правильно.

Показательно, что даже официальный правительственный орган вынужден был писать, что «в первой половине 1932 г. индуст-

¹ Эта глава написана мною совместно с т. С. Кузнецовым. — Н. З.

стриальное производство сократилось на 24% по сравнению с соответствующим периодом 1931 г. и составляет теперь только $\frac{2}{3}$ объема производства 1923—1925 гг. Сокращение производства до сих пор идет относительно более быстро, чем в каком-либо из двух предшествующих лет»¹.

В конце июля и в августе международная пресса начала раздувать некоторые признаки появившегося биржевого оживления и в движении цен и выдавать это за начало нового подъема. Несмотря на все колоссальные усилия, которые были проявлены финансовым капиталом посредством обильного финансирования банкротящихся предприятий, щедрых заказов и создания спекулятивных настроений, этот очередной бум окончился крахом.

Последний лопнувший «бум» несомненно имел свои особенности, отличавшие его от целого ряда «бумлетов», возникавших в течение последних трех лет. Организованный, финансируемый и раздутый банковским капиталом и правительством «бум» отличался на этот раз значительно большим повышением индекса оптовых цен, увеличением производственной активности в некоторых отраслях промышленности, значительно большим ростом курсов акций и т. п., чем это наблюдалось в прежних «бумлетах».

Последний «бум» сопровождался единодушными криками значительной части европейской и американской прессы, что кризис кончился или что он находится на пороге конца. Словом, это был «бум», инсценированный в международном масштабе, с привлечением соответствующих средств, сил и демагогии.

С помощью вновь созданных правительством пшеничных и хлопковых пулов на рынок было выброшено около 100 млн. долл. для закупки хлопка и пшеницы. По линии экспорта было «выжато» тройное увеличение экспорта хлопка (с 10 млн. долл. в августе до 32 млн. долл. в сентябре), по линии работы железнодорожных компаний были брошены через Рефиго новые целевые субсидии для заказа нового железнодорожного оборудования и вагонов. В связи со всеми этими манипуляциями общий индекс оптовых цен поднялся на 8% (с июля по сентябрь), тогда как обычно в предыдущих «бумлетах» индекс оптовых цен не поднимался выше 4%. Индекс деловой активности («New York Times») увеличился с 54,6 до 58,1 (с августа по сентябрь).

Оценивая общую ситуацию, постоянный обозреватель «Annalist» Эльсфорд писал: «В сентябре например падение было скорее исключением, чем правилом». В текстильной, обувной, угольной, стальной промышленности наблюдалось, хотя и в разной степени, повышение производственной активности. Так продолжалось еще

¹ «Survey of Current Business», August 1932.

до первой половины октября. Но час расплаты за такие эксперименты над стихийным ходом событий был неизбежно близок. Ибо нельзя разрешить противоречия, возникшие в ходе кризиса, увеличением производства продукции при наличии огромных, нерас- сываемых товарных запасов, непрерывного сокращения заработной платы, увеличения безработицы, разорения широких слоев фермерства, искусственной оттяжки крахов гнилых монополистических предприятий и почти полной парализованности внешних рынков. В этих условиях повышение курса акций, рост цен и пр. являются фиктивным признаком экономического оживления, и рост показателей производственной активности — искусственным плодом предвыборных маневров.

Результатом всех этих беспочвенных маневров явился вскоре же крах «бума». Начиная со второй половины октября усиливающимся аллюром началось новое падение всех производственных, ценностных и биржевых показателей. Скрыть эти факты теперь не в состоянии сама буржуазная пресса.

Октябрь и ноябрь показывают непрерывное ухудшение всех показателей конъюнктуры. В течение одного октября было закрыто 9 автозаводов (среди них 2 завода Шевролэ и Плимут). Уровень производства по всем основным, решающим отраслям упал до нового крайне низкого уровня, цены вновь покатались вниз, несмотря на ряд инфляционистских мероприятий, которые были введены в дело с августа. Все надежды и упования на «бум» как на начало подъема лопнули, как мыльный пузырь. Признавая крах несбывшихся надежд, «Annalist» от 24 октября в передовой писал:

«Вопреки многим незначительным признакам делового улучшения в октябре, перспективы на конец года и первую часть 1933 г. представляются в мрачном виде, так как основные болезни нашей системы остались непреодоленными».

Около половины рабочего класса в результате кризиса оказалось лишенным какого-либо заработка и обреченным на голодное вымирание. Оставшиеся на производстве работают неполное время, и заработная плата понижена за пределы голодного пайка. По подсчетам буржуазного экономиста Лейдерсона общая сумма выплаченной зарплаты в 1930 г. сократилась на 10 млрд. долл., а за 1931 г., по подсчетам ряда других буржуазных экономистов, заработная плата сократилась не менее чем на 16—17 млрд. долл. (к общей сумме заработной платы, полученной в 1929 г.).

Дальнейшее сокращение заработной платы и рост безработицы идут так (см. стр. 134).

Таким образом общая сумма заработной платы упала более чем

*Движение занятости и заработной платы*¹
(1923—1925 = 100)

Отрасли	Занятость		Сумма выплаченной заработной платы	
	сентябрь 1931 г.	сентябрь 1932 г.	сентябрь 1931 г.	сентябрь 1932 г.
Общий индекс (проц. падения)	— 25,3	— 38,5	— 38,2	— 56,0
Отрасли группы А				
Угольная				
(битуминозная) (1929 = 100)	— 20	— 37,6	— 46,4	— 70,0
(антрацитная) (1929 = 100)	— 20	— 44,2	— 35,1	— 53,0
Машиностроение	— 33	— 44,1	— 48,8	— 73,0
Цветные металлы	— 38,1	— 53,4	— 49,8	— 89,7
Авто	— 36	— 55,7	— 58,5	— 77,8
Железо и сталь	— 32,6	— 48,7	— 54,8	— 76,6
Химия	— 14	— 26,0	— 19,2	— 40,2
Лесная	— 49	— 62,3	— 59,7	— 79,1
Транспортное оборудование .	— 42,3	— 56,9	—	—
Отрасли группы Б				
Текстиль	— 20,2	— 28,1	— 29,6	— 46,9
Табак	— 20,5	— 30,1	— 37,3	— 49,0
Кожевенная	— 15,8	— 22,0	— 28,0	— 47,7
Бумажная	— 9,2	— 19,1	— 9,6	— 30,0
Телеграф и телефон (1929 = 100)	— 15,0	— 22,6	— 7,1	— 24,1
Пищевкусовая	— 12,5	— 18,2	— 12,6	— 29,2

наполовину. В ряде ведущих отраслей I подразделения кризис сказывается с чудовищной силой. В машиностроительной, строительной, стальной, железной, автомобильной промышленности около 50% рабочих стали полностью безработными при сокращении суммы заработной платы на 75%.

Отчаянное, бедственное положение рабочего класса усугубляется еще тем обстоятельством, что американское рабочее законодательство находится в самом зачаточном виде сравнительно даже с наиболее отсталыми европейскими странами и не обеспечивает никаких видов государственной помощи безработным.

На европейском континенте введение после войны новых видов элементарного рабочего законодательства было отражением острой революционной ситуации и маневров буржуазии, спасавшей свое классовое господство. Этим объясняется введение в некоторых европейских странах ряда новых законов о труде.

¹ «Survey of Current Business» за весь 1931 г. и ноябрь 1932 г.

В период непосредственной революционной ситуации, когда шквал пролетарской революции стал наносить сокрушительные удары по устоям капитализма в Европе, буржуазия и социал-демократия встали на путь временных уступок и реформ, для обмана и успокоения масс и спасения собственного господства.

В эти годы буржуазия в некоторых странах объявляет о введении восьмичасового рабочего дня, социального страхования, легализации фабзавкомов и ряда других мероприятий.

В 1918—1919 г. в Германии, Франции, Чехо-Словакии, Италии, Польше издаются законы о введении 8-часового рабочего дня.

Обеспечение безработных в сколько-нибудь значительных размерах также было введено только в эти годы (Германия 1919 г., Италия 1919 г., Великобритания 1920 г., Австрия 1920 г., Бельгия 1920 г.).

С помощью социал-демократии, частичных уступок и «левых» маневров буржуазия спасла свое господство и нанесла поражение рабочему классу. С началом частичной капиталистической стабилизации капитализма буржуазия начала удлинять продолжительность рабочего дня, суживать круг лиц, получающих пособие по безработице, сводить на-нет те минимальные, элементарные завоевания, которые были сделаны рабочим классом за эти годы. САСШ не переживали непосредственной революционной ситуации: буржуазия была сильнее европейской, а рабочий класс раздробленнее в тот период, революционно менее активным и не имеющим за собой больших революционных традиций и опыта классовой борьбы.

В отношении элементарных прав рабочий класс в САСШ находится на одном из самых последних мест среди капиталистических стран. Вопрос о страховании неоднократно ставился на обсуждение и каждый раз отвергался представителями господствующих классов при активной поддержке лидеров АФТ.

В 1918 г. проф. Росс внес предложение о введении страхования рабочих, и это было отвергнуто. В следующем году такое же предложение внес Меккер, и так продолжалось еще несколько раз с одним и тем же результатом. И вот теперь, в момент неслышанного обнищания рабочего класса и безработицы, когда кризис разрушает иллюзии масс относительно «общности интересов труда и капитала» и движет новые сотни тысяч пролетариев на путь революционной классовой борьбы, лидеры АФТ и буржуазные экономисты прибегают к самой изощренной классовой демагогии, выдвигая «проекты» помощи безработным без страхования рабочих.

Введение страхования безработных, по мнению Грина, не решение вопроса—только паллиатив. Нужна не помощь, а работа. Как этого достигнуть? С помощью национального планирования¹. «Государство должно контролировать промышленность» и провести ряд изменений в системе организации труда. Необходимо «ограничить рабочий день и рабочую неделю таким образом, чтобы было возможно каждому получить работу»².

Подсчитывая, каким образом можно было бы занять безработных, Грин устанавливает при этом следующий «принцип баланса»: с 1919 по 1929 г. производительность рабочего в обрабатывающей промышленности увеличилась на 54%, «что означает, что рабочий может производить теперь в 34 часа работы то, на что раньше требовалось 52 часа»³.

На основе такого рассуждения выдвигается в качестве главного средства борьбы с безработицей Стэггер-система («Stagger System»), сущность которой заключается в распределении имеющейся работы между всеми рабочими. Это неминуемо должно привести к дальнейшему сокращению рабочего времени и следовательно к дальнейшему понижению заработной платы и к возникновению вражды между безработными и работающими.

Такого рода «проекты» борьбы с безработицей фигурируют не только в документах Американской федерации труда, но и в обеих избирательных платформах—демократической и республиканской партий. О страховании для рабочих в каком бы то ни было виде обе партии попрежнему ничего не говорят, придерживаясь своей старой испытанной традиции «индивидуализма», основанной на «праве голодать, стоя на собственных ногах». Какое реальное значение имеют эти избирательные декларации об устранении безработицы посредством сокращения продолжительности рабочего времени?

В лучшем случае это останется одним из многочисленных избирательных трюков партийной плутократии, превратившей политику в доходный промысел. В худшем и наиболее вероятном случае это окажется новым видом обходного наступления на рабочий класс под прикрытием либеральной болтовни.

В самом деле, какие имеются реальные ресурсы, чтобы втянуть в производство 13—15 млн. полностью безработных, когда промышленность замерла? Какие можно развернуть общественные работы и кому они нужны, когда пустуют небоскребы, свертывается

¹ В этом обостренном интересе буржуазных и социал-фашистских лидеров к идеям планирования выражается идейная победа вашего социалистического планового хозяйства над капиталистическим миром, бьющимся в судорогах кризиса и анархии производства.

² «American Federationist» № 2 1931.

³ Там же, стр. 1056.

начатое строительство, стоят на приколах океанские пароходы, катастрофически падает грузооборот и из эксплуатации выходят тысячи миль железнодорожного пути, банкротятся муниципалитеты и банки, забрасываются фермы, сводятся к нулю новые промышленные инвестиции, и вся страна напоминает руины обвалившейся постройки?

На самом деле под видом борьбы за увеличение занятости— посредством сокращения продолжительности рабочей недели происходит дальнейшее сокращение заработной платы занятых рабочих и увеличение размеров скрытой, частичной безработицы.

Буржуазия неспособна разрешить проблему безработицы. Она несет все новые и новые бедствия рабочему классу, делая иступленные попытки чрезвычайными мерами выбраться из кризиса.

Вся суетня АФТ с разными «проектами» сокращения продолжительности рабочей недели имеет задачей под видом борьбы с безработицей оказать поддержку буржуазии в наступлении на заработную плату и в то же самое время удержать за собой массы. Таков подлинный классовый смысл этих маневров.

АФТ делает еще вид, что она на прежних позициях теории «высокой» заработной платы, которая в действительности никогда не была реальным фактором в политике заработной платы АФТ. Безответственное отношение к собственным заявлениям, невероятное расхождение между напыщенными платформами и делами составляют своеобразный бизнесе и профессиональный источник дохода банды партийных чиновников.

От времени до времени АФТ позволяет себе ворошить свои старые воспоминания и пытается апеллировать к теории «высокой» заработной платы. Но какое это имеет отношение к действительной политике АФТ? «Отношение между сокращением заработной платы и покупательной силой на розничном рынке напоминает полет бумеранга». Безработица, говорит Грин, извлекла уже свыше 10 млрд. долл. с розничного рынка¹. Необходимо сделать все усилия к сохранению старого, высокого уровня заработной платы, иначе сокращение ее приведет к сокращению покупательной силы, и депрессия разразится в катастрофу. Гувер, Ламонт и т. п., перечисляет Грин, все стоят на позиции сохранения высокого уровня заработной платы. С 1923 по 1929 г. стоимость продукции обрабатывающей промышленности выросла на 9 млрд. долл., а заработная плата выросла всего на 414 млн. долл. «Откуда взялась,—спрашивает Ричберг,—покупательная сила для поглощения избытка в 8 500 млн. долл.? Из года в год разными способами

¹ К середине 1931 г., по данным Вергилия Жордана, потеря рабочими на сокращении заработной платы составляла 10 млрд. долл.

оттягивали кризис. Но день расплаты был неизбежен, что и произошло в конце 1929 г.¹.

Вслед за тем лидеры АФТ утверждали, что принципы «сохранения» «высокой» заработной платы нашли поддержку со стороны всех руководящих деятелей страны, ученых и деловых людей, которые поняли-де, что «высокая» заработная плата—основа для стабилизации «просперити».

А в действительности американская буржуазия ведет во главе с теми же Гуверами и Гринами яростный поход на заработную плату и на рабочий класс по всем линиям, прибегая на различных этапах развития кризиса то к более замаскированным, то к более обнаженным формулировкам наступательной политики на рабочий класс. С развитием кризиса все сильнее начали меняться тона, все сильнее начали звучать открытые призывы к беспощадному понижению жизненного уровня рабочего класса (что не исключает в будущем в случае нужды появление различных «левых» трюков). И теперь уже по всему фронту наступление на заработную плату ведется под открытым лозунгом, что только через снижение заработной платы лежит путь к процветанию.

Эту «теорию» в начале 1932 г. ясно сформулировал Виггин, директор Чейз-банка.

«Неверно,—писал он,—что высокая зарплата является основой процветания. Напротив, процветание создает высокую зарплату. Когда заработная плата выше, чем это оправдывается конъюнктурой, спрос на рабочую силу и покупательная способность рабочего падают. Во многих отраслях промышленности можно с основанием предложить рабочим согласиться на умеренное снижение ставок в целях снижения издержек производства и тем самым увеличить спрос на рабочую силу и покупательную способность рабочих».

Затем «либеральный» экономист Кинг также выступил в «Геральд Трибюн» (март 1932 г.) с заявлением, что для улучшения положения в стране «вместо уменьшения числа часов рабочей недели необходимо увеличение продолжительности часов рабочей недели без соответствующего увеличения заработной платы.

Как это ни кажется парадоксальным, если этот план будет принят, безработица быстро исчезнет, и депрессия станет вскоре делом истории». Чем сильнее развивается кризис, тем все обнаженнее и все менее замаскированной становится политика бешеного наступления на рабочий класс.

В августе со страниц почти всей буржуазной и реформистской печати был объявлен открытый крестовый поход на заработную плату и так уже ограбленного рабочего класса. На августовском

¹ «American Federationist» за март 1932 г.

совещании о крупных банковскими и промышленными воротилами по вопросу о поддержании «бума» Гувер открыто призывал «деловой мир» производить дальнейшее понижение заработной платы, мотивируя это демагогическими рассуждениями о 5-дневной неделе и необходимости предоставления работы всем безработным.

Призыв президента был подхвачен всей буржуазной и «социалистической» прессой.

«Nation City Bank», орган могущественной финансовой группировки американского капитализма, предлагает сконцентрировать усилия господствующих классов на понижении заработной платы, чтобы тем самым добиться самокупаемости промышленности и на основе этого прорваться к подъему. И буквально то же самое, почти в тех же самых выражениях пишут господа Айресы, Мо-ней, присяжные заклинатели экономической погоды из «Финаншиел Хроникел» и т. д. и т. д.

Таким образом вовсе не эти изменения в формулировках являются решающими для определения политики буржуазии по отношению к рабочему классу.

Характерным является, независимо от степени распространения и популярности в кругах господствующих классов той или иной «теории» заработной платы, то, что американская буржуазия рука об руку с вожаками АФТ единодушно проводит изо дня в день политику наступления на заработную плату в самых разнообразных формах (понижение заработной платы, увольнение рабочих, рост эксплуатации и т. п.).

В статье Роберта Грудена и Роберта Дани «Как кризис задел рабочих в автопромышленности»¹ дается типичная картина положения рабочих автопромышленности. Там мы читаем, что из обследованных 111 рабочих семей средний ежегодный заработок составлял 753 долл. Этот заработок наполовину меньше среднежегодной заработной платы 1929 г. Большинство оставшихся занятыми работают 2—3 дня в неделю, преобладающая масса семейные, семьи состоят из 4—5 человек. Из 100 семей 69 имели только 1 работника. И вот с такой семьей нужно жить на 15 долл. в неделю.

Подавляющая часть обследованных рабочих влачит полуголодное существование. Еще до кризиса из 111 обследованных семей 54 были вынуждены воздерживаться от употребления жиров, 49—от употребления овощей, 37—от употребления молока.

Для иллюстрации типичной картины положения рабочих в ходе кризиса хлопчатобумажной промышленности может служить Бибкомпания. В течение последних 1½ лет на предприятиях этой

¹ «Communist» № 3 за 1932 г.

компании производилось три раза снижение заработной платы. Вот 10 наиболее типичных случаев:

Случай 1, А. В течение года два раза снижалась заработная плата. Средняя еженедельная заработная плата была снижена с 14 до 4 долл.

Случай 2, Б. В течение года заработная плата снижалась 3 раза, с с 16 до 8 долл.

Случай 3, В (прядильщица) при работе на 8 сторонах получала 13 долл. в неделю, теперь при работе на 16 сторонах получает 7 долл.

Случай 4, Г. Заработная плата снижена с 11 до 9 долл. (с 1930 по 1931 г.).

Случай 5, Д. Обслуживал 12 ткацких станков и получал 24 долл.; теперь обслуживает 24 станка и получает 16 долл.

Случай 6, Е. В 1930 г. получала 20 долл., в 1931 г.— 10 долл.

Случай 7, Ж. Лучшая работница, наблюдала в 1930 г. за 60 батареями, в 1931 г.— за 70, раньше получала 9 долл. 60 центов, в 1931 г.— 8 долл. 50 центов.

Случай 8, З. Заработная плата снижена с 12 до 9 долл.

Случай 9, И. Заработная плата снижалась 2 раза.

Случай 10, К. Заработная плата снижена с 15 до 10 долл.

По утверждению Мак-Греди, автора статьи, большая часть сокращений заработной платы колеблется от 30 до 60%¹.

Повсюду понижение заработной платы происходит при самой активной поддержке лидеров профессиональных организаций, 10-процентное сокращение заработной платы, введенное с мая 1932 года в строительной промышленности, прошло с полного и беспрекословного согласия руководителей профсоюзов. 15-процентное снижение зарплаты железнодорожным рабочим также. И так по всем отраслям. Образцом лицемерия и продажности профсоюзных лидеров может служить их последнее «соглашение» о снижении заработной платы железнодорожным рабочим. В Чикаго было подписано «соглашение», по которому 1 500 тыс. железнодорожным рабочим заработная плата единым махом снижалась на 15%. Представители железнодорожных профорганизаций быстро подписали это соглашение, не сделав никаких попыток к сопротивлению, они ограничились только следующим заявлением:

«...Мы не можем считать, что общественное благополучие поднимается посредством понижения покупательной силы рабочих. Но с глубоким чувством ответственности перед рабочими, которых мы представляем и перед нашей страной, мы учли настоятельные нужды железнодорожной промыш-

¹ «American Federationist» за февраль 1932 г.

ленности, а также требования общественного благополучия в настоящий, не имеющий повторений момент, и готовы принести индивидуальные жертвы.

В надежде, что наше решение может оздоровить нашу индустрию, может улучшить товарищеские отношения между хозяевами и служащими, может стимулировать оживление хозяйства и может улучшить общее благополучие, мы решили принять предложение владельцев железных дорог к рабочим, которых мы представляем¹.

За такое «сопротивление» рабочих «вождей» председателю железнодорожной компании Виллиора оставалось только благодарить их. «Мы высоко ценим,—сказал он,—ваше сотрудничество, терпение, тактичность и патриотизм. Мы, люди с этой стороны, понимаем,—перед всеми вами стояла трудная задача. Вы могли отклонить это соглашение и заставить нас вести длинное и утомительное дело, которое должно было оставить горечь, там где теперь царят дружба и гармония. Я хочу подчеркнуть нашу сердечность отношений и выдающуюся руководящую роль, которую вы сыграли, и я знаю, что я выражаю мнение моих коллег. Позвольте вам выразить благодарность».

В результате всеобщего сокращения заработной платы произошло сильное сжатие платежеспособного потребительского спроса и сокращение розничного оборота. Потребление обуви в 1930 г. сократилось на 21%, авто—на 30%, потребление мяса на 354 млн. фунтов.

По данным Annalist'a годовое душевое потребление изменилось за последние годы так (в английских фунтах):

Г о д ы

1926—1928 гг. 1931г.

Мясо.140,3	132,1
Молоко.1008	963,0
Сахар.111	101,7
Фрукты.71,7	74,1
Хлопок.32,1	24,7
Шерсть.5,02	4,63

Розничный оборот, выразившийся в 1929 г. около 50 млрд. долл., уменьшился в 1931 г. только из-за одного сокращения заработной платы не менее, чем на 15 млрд. долл. Помимо прямых видов наступления на заработную плату развернута целая серия косвенных мероприятий, обрекающих рабочий класс на обнищание.

¹ «New York Times», 4/111932. Сейчас подписано новое «соглашение» о дальнейшем сокращении заработной платы на 10%.

Кроме инфляционных мероприятий (закон Глас-Стигаль), направленных как известно на дальнейшее ограбление рабочего класса и мелкой буржуазии, выдвинут проект увеличения косвенных налогов на предметы широкого потребления. Государственный бюджет трещит. В 1931 г. образовался дефицит более в 1 млрд. долл. Перспективы на 1932 г. еще мрачнее, по самым осторожным подсчетам дефицит составляет около 3 млрд. долл.

Существующая налоговая система в САСШ носит ярко выраженный характер защиты интересов капиталистического класса и перенесения всех тяжестей на плечи рабочего класса и мелкого и среднего фермерства. Американский буржуа с доходом в 100 тыс. долл. или выше платит подоходного налога меньше, чем английский рабочий платит с заработной платы в 1 тыс. долл.

Не довольствуясь существующей налоговой системой, господствующие классы теперь настолько обнаглели, что открыто требуют повышения прямого обложения заработной платы, «до тех пор пока мировая экономическая и финансовая ситуация не улучшится («The Chase Economic Bulletin» декабрь 1932 г.).

В конце мая сенат САСШ утвердил новый налоговый законопроект, который предусматривает увеличение налогов на сумму около 1 115 млн. долл.

Введены налоги на чай, электричество, табак, почту, авто, на посещение увеселительных мест и т. п. Буржуазия же ставится в исключительное положение. Чикагский банкир Страун, выступая по поводу введения новых налогов на трудящихся, провозгласил: «Бесполезно стараться поднять доходы, увеличивая налоги на богатых, потому что их нет». Так, лицемерно проливая слезы по поводу «обеднения» богатых, банкиры и буржуазные политики ведут, опираясь на поддержку государственного аппарата, широкое наступление на рабочий класс и трудящиеся массы.

И государственный аппарат работает без отказа. Безжалостно обирая посредством фискально-налоговой системы основную массу налогоплательщиков, буржуазное государство одновременно выполняет роль мощного источника явных и тайных субсидий для банкротящихся крупных капиталистов. Вынужденный под давлением предвыборной обстановки предоставить 300 млн. долл. на организацию помощи безработным, Гувер предоставляет в то же время для помощи крупному капиталу кредитную организацию с 3 500 млн. долл.

В перспективе перед рабочим классом САСШ стоит угроза:

- 1) дальнейшего сокращения заработной платы для работающих;
- 2) дальнейшего роста частичной безработицы (которой в настоящий момент охвачено около 20% членов профсоюзов), еще дальнейшее сокращение рабочей недели;
- 3) дальнейший рост армии безработных.

Многочисленная армия безработных по сути дела обречена на голодное вымирание.

Все проекты благотворительности и снабжения пособиями не выходят за пределы нищенских подаваний.

О тех условиях, в которых находятся безработные, может дать приблизительное представление официальный отчет нью-йоркского бюро по оказанию помощи (The Emergency Work and Relief Bureau):

При обследовании, охватившем 6 304 семей, было выявлено, что 81% нуждается в пище, 25% остро нуждаются в топливе.

Кормильцы семьи, сообщается в отчете, без работы от 4 месяцев до 2 лет. В среднем безработица продолжается в течение 8 месяцев.

88% имеют задолженность в уплате арендной платы. Фактически во всех случаях закладные находятся под угрозой неизбежной потери.

74% находятся в задолженности у друзей или родственников и должны им от 50 до 500 долл. и более.

2 387 семей остро нуждаются в зимней одежде.

Дети остаются дома и не посещают школ из-за отсутствия одежды.

Многие кладут игральные карты в ботинки для укрепления; разорванных подошв.

Более чем в 1 500 домах обстановка заложена или продана для покупки пищи.

Около 50% обследованных пытаются существовать на продовольственные талоны, получаемые нерегулярно от разных комиссий временной помощи безработным.

Около 40% обследованных семейств, сообщают исследователи, «сильно обескуражены и остро раздражены разрушением семьи и невозможностью обеспечить воспитание детей».

По отзыву такого матерого защитника американской буржуазии, как Вильяма Грин, в одном Нью-Йорке «имеется 250 тыс. семейств, нуждающихся в немедленной помощи».

Уже если такие организации, как Исполнительный комитет Американской федерации труда, вынуждены признать, что «число безработных непрерывно возрастает, миллионы детей ежедневно испытывают мучения от голода и тысячами не в состоянии из-за отсутствия пищи, одежды и обуви посещать школы», то можно себе представить, что в действительности творится в этой «обетованной» стране капитала.

Миллионы рабочих с их семьями находятся в Америке во власти отчаянного голода.

Правительство же в своих официальных сообщениях обманывает общественное мнение страны, заявляя, что голода нет.

Но факты налицо, упрямые и неоспоримые. «Нью-Йорк Таймс» приводит такие телеграммы:

«М-р Дюрей (должностное лицо Комитета помощи) извещает, что из 24 160 обследованных семей безработных 17 926 существуют на голодном пайке».

Правительство штата Огайо публикует:

«Хотя не имеется достоверных сведений в данный момент о голоде, но предполагается, что количество безработных, которое не находит никакой работы, достигает 500 тыс. человек».

Лафолеттовская комиссия в своем отчете (стр. 3179) вынуждена привести (следующие факты положения углекопов в штате Огайо:

«Они живут в изолированных поселках таких малочисленных, что не имеют ни общественных фондов, ни благотворительных организаций, и они не имеют средств для организации помощи благотворительности по образцу более крупных центров»¹.

Люди здесь обречены на голодную смерть.

Кливлендская газета приводит данные, что в начале 1932 г. здесь насчитывалось 135—140 тыс. безработных и только 19 050 семейств получали какое-нибудь пособие.

Телеграмма из Иллинойса от 17 марта 1932 г., опубликованная «Нью-Йорк Таймс», сообщает, что губернатор Эммерсон заявил:

«Хотя в Иллинойсе многие и сильно нуждаются, но никто из нынешнего населения фактически не голодает. Необходимые для помощи безработным фонды снабжаются частными лицами и государством. По нашей оценке приблизительно 1 млн. населения Иллинойса не в состоянии найти работы, хотя в состоянии работать».

Вопреки этому чиновничьему заявлению, что никто не голодает, в Чикаго публикуется от 23 января 1932 г. отчаянный «Голодный призыв», в котором сообщается, что 120 тыс. семейств буквально голодают и что для борьбы с этим создан фонд, который может обеспечить помощь в $\frac{1}{2}$ пенса на человека.

Чикагская федерация в своей резолюции вынуждена констатировать:

«Установлено, что 1100 тыс. безработных мужчин и женщин, которые живут на заработок, голодают. Огромное большинство остро голодает, и предполагается, что 100 тыс. детей ежедневно ложится в постель голодными».

¹ Цит. по «Дейли Уоркер» от 23 марта 1932 г.

Безработица остро затрагивает и служащих. Та же резолюция приводит данные о положении чикагского учительства:

«...14 тыс. школьных учителей и 4 тыс. разных служащих Чикагского совета по образованию не получают платы о апреля 1931 г.».

Итак, вопреки лживым заявлениям правительства, что никто не голодает, во всей стране, в каждом штате насчитываются сотни тысяч безработных, которые терпят величайшие мучения от голода вместе со своими семьями и детьми.

Какую помощь оказывают безработным благотворительные общества?

Размеры помощи, выданные крупнейшими благотворительными муниципальными агентствами страны, колеблются от 4 до 5 долл. в неделю на семью в 5 человек. И это лучшее. Во многих случаях помощь выражается в 5 долл. в месяц, тогда как для поддержания минимального стандарта жизни требуется от 10 до 20 долл. в неделю. Но что можно сказать о положении рабочих в мелких промышленных городах? Ведь 68% населения живут в мелких городах и местечках, в которых не существует никакой организованной помощи безработным.

В крупных же городах господствует открытая диктатура - банковского капитала. Муниципалитеты зависят от банков и подчинены их воле. Муниципалитеты осаждают банки с требованием помощи. А банковский капитал, требуя оздоровления городских бюджетов, запрещает оказывать какую бы то ни было помощь безработным¹.

Комиссия помощи безработным при сенате, занимавшаяся под председательством Лафолетта изучением положения безработных, заслушала почти из всех крупнопромышленных штатов свидетельские показания, представлявшие большой интерес для оценки положения безработных.

Все «свидетели»—люди, занимающие высокое положение в буржуазном обществе. Они вполне «благонамеренные», «добропорядочные» буржуа, истые патриоты американского капитализма.

Поэтому их нельзя заподозрить в сгущении красок, преувеличении и т. п. Это не такой «народ». И что же получается? Вот несколько типичных выдержек из этих показаний:

1. Нью-Йорк. Дает показания Ходсон (председатель совета здравоохранения Нью-Йорка). Согласно специальному цензу в Нью-Йорке было занято на работе 2 200 тыс. человек. В нор-

¹ Эта диктатура банков возглавляется «National City Bank». Об этой открытой форме диктатуры банковского капитала над муниципалитетами весьма подробно писал Страто в «Нью-Йорк Ивнинг Пост» от 5 марта 1932 г.

мальное время, говорит Ходсон, безработных было около 5% (160 тыс. человек). Теперь, по самым осторожным подсчетам, безработицей охвачено не менее 600 тыс. человек, или 25% (по ноябрь 1931 г.).

Ежемесячная потеря рабочими заработной платы по безработице, по мнению Ходсона, составляет не менее 80—90 млн. долл., или более 1 млрд. долл. в год. Что получили и получают безработные по частной и общественной благотворительности? В 1930 г.—10 млн. долл., в 1931 г.—15 млн. долл. 80—90 млн. ежемесячным потерям по заработной плате противопоставлена «помощь» рабочим в 1 млн. долл. Из 250 тыс. остро нуждающихся в немедленной помощи некоторую помощь получают только 100 тыс.

Сенатор Гостиган в это время задает вопрос Ходсону: «Является ли постановка работы по оказанию помощи в Нью-Йорке лучше, чем в других городах, или нет?»

Ходсон отвечает: «Да!»

2. Чикаго. Дает показания Гольдшмидт (председатель еврейского благотворительного общества в Чикаго).

В октябре 1931 г. 40% рабочего населения Чикаго—безработные; во всем штате Иллинойс 1 100 тыс. безработных, что составляет $\frac{1}{3}$ рабочего населения штата. Минимум ежемесячные потери рабочих по безработице составляют $2\frac{1}{2}$ млн. долл.; максимальная еженедельная помощь выражается в 100 тыс. долл.

Размеры помощи—в 2 долл. 40 центов в неделю для взрослого и 75 центов для ребенка—уменьшены до 75% этой суммы.

3. Филадельфия. Дает показания Морфи (директор детского бюро в Филадельфии и также Сейберртвской организации). Он указывает, что в самом штате Пенсильвании насчитывается около 1 млн. безработных. Многие из считающихся занятыми на производстве работают 3—4 дня в неделю. Основываясь на изучении, сделанном Гаррисоном-Морфи, он, так же как Ходсон, считает, что безработица с 5% «нормальных» подскочила к началу 1932 г. до 25%.

Другой представитель этого штата, говоря о положении рабочих, рисует такую картину:

«Соседи принимают (выброшенных из домов жильцов), они спят в коридорах, на полу и на стульях. Трудно поверить, насколько увеличился спрос на ящики, на которых можно сидеть и растянуться. По обследованию Швейдница и Билликопфа, в штате сильно поднялся процент заболеваемости туберкулезом. В шахтерских районах при проверке веса детей выяснилось, что вес упал от 20 до 50% ниже нормы. Дети страдают частой дремотой и умственным отставанием».

В таком духе давали показания все свидетели, рисуя одну и ту же картину огромного роста безработицы, снижения заработной платы, нужды, заболеваемости по всем без исключения штатам.

Мучения безработных не ограничиваются одним только голоданием. Неуплата во-время квартирной платы влечет за собой во имя священного права собственности немедленное выселение из занимаемого помещения. Так в Нью-Йорке за 1931 г. было зарегистрировано 198 736 случаев выселения.

В Чикаго ежедневно выселяют 50 семей. И так по всем крупным и мелким городам страны. Рабочая семья, лишенная средств к существованию, лишенная крова, влачит жалкое существование.

Нью-Йоркский благотворительный совет в выпущенном в январе меморандуме дает следующее, типичное, по его же сообщению, описание положения семьи рабочего.

Обследователь нашел дома пять маленьких детей, в то время как мать ушла получать овощи с благотворительного лотка. Вся семья втиснута!!} одну комнату.. Отец спит в городском ночлежном доме, потому что он там может получить пищи гораздо больше, чем дома, и часто оттуда приносит в кармане пищу для детей и жены.

Ночлежка—для небольшого количества «счастливых» и жалкий уголок для детей на первой стадии голодания. Следующая ступень—жизнь во временных бараках, в поле, ночевка под мостом, в туннеле метро и, наконец, наиболее «благоприятный» исход: жизнь по образцу предков каменного века—в пещерах.

Такие пещеры роются безработными за городом, вдоль линий железных дорог, где размещаются примерно по пятнадцати пещер на участке.

Один из обитателей пещеры на поставленный ему корреспондентом «Дейли Уоркер» вопрос, почему он не ночует в ночлежном доме, ответил так:

«Я спал один раз в городском ночлежном доме, это было в первый и последний раз. Я не пойду туда, далее если бы мне пришлось умереть. Я предпочитаю эту могилу вонючему дому. Вы должны прийти туда в 2 часа и стоять до шести, тогда может быть вы сможете попасть в постель, и постель будет полна тараканами крупнее улитки, и тогда вы можете лечь на голый пол в спальне».

«А матрац?»

«Матрац?—повторил он, усмехаясь.—Если вы принесли матрац с собой, то вы его получите».

Еще более тяжелым является положение цветных рабочих в Америке, в первую очередь негров.

Капиталистическая пресса сообщает, что «приблизительно» 100 тыс. рабочих на Миссисипи голодают,—главную массу этих рабочих составляют негры. Голодающие не получают никаких пособий.

Американская буржуазия старательно проводит политику разделения белых и цветных рабочих.

Так например из собранных в Нью-Йорке на помощь Гарлему (негритянский район города) 18 млн. долл. было отпущено только 300 тыс. долл. Квартирная плата для негров установлена в полтора раза выше, чем для белых. За одно и то же помещение белый платит 6,67 долл., негр—9,50 долл.

Из-за голода, отсутствия одежды, жилища наблюдается массовая смертность безработных. Официальная статистика конечно не ведет учета этой смертности, но почти ежедневно в «Деيلي Уоркер» сообщается о массовых заболеваниях и смертях—и главным образом от голода и воспаления легких (из-за отсутствия жилища и одежды).

Вот типичный «случай, почерпнутый из свидетельских показаний в чикагском Комитете безработных о смерти рабочего, безуспешно пытавшегося в течение шести недель получить какое-либо пособие.

«На другой день (после того как ему было отказано в пособии) он свалился мертвым у себя во дворе. Он умер от голода и мучений, доведших его до смерти, потому что ему всюду отказывали».

Массовые самоубийства говорят о том, что многие, не будучи в силах бороться с нуждой, предпочитают смерть мучениям.

Ежедневно капиталистическая пресса во всей стране приносит сведения о самоубийствах. Вот сведения, взятые из сообщений нью-йоркского агента благотворительного общества:

«Количество безработного люда, который долгое время живет только на сухих бобах и воде, заметно растет. 14 ноября один безработный, в отчаянии от безвыходного положения жены и детей, убил себя».

Вот образцы лапидарных газетных публикаций:

«Потеряв надежду найти работу, покончил с жизнью»; «Безработный учитель, отчаявшись в жизни, покончил с собой»; «Безработный в течение 10 месяцев застрелился»; «50-летний безработный Джозер Мико покончил с собой выстрелом в голову»; «Отец убил шестерых своих детей и покончил с собой».

Вот сообщение, опубликованное 6 октября 1932 г. в «New York Times»:

«Безработный шофер Амброссо Ратти 42 лет после двух лет безработицы и безрезультатных поисков работы убил свою жену и сам бросился под поезд».

Вот сообщение из Албании о смерти от голода 9-летнего ребенка Фредрика Виолетта—сына ветерана войны («Daily Worker» от 19 сентября 1932 г.).

Вот сообщение «New York Times Tribuna» (15 января 1933 г.): «Вейнтраб и ее семь детей, из которых старшему 19 лет и младшему пять лет, были найдены почти мертвыми из-за голода прошлой ночью в их трех комнатах на 109 Амбод-стрите в Бруклине».

Вот сообщение «New York Times» от 15 января 1933 г. из Техаса:

«Молодой человек—студент колледжа, который не мог получить работу через колледж и хочет продолжать занятия,—продает себя с аукциона, предлагая пять лет службы после колледжа за 12 тыс. долл., которые он должен заплатить в тexasском университете».

Со всех концов страны идут сообщения о чудовишных размерах голода, о массовых голодных смертях, нищенстве и колоссальных размерах безработицы.

Так кризис отражается на положении рабочего класса в «счастливой», «исключительной стране»—по широковещательным заявлениям буржуазии и ее социал-прихвостней.

Но какое до всего этого «дело» господствующим классам «счастливой республики изобилия»!

Самое лучшее закрыть глаза и с оцепенением прославленной англо-саксонской невозмутимости твердить, что ничего подобного нет. Так они и поступают, игнорируя факты массовых заболеваний среди безработных, истощения, массовых самоубийств из-за нищеты и голода, оставления безработных без крова и цинично заявляя, что «мы разработали методы обеспечения и никто не страдает от голода или холода».

И в это время появилось известное открытое письмо к президенту, продиктованное не без задних расчетов предвыборной конкурентной борьбой.

«...Разве вы не слышали, что власти города Сан-Луи и его благотворительные учреждения только что отказали в помощи 13 тыс. семейств, которых они не в состоянии больше поддерживать? Что город Детройт отказал в дальнейшей помощи 18 тыс. семейств, которым сейчас некуда обратиться и которые не имеют надежды получить откуда бы то ни было хотя бы корку хлеба?»

Читали ли вы, что 800 человек явились на прошлой неделе в законодательное собрание Индианы с требованием пищи, заявив, что если им не окажут помощи, они придут второй раз в количестве 30 тыс. человек? Знаете ли вы, что полиция Сан-Луи уже стреляла в

толпу, требовавшую хлеба? Читали ли вы о городе Клинтоне в Массачузетсе, где 7 июля свыше 300 человек мужчин, женщин и плачущих детей заполнили коридоры городского самоуправления, взывая о пище, лишь для того, чтобы услышать в ответ, что городская касса пуста, что город не может достать в долг ни одного цента ни от одного банка и что он делает отчаянные попытки продолжать оказание помощи хотя бы одному из каждых шести нуждающихся? Это не единичный и не исключительный случай. Число этих случаев может быть умножено в сотни раз. Они происходят во всех углах страны. Удивительно ли, господин президент, что 30 штатов сразу двинулись за помощью?

И как долго, по-вашему, хватит 300 млн. долл. перед лицом этих фактов? Разве вы не читали, господин президент, об ужасных случаях самоубийства родителей, которые больше не в состоянии прокормить своих детей? Разве вы не читали о человеке, который бросился с моста в Нью-Йорке, потому что он не мог вынести мысли о том, что он придет домой к 7 умирающим от голода детям, для которых он не мог получить ни одного цента помощи ни от города, ни у благотворительных организаций? Неужели никто не рассказывал вам об Антоне Прасоле из Нортемптона в Массачузетсе, отца 8 детей, который убил себя, потому что он не имел никакой надежды на получение работы или помощи? Или о детях в Окленде, в Калифорнии, которые пытались прожить, подбирая остатки пищи на улицах, и которые умерли, отравившись отбросами? Опять-таки и это не единичный случай. Каждый день подобные сведения приходят со всех концов страны.

800 американцев, которые пришли в законодательный орган штата Индиана, объявив, что они стоят перед угрозой «массового вымирания или самоубийства», олицетворяют собою то, что угрожает всей стране, господин президент. Вы хвастались отсутствием кровопролитий и волнений во время депрессий. Берегитесь! Внимайте знакам приближающегося отчаяния. Мы знаем, что регулярные войска готовы и что национальная гвардия специально обучена расправам с мятежниками. Но их пушки не являются спасением, господин президент. Они лишь усилят ужас положения».

Но ведь, Гувер, ничуть не хуже и не лучше господина Рузвельта!

Итак, что же представляет собой американская «исключительность» в действительности?

На ослабленном и неравномерном подъеме экономической кри-

вой это был грандиозно проведенный обман, высоко котировавшийся на бирже, давший огромные сверхприбыли магнатам крупного капитала и закончившийся колоссальным разорением мелкой буржуазии и неслыханным обнищанием рабочего класса.

Что произошло с идеологами теорий «исключительности»? Буржуазные и социал-фашистские идеологи представляют жалкое зрелище избитых Мальволио, над которыми история поиздевалась злее всех издевок сэра Тоби и Марии. Современные Мальволио, воображившие себя стражами вечного процветания, оказались всего-навсего надутыми пустословами, жалкими банкротами, как об этом давно предупреждали коммунисты. И теперь буржуазные «пророки» прибегают к последним средствам обмана, сеют мечтания, что со временем все может быть вновь станет лучше, чем было и есть. Но в сознании рабочего класса Америки начинают рассеиваться иллюзии о классовом мире и об «исключительности» Америки.

Масса рабочих начинает искать выход в революционной борьбе и сколачивании своих сил для решающих боев под руководством компартии.

«Коммунист», подводя итоги этой борьбы американского пролетариата за последние несколько месяцев, пишет:

«Выдающимися выступлениями безработных в течение последних нескольких месяцев были:

1) Национальный голодный марш 1 600 делегатов в Вашингтон, которые были выбраны на тысячных митингах безработных и частично работающих, с требованием немедленной помощи и страхования безработных. Штатные и местные голодные марши многих тысяч рабочих, требующих помощи, страхования безработных и работы на основании устанавливаемой союзом оплаты.

2. День страхования безработных, в котором приняли участие сотни тысяч безработных и работающих частично. В дополнение ко всему этому масса боевых выступлений против выселений имела место, как например в Чикаго, Нью-Йорке, Детройте и в других городах. Во многих случаях эти выступления вели к острым столкновениям с полицией.

Особенно важно растущее движение солидарности между цветными и белыми рабочими».

Крупнейшее значение имеет также движение фермеров и ветеранов войны. Поход ветеранов войны на Вашингтон и кровавые события, разыгравшиеся вслед за этим, показывают чрезвычайный накал во всей внутривнутриполитической жизни САСШ, в которых сейчас развертываются крупные классовые бои.

Рост революционной активности пролетарских масс заставляет буржуазию изыскивать новые методы демагогии и обмана.

В последнее время под видом проекта плана помощи безработным Морган выдвинул так называемую «систему помощи по кварталам».

По этому плану Нью-Йорк должен быть разбит на 30 тыс. кварталов с прикреплением к каждому из них около 10 безработных, которые должны обеспечиваться помощью за счет взносов каждым занятым рабочим от 10 до 5 центов в неделю в течение 25 недель. Агитируя за свой проект, Морган говорил по радио:

«Мы достигли точки, когда правительственная или индивидуальная помощь, как бы она ни была щедра, уже недостаточна для преодоления обстоятельств, которые обрушились на нас. Мы все должны выполнить «свой долг».

Выдвигая этот план и создавая «комитет чрезвычайной помощи», Морган думает избежать таким путем каких бы то ни было расходов со стороны капиталистического класса в отношении помощи безработным и взвалить всю тяжесть на плечи самого рабочего класса.

Руководящий центральный комитет составлен из таких матерых волков буржуазии, как: Бекер, Блисс, Девисон, Феодик, Гарриман, Харбард, Рут, Бейлор, Гибсон, Смит и т. д. Этот комитет разработал план организации районных комитетов и их работы.

План предполагает:

1. Каждый квартал должен иметь своего председателя, который должен быть из горожан с «высоким положением».

2. В каждом квартале также должен быть платный секретарь, выбираемый только из служащих и занимающий ответственное положение в профессиональном или экономическом мире. Вокруг этих комитетов и должен быть организован актив, главным образом из служащих.

3. Эта организация не является временным институтом, наоборот, она должна рассматриваться как «полупостоянный актив нашего города, который может быть собран в случае нужды в любое время».

4. В задачу этих организаций входит: организовать сбор денег от рабочих и—в случае отказа—брать «на заметку» «агитаторов» и «бунтовщиков».

Под видом организации помощи безработным буржуазия строит боевую фашистскую организацию, в задачу которой входит вымогательство, шпионаж и борьба с революционными рабочими. Другая сторона этого дела состоит в том, что под видом помощи безработным буржуазия намеревается мобилизовать последние гроши рабочих для поддержки банковского капитала. «Ввиду того что,—как гласит инструкция,—в городе имеется около 20 тыс. семей, остро нуждающихся в немедленной помощи,

нужно, чтобы помощь безработным оказывалась «соседями» не непосредственно, а по «плану». Поэтому каждый рабочий должен посылать еженедельно свой чек в банк на счет комитета чрезвычайной помощи, а последний будет по своему усмотрению планировать помощь¹. Совершенно ясно, что под видом помощи безработным банковский капитал ищет новых дополнительных источников ограбления рабочих². Этот план грабежа и построения новой фашистской организации нашел активную поддержку со стороны «социалистической» партии и ее вождя—попа Нормана Томаса, который заявил, что «организация делает попытку оказать систематическую поддержку рабочему бюро и другим организациям помощи, которые существуют, поскольку им позволяют фонды, и которые могут прекратить свою работу с исчерпанием этих фондов. Есть уверенность, что фонды будут правильно использованы. Я надеюсь, что система квартальной помощи откроет глаза людям на нищету вокруг них, но больше всего на ту громадную ложь, будто бы мы покрываем нашей благотворительностью сколько-нибудь удовлетворительно существующую нужду». Наряду с широковещательными проектами гуверовского правительства о помощи безработным, с его проектом «равномерного» распределения рабочего времени между оставшимися в производстве рабочими, наряду с моргановской «общественностью» выдвинута и действует еще и другая организация классового обмана, возглавляемая попом Джансолем Коксом. Католический поп Кокс из Питтсбурга, опираясь на полупролетарские и мелкобуржуазные элементы, при поддержке магнатов тяжелой промышленности, организовал марш безработных из Питтсбурга в Вашингтон с требованием от правительства работы для безработных. В своем арсенале поп имеет довольно острые демагогические лозунги. В его выступлениях можно встретить резкие нападки на Рокфеллера за то, что он не платит налога правительству, на Меллона, бывшего министра финансов, за то, что он ничего не сделал для солдат, участвовавших в войне за спасение Америки, и т. п.

Требую пособия для безработных, он заявляет:

«Не должно быть богатых и привилегированных классов.

Существуют тысячи, которые нуждаются в деньгах, которые богачи каждый год тратят на Ривьере».

Кокс ведет атаку против Нью-Йорка, «где живут богачи, забирая деньги от бедных». Одновременно с этой демагогией он очень искусно ведет и шовинистическую пропаганду.

¹ Рабочие, отказывающиеся платить, будут уволены с работы.

² Комитет конечно не намерен возложить обязанность помощи безработным на буржуазию, энергично возражая против проектов введения налога на богатых.

Вместе со всеми участниками голодного марша он направляется на пресловутую могилу «неизвестного солдата», он заставляет своих последователей повторять за ним слова клятвы: «Я клянусь в преданности моему флагу и республике. Единая, неделимая нация свободы для всех».

Этот своеобразный американский Гапон наших дней, появившийся на сцене благодаря обострению классово-борьбы, эксплуатирует веру отсталых слоев трудящихся Америки в нацию, государство, инсценируя борьбу с буржуазией.

И его деятельность встречает сочувственный отклик в рабочей массе, не распознавшей еще в Коксе наемного агента буржуазии.

На устроенном им в Питтсбурге собрании присутствовало свыше 25 тыс. человек—рабочих и мелкой буржуазии.

Кокс организует ряд митингов на предприятиях Питтсбургского округа, и он ловит в свои сети сотни и тысячи обманутых рабочих.

Рабочему классу Америки предстоит еще большая работа над собой под руководством компартии по изживанию иллюзий, сеемых и культивируемых правительством, буржуазией, лейбористами, мостистами и всякого рода Коксами.

Несмотря на этот груз, висящий тяжелой гирей на пролетарском движении, полностью подтверждены слова Энгельса о том, что в Америке живет и борется рабочий класс «в европейском смысле этого слова». Утверждения об исключительном характере американского развития, «о невозможности классовой борьбы между рабочими и капиталистами, наподобие той, которая разрывает на части европейское общество», разоблачены как буржуазная легенда.

Социализм оказывается не чужеземным импортом,—корни его находят в стране разрыхленную и вполне подготовленную почву.

Мировой экономический кризис продлевает в развитии революционного сознания в течение месяцев путь, который при обычных условиях потребовал бы десяток лет.

Все объективные предпосылки способствуют успешной работе американской компартии, подлинного и единственного представителя классовых интересов американского рабочего класса.

Глава II

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА НА ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В АНГЛИИ

В Англии неравномерность развития кризиса сказывается в меньшем падении общего индекса производства, чем в САСШ или Германии. Но это не сделало кризис менее глубоким и разрушительным, чем в других странах.

Еще задолго до кризиса английский капитализм находился в состоянии хронической депрессии, прерываемой кратковременными моментами вялого оживления. Английский капитализм не переживал той фазы предкризисного подъема, которая имела место в САСШ или Германии. Поэтому, несмотря на более слабое падение индекса производства, влияние и глубина кризиса сказываются на английском хозяйстве с не меньшей силой, чем в САСШ или Германии. При больном и подорванном хозяйстве удары, получаемые хотя бы и с несколько меньшей силой, чем при более здоровом, приводят к не менее роковым последствиям.

Как и в других капиталистических странах, кризис четвертый год свирепствует со всей силой в Англии, производя колоссальные разрушения и не обнаруживая признаков начала депрессии.

Г о д ы	Движение об- щего индекса производства ¹ (1924 г. = 100)	о д ы	Движение индекса безработных (толь- ко профорганизо- ванных) ² (в тыс. чел.)
1929	107,9	1924	1 137
1930	96,5	1930	1 927
1931	82	1931	2 642
I квартал 1932 г. . .	95,1	I квартал 1931 . . .	2 664
II » » »	94,5	I » 1932	2 707
III » » »	87,3	II » 1932	2 661
IV » » »	87,1	III » »	2 770
		IV » »	2 811

Наиболее поражены кризисом отрасли первого подразделения и внешняя торговля. Несмотря на все усилия, предпринимаемые английской буржуазией к приостановке развития кризиса, нет никаких оснований к утверждению о переходе к депрессивной фазе.

Каждый пятый рабочий, состоящий в рядах профсоюзов, выброшен за ворота предприятия и лишен какой бы то ни было работы. И эти цифры безработных являются сильно преуменьшенными. Больше чем когда-либо численность безработных не соответствует официальной публикации. Из 17 млн. рабочих в Англии застраховано всего только 12,5 млн., около 35% совершенно не попадают в состав страхуемых. Процент же безработных среди этой категории рабочих значительно выше среднего. Кроме того реги-

¹ «London and Cambridge» за июль и декабрь 1932 г.

² «The Ministry of Labour Gazette» за июль и декабрь 1932 г.

страция застрахованных безработных ведется неправильно, что создает преуменьшенную цифру действительно безработных.

Упорно борясь за капиталистический выход из кризиса, буржуазия применяет все методы наступления на рабочий класс, пытаясь за счет его вытолкнуть из экономической трясины.

В течение последнего года было издано два драконовских закона — чрезвычайный акт и закон о проверке нуждаемости («Means Test»), целиком направленные против рабочего класса.

На основе этих законов было снято с регистрации по безработице с октября 1931 г. по март 1932 г. 171 тыс. безработных (мужчин—72 тыс., женщин—99 тыс.). Общее же число снятых под разными предлогами с регистрации застрахованных безработных составляет около 400 тыс. человек.

Достаточно учесть и взвесить эти факты, чтобы обнаружить, почему заявления о переломе в росте безработицы не выдерживают критики.

Каковы действительные размеры безработицы?

Мы полагаем, что к осени 1932 г. в Англии имелось около 4 млн. безработных.

Число застрахованных безработных	Снятых с регистрации	Число незастрахованных безработных	Всего
в тысячах	в тысячах	в тысячах	в тысячах
2 662	300	1000	3 962

Сильнейший рост безработицы, выразившийся в сравнении с предкризисным периодом примерно в 2,5 млн. человек, повлек за собой большое сокращение в выплачиваемой сумме заработной платы. Не менее 30% годовой заработной платы было потеряно в течение 1931—1932 гг. на одной только безработице.

Как известно, по вычислению проф. Флюкса при 5% безработных (600 тыс. человек) рабочий класс ежегодно теряет на заработной плате 130 млн. ф. ст.; при 2,5-миллионном росте безработных за годы кризиса, это составляет 520 млн. ф. ст., а в целом рабочий класс ежегодно теряет по безработице 845 млн. ф. ст. (с учетом размеров постоянной предкризисной безработицы) (см. таблицу на стр. 157).

Общая же сумма бюджетных расходов по пособиям безработным незначительна, она не в состоянии сколько-нибудь заметно компенсировать потери рабочих на заработной плате в связи с безработицей.

В 1930 г. сумма выплаченных пособий по безработице соста-

Потери рабочего класса по безработице

Средне-ежегодная зарплата всего рабочего класса (по данным проф. Боуди и Стемпа). в млн. фунт. стерлингов	Потери на зарплате в связи с безработицей, возникшей в ходе кризиса (в млн. фунт. стерлингов)	Процент уменьшения всей суммы зарплат	Потеря на зарплате всех безработных (с учетом предкризисной безработицы) (в млн. фунт. стерлингов)	Процент уменьшения всей годовой зарплат
1 600	520	— 34	845	— 51,5

вила 71 млн. ф. ст., в 1931 г.—78 ф. ст. и в 1932 г., не превысит суммы 1932 г. Таким образом удельный вес бюджетных расходов на безработных сравнительно с потерями безработных на заработной плате составляет всего 9%.

Если даже всю сумму потерь по безработице уменьшить на 78 млн. ф. ст., выплаченных в 1931 г. в виде пособий по безработице, то и тогда сокращение заработной платы по одной только безработице, возникшей в ходе кризиса, составит почти 450 млн. ф. ст., или 28% годовой суммы всей заработной платы.

1932 г. принес дальнейший рост обнищания рабочего класса. 22% одних только профессионально организованных числятся по официальным данным безработными. Потеря рабочим классом по заработной плате составляет 580 млн. ф. ст. при учете выданных пособий 500 млн. ф. ст. (29%) от всей суммы заработной платы. Но ведь это только по одной безработице.

В свете этих цифр и фактов вскрывается классовая демагогия английской буржуазии, которая заявляет, что рабочие ничего не потеряли в ходе кризиса, но только приобрели паразитическую традицию жить на государственные пособия, отказываясь от работы.

Под прикрытием такой разнузданной классовой демагогии буржуазия день за днем проводит зверское наступление на жизненный уровень рабочего класса, снижает заработную плату, сокращает размеры пособий, снимает сотни тысяч безработных с пособий вовсе, удлиняет рабочий день, ликвидирует элементарное рабочее законодательство.

Об этой стороне дела буржуазная «наука» предпочитает молчать, ибо ее «функция» состоит в идеологическом оправдании роста всех форм и методов эксплуатации рабочего класса.

Реагируя очень чутко на малейшие изменения к лучшему в движении конъюнктуры, английская статистика всячески замазывает изменения в движении заработной платы, выдавая за реаль-

ную заработную плату тарифные ставки из расчета полного рабочего времени.

И вот такие «исчисления» публикуются как самые «достоверные», неопровержимые данные о динамике реальной заработной платы.

При таком неправильном методе исчисления происходит замалчивание того основного факта, что годы кризиса являются периодом рекордного понижения заработной платы за последние девять лет¹.

Г о д ы	Чистое увеличение или уменьшение еженедельной заработной платы (в фунтах стерлингов).
1923	— 317 000
1924	+ 553 900
1925	— 78 100
1926	+ 48 300
1927	— 357 800
1928	— 142 200
1929	— 78 000
1930	— 58 600
1931	— 401 150

Понижением еженедельной заработной платы в 1931 г. было охвачено свыше 3 млн. рабочих. Основной удар был направлен по металлургической промышленности, машиностроительной, текстильной, строительной, транспортной, угольной, швейной².

Одновременно с понижением еженедельной заработной платы в 1931 г. произошло колоссальное увеличение продолжительности рабочего дня.

Г о д ы	Общее увеличение или уменьшение в продолжительности еженедельного рабочего времени
1927	+ 59 000
1928	— 200
1929	+ 8 750
1930	— 873 500
1931	+ 142 000

Вопреки заявлениям многих буржуазных экономистов о «стабилизации» номинальной заработной платы повсеместно происходит массовое понижение заработной платы, охватившее все без исключения отрасли производства³.

¹ «Supplement to the New Leader» за апрель 1932 г.

² См. там же.

³ В 1931 г. общее понижение заработной платы занятых рабочих составило около 25 млн. ф. ст.

По самым приблизительным подсчетам получается, что в 1931 г. произошло следующее сокращение одной только тарифной заработной платы.

Сокращение тарифной заработной платы (в процентах):

Строительная промышленность	5
Металлургическая	10
Йоркширские текстильщики	17—19
Чулочное производство	8
Железнодорожный транспорт	10
Керамическое производство	15
Угольная промышленность (Южный Уэльс)	8
» (Кумберленс)	15
Автопромышленность (Дагенхем)	10
Портовые работы	16

В производстве механического оборудования и судостроении произошли крупные изменения в оплате поштучной работы, влияние которых на сокращение заработной платы, по признанию «Manchester Cardian», невозможно учесть.

На железнодорожном транспорте при помощи одного только снижения тарифной заработной платы предприниматели «сэкономили» в общей сложности 4,5 млн. ф. ст.

Б угольной промышленности наряду с сокращением заработной платы существует удлинённый рабочий день до 7½ часов, который не был отменен ни «рабочим», ни так называемым национальным правительством.

Согласно отчету инспекции департамента торговли (1931 г.), из обследованных 198 швейных предприятий в подавляющей части не выплачивалась даже минимальная норма заработной платы. В большинстве случаев выплачивалось от 25 до 50% ниже установленного тарифа.

Показательно понижение заработной платы на фордовском автозаводе в Дагенхеме.

Еще совсем недавно Форд провозгласил на весь мир, что секрет процветания лежит в «высокой заработной плате». Еще в октябре 1931 г. в интервью с корреспондентом «Daily Herald» он демонстративно подчеркивал, что «сокращение заработной платы не может быть рациональным делом в этой стране. Если вы снизите заработную плату, вы только сократите покупательную силу рабочих, и это будет фатально».

И вот спустя несколько месяцев после столь торжественных деклараций Форд спешит объявить о 10-процентном снижении заработной платы. Такова действительная «теория» и практика фордизма.

Таким образом буквально по всем отраслям происходит систе-

матически массовое понижение заработной платы, в большинстве случаев не находящее отражения в буржуазной статистике.

Помимо прямого понижения тарифных ставок заработная плата чрезвычайно сильно понижается вследствие неполного рабочего времени. Частичная безработица широко распространена во всех отраслях промышленности, но буржуазная статистика также не учитывает влияния этого явления на уменьшение заработной платы.

Обнищание рабочего класса вступило в новую фазу с начала мирового экономического кризиса. Во всех без исключения капиталистических странах идет новая волна генерального наступления на рабочий класс. Нет такого «оазиса» в капиталистическом мире, где бы не происходило гигантского роста полной и частичной безработицы, понижения заработной платы, усиления интенсивности, ликвидации завоеваний рабочих в области социального страхования, тарифов и т. п.

За сухими, спокойными колонками фальсифицированных цифр буржуазной статистики скрывается на самом деле беспримерный в истории капитализма рост обнищания рабочего класса¹.

Используя все формы и методы насилия, буржуазия прибегает к прямой помощи государственного аппарата, издавая один чрезвычайный указ за другим, направленный к дальнейшему ухудшению положения рабочих.

С самого начала кризиса политика «рабочего» правительства была направлена на поиски выхода из кризиса чрезвычайными методами ограбления трудящихся масс.

Правительство—послушное орудие в руках капиталистического класса — действовало последовательно и рьяно на путях форсированного наступления на рабочий класс. В этой своей политике оно зашло так далеко, что беспрекословно приняло ультиматум комиссии Мея провести «оздоровление» бюджета целиком за счет рабочего класса. Но в решительный момент, когда надо было играть в открытую и полностью снять маски, Гендерсон под влиянием растущего недовольства масс политикой рабочей партии предпочел инсценировать оппозицию рабочему правительству. Произошел «раскол», или комедия с переодеванием. Одна часть

¹ Отражением роста обнищания является значительное увеличение роста преступлений против буржуазной собственности. Из доклада Герберта Самуэля, представленного им 15 апреля 1932 г., видна следующая динамика:

Число преступлений против собственности

	Г о д ы	на 1 млн. человек
Лондон	1913	3 000
	1929	4 600
	1930	5 700
	1931	8 000

партии пошла на образование так называемого «национального» правительства, другая стала разыгрывать оппозицию. Впоследствии, как известно, такие же маневры сделали либералы, выйдя из «национального» правительства.

С первых же шагов работы «национального» правительства свыше миллиона безработных были сняты целиком или частично о пособий на основании чрезвычайного акта и закона о проверке нуждемости.

Число безработных, подведенных под «Means Test» 1 884 074	Число полностью снятых с пособий 377 512	Число безработных, которым снижено пособие 665 008
--	--	---

В самых основных центрах промышленности, где безработицей охвачено от 40 до 60% рабочих, б наибольшей свирепостью расправляются с безработными, снимая их массами со всякого вида пособий или оставляя нищенское подаяние.

В Лондоне, Ланкашире, Бирмингеме, Манчестере и т. д.— во всех промышленных городах и районах происходит уничтожение экономических прав рабочих с помощью государственного законодательства.

Вот несколько типичных примеров баснословных придинок «комитетов общественной помощи», на основании которых происходит снятие с пособий или сильное сокращение размеров пособий.

Один из безработных пишет жалобу в Ноттингемский «Комитет общественной помощи» о том, что его лишили пособия по безработице только потому, что он живет вместе с отцом и матерью.

А весь еженедельный бюджет этой семьи:

Работа один раз в неделю	3 шилл. 5 пенсов
Пособие по безработице	19 » 5 »
	<hr/>
	1 ф. 2 шилл. 10 пенсов

Расход:

Квартира	11 шилл. 6 пенсов
Взнос по страхованию	1 »
Молоко	1 » 9 пенсов
Уголь	2 » 6 »
Газ	1 »
Одежда, обувь и т. и	2 »
	<hr/>
	19 шилл. 9 пенсов

Следовательно семье из трех взрослых приходится существовать на 3 шилл. 1 пенс в течение семи дней.

И это типичное массовое явление. Все подпавшие под действие

чрезвычайного акта или закона о «проверке нуждаемости» находятся примерно в таком же безвыходном положении, обрекающем их на медленное голодное вымирание.

Джим Рушток из Барнольдшвика пишет в редакцию «Daily Worker» о работнице, недавно снятой с пособия. У нея ребенок и два брата, проживающих у нее. Один из братьев получает пособие, а другой имеет место сторожа. Оба получают 16 шиллингов.

Расход всей семьи:

Квартира	6 шилл. 5 пенсов
Уголь	4 »
Газ	1 »
Молоко (для ребенка)	2 » 6 пенсов
	13 шилл. 11 пенсов

На остальные 2 шилл. 1 пенс вся семья должна существовать в течение семи дней.

Голод стал настолько массовым обычным явлением, что замолчать или замазать его становится просто невозможным.

Вслед за введением чрезвычайного акта и закона о «проверке нуждаемости» английская буржуазия провела закон о понижении женщинам размеров помощи по охране здоровья. Согласно принятому закону больным замужним женщинам пособия понижены с 12 шилл. до 10 шилл. и неспособным к труду с 7 шилл. 6 пенсов до 5 шилл., незамужним женщинам, неспособным к труду, пособия снижены с 7 шилл. 6 пенсов до 6 шилл.

Это означает 15-процентное уменьшение размеров пособия по болезни и «экономии» примерно в 2 млн. ф. ст.

С ростом интенсивности труда заболеваемость среди женщин работниц особенно заметно усилилась. Ведь эта категория рабочих—одна из наиболее сильно эксплуатируемых. Но еще в 1931 г. департамент здравоохранения за подписью Гренвуда разослал циркуляр, в котором предлагал затруднить получение пособий по болезни. Как видим, г. Гренвуд, министр «рабочего» правительства, стоит г. Хильтона Юнга—министра «национального» правительства.

Рост обнищания и голода порождает рост заболеваемости и смертности. Особенно сильно возросли они среди пролетарских детей.

«Детская смертность (детей в возрасте до года) в 1931 г. поднялась до 66,35 на тысячу против 59,97 предшествующего года»¹.

¹ «Daily Worker» от 12 декабря 1932 г.

Все признаки, как правильно пишет «Daily Worker», показывают сильнейшее ухудшение жизненных условий пролетарской семьи.

Один железнодорожный рабочий, описывая на страницах «Daily Worker» 23 ноября 1932 г. нужду, царящую среди железнодорожников, сообщает, что заработная плата его и его товарищей была сокращена за последний год, в среднем с 3 ф. 10 шилл. до 2 ф. 5 шилл. (т. е. на 35%). Из этой заработной платы од должен 14 шилл. заплатить за квартиру и на остальные 1 ф. 11 шилл. прожить с семьей в пять человек в течение недели.

В другом письме, присланном в редакцию той же газеты, жена строительного рабочего пишет, что ее муж в течение 7 месяцев находился без работы, безрезультатно добиваясь попасть куда-нибудь на работу. Все их пособие составляет 27 шилл., из которых 17 уходят на квартиру. Как жить? Как бороться? Все чаще и чаще английские рабочие ищут ответа на эти вопросы у английской коммунистической партии.

Четыре года назад лондонская школа экономистов под руководством Smitha организовала изучение уровня жизни трудящегося населения восточной части Лондона (2 400 тыс. населения). Было обследовано 12 тыс. рабочих домов. Сейчас эта работа опубликована («New Survey of London Life and Labour»). Каков же итог этой работы? Еще до кризиса 280 тыс. трудящихся в восточной части Лондона жили в нищете, не получая заработка, который обеспечил бы им минимальный уровень жизни. Таков ответ комиссии... и одна из главных причин такого бедственного положения, согласно отчету этой комиссии, заключается в безработице.

Но ведь эти цифры обнищания относятся к одному из самых благоприятных годов английского капитализма после войны. За годы кризиса размеры безработицы в Лондоне утроились и следовательно не 280 тыс., а минимум 800 тыс. трудящихся—находятся теперь в состоянии полной нищеты в одном только Лондоне.

Остервенелый нажим на рабочий класс, проводимый буржуазией, несет с собой не только рост безработицы, понижение заработной платы, рост интенсивности труда и т. п., но и рост несчастных случаев. Особенно сильно возросли несчастные случаи в горняцких районах. За один только 1932 г. произошли многочисленные катастрофы, взрывы, обвалы с большим количеством жертв. В Ланкашире на шахте Грина во время взрыва было убито 25 рабочих, на шахте Бикершоу—19 рабочих, взрывом в шахте Лапипин было убито 23 рабочих, в Дербошире—8 рабочих, в шахте Ботахалоне было убито 27 рабочих, в Астлен—8 рабочих, в Бентлен—45 рабочих, в Кортонадзе—7 рабочих.

В течение двух лет не менее чем 2 тыс. рабочих были убиты в шахтах, 321 тыс. рабочих получили серьезные повреждения.

Кто ответственен за эти катастрофы?

Владельцы шахт, не желающие затратить ни одного гроша, чтобы обеспечить элементарные условия безопасности подземных работ.

Не с сегодняшнего дня ведется борьба английской буржуазии против самых элементарных прав рабочих. Разница лишь в том, что то, что под знаменем «национального» правительства делается в форме грубого открытого насилия, то при «рабочем» правительстве проводилось исподтишка. Сбалансировать бюджет за счет роста болезней, нужды, голода рабочего класса—такова программа действий всех «рабочих» и «национальных» правительств «веселой, старой Англии».

И в то время как рутина буржуазных отношений и пережитков феодализма греет, кормит, холит в роскоши и изобилии господствующие классы, она же обрекает на голодное прозябание и отчаянную безработицу основную производительную силу общества—рабочий класс.

В то время как какой-нибудь лорд-канцлер за сидение на шерстяном мешке получает десятки тысяч фунтов стерлингов за сию бессмысленную профессию, рабочий после многих лет изнурительной физической работы на предприятиях, выбывая из строя, снимается со всяких видов пособий.

Английская леди отдыхает на юге Франции, но английская работница должна меньше есть, если она больна. Когда же работница падает от болезни, биржа труда прекращает выплату пособия до безработице, потому что она не годна для работы.

Это и означает «сбалансировать» бюджет буржуазного государства.

Правда, в припадке «сочувствия» господа лорды объявляют, что они озабочены устройством здорового времяпрепровождения для безработных, рекомендуя последним проводить время в футбольных состязаниях.

«В морозы,—прибавил он,—надо всегда
В постели как можно плотней укрываться.
И тут же совет рассудительный дал
Здоровую пищей питаться».

Говорят, что кризис «уровнял» все классы, стер классовые различия и обрек на одинаковое разорение все слои.

Говорят, что перед лицом этого общественного бедствия надо установить национальное единение всех классов.

Основной подоплекой этой социал-фашистской теории является теория дезаккумуляции капитала и всеобщего разорения капиталистов в ходе развития кризиса. Теория дезаккумуляции капитала ничего общего не имеет с теорией Маркса. Маркс многократно указывал, что в период кризиса с наибольшей интенсивностью происходит процесс концентрации капитала и перераспределения

буржуазной собственности в пользу крупных и крупнейших капиталистов. Это азбучные положения марксизма.

Кризис не означает сплошного разорения капиталистов. Гибнут мелкие и слабые капиталисты. Терпят крах и «лопаются» средние и часть крупных предприятий. Под ударами кризиса сотрясаются даже командные высоты капиталистического мира, теряющие значительную часть своего капитала, и в то же самое время крупнейшие левиафаны финансового капитала скупают за полцены обремененные на гибель предприятия, производят под своим контролем и руководством разнообразное слияния, концентрируя в своих руках огромное материальное богатство общества. Так за счет гибели и крахов более слабых монополизированных и монополистических предприятий, обесценения капитала и т. п. возрастают сила и мощь левиафанов финансового капитала.

В этом и заключается сущность проблемы концентрации в период кризиса.

Никогда и нигде Маркс не говорил, что кризис означает крах всех капиталистических предприятий или что кризис начинается с крупнейших монополий. Неравномерность развития капиталистических кризисов состоит в том, что они начинаются с наиболее слабых звеньев и в беге своего развития приобретают различную степень глубины продолжительности в зависимости от общих условий и силы сопротивления капитала.

Следовательно неверно говорить о дезаккумуляции капитала вообще, упуская из виду процесс усиления концентрации капитала в руках крупных и крупнейших капиталистов.

Одна из своеобразных черт современного кризиса состоит в том, что в отличие от предшествующих кризисов теперь под ударами кризиса начал трещать фундамент ряда первоклассных промышленных и финансовых монополий, несмотря на колоссальную материальную поддержку, которую оказывает им буржуазное государство. Тем не менее для данного периода абсолютно правильным остается вывод Маркса о неодинаковом влиянии кризиса на мелких, средних и крупных капиталистов. Попрежнему верным остается вывод, что наряду с дезаккумуляцией капитала в одних руках происходит интенсивный процесс концентрации собственности в руках крупнейших капиталистов, применяющих самые изощренные методы эксплуатации для получения прибылей, несмотря на сильнейшее понижение цен.

Одним из примеров этого закона может служить Англия.

Согласно сообщению Английского банка, за 1931 г. прибыли 2 009 компаний составляли еще не менее 7,2%.

143 600 тыс. ф. ст. прибылей были выплачены в качестве дивидендов и 16 500 тыс. ф. ст. были резервированы. Это не означает конечно роста прибылей в кризисные годы. Кризис привел к

понижению прибыли. Средняя прибыль каждой компании снизилась согласно отчету банка с 102 тыс. ф. ст. в 1930 г. до 79 тыс. ф. ст. в 1931 г. на 22%). Несомненно, что часть даже потерпела убытки, но в целом ведь только сокращение размеров прибылей, а не всеобщее разорение, как на этом настаивают сейчас социал-фашистские сторонники капитализма.

«Экономист» от 16 января 1932 г. опубликовал данные о движении прибыли за 1930 и 1931 гг. по целому ряду предприятий. Совокупная прибыль составила 26 400 тыс. ф. ст.; правда, в 1931 г. произошло значительное понижение прибылей. Совокупная прибыль понизилась до 12 292 тыс. ф. ст. Ряд предприятий текстильной, судостроительной и каучуковой промышленности закончил этот год с убытком. Однако основным, решающим фактом остается не убыточность отдельных предприятий, а наличие еще крупных размеров совокупной прибыли, получаемой, несмотря на жесточайший экономический кризис. По ряду крупнейших компаний произошло даже повышение размеров прибылей в 1931 г. сравнительно о 1929 г.».

*Движение прибылей в семи угольных компаниях
(в тысячах фунтов стерлингов).*

1929 г.	1930 г.	1931 г.
43 257	75 136	68 560
129 241	142 668	71 257

Далеко не так уж безнадежно обстоит дело с прибыльностью и в автопромышленности и в ряде других отраслей.

Г-н Перри, председатель фордовской компании в Англии, сообщил в «Таймсе»², что их прибыль за 1930 г. была выше, чем когда-либо. За 1931 г. высокая прибыль была получена не только в Англии, но и в других странах. По мартовскому отчету³ видно, что Форд получил за 1931 г.:

в Голландии прибыль выше на 15,57%, дивиденды—на 20%;
в Бельгии прибыль выше на 15%;

¹ «Labour Research» за май 1932 г.

В майском номере «Communist Review» приведена следующая табличка движения прибылей 5 крупных угольных компаний (в тысячах фунтов стерлингов)

	1929 г.	1931 г.
Чистая прибыль	315 334	393 318
52 089	9 723	74 349
266 118	266 194	286 130
31 372	61 982	69 529
68 565	47 670	52 377
141 393	138 777	101 234

² «Times» от 19 марта 1931 г.

³ «Daily Worker» 31 марта 1932 г.

Б Германии прибыль выше на 29,17%, дивиденды—на 10%; в Дании прибыль выше на 24,1%, дивиденды—на 20%; в Швеции прибыль выше на 81,14%, дивиденды—на 10%; в Финляндии прибыль выше на 59,2%, дивиденды—на 10%; в Испании прибыль выше на 24,11%, дивиденды—на 15%; во Франции прибыль выше на 17%, дивиденды—на 12,5%. В данный момент в Англии учтено 540 миллионов, из которых каждый получил в 1931 г. не менее 50 тыс. ф. ст. чистого дохода. 156 человек получили не менее 100 тыс. ф. ст. чистого дохода каждый¹.

Как видим, сплошная постанова вопроса о дезаккумуляции капитала, разорении всех капиталистов и т. п. ничего общего не имеет с действительностью. При таком подходе замазывается основная, определяющая сторона дела—наличие крупных размеров совокупной прибыли, попадающей в руки крупнейшего капитала одновременно с гибелью и разорением мелких и средних капиталистов.

Каким же образом выходит так, что, несмотря на жесточайший экономический кризис, крупнейшие предприниматели получают еще значительные прибыли?

В основном это происходит за счет сильнейшего роста эксплуатации рабочих и всевозможных методов прямого и косвенного ограбления рабочего класса, за счет неравномерного падения цен монополизированных и монополизированных товаров и наконец—по счету, но не по значению—за счет субсидий со стороны буржуазного государства, перекачивающего из государственного бюд-

¹ Недавно в американской печати были опубликованы данные о дивидендах выплаченных акционерными обществами за 10 месяцев 1932 г. Несмотря на сильное сокращение прибылей (на 40%) акционерные компании получили еще весьма солидные прибыли. Следующая таблица дает представление как о динамике прибылей, так и о сумме.

Г о д ы	Прибыль акционерных компаний (в млн. долл.)
1930	3 911
1931	3 625
1932	2 384

Несмотря на исключительно сильный кризис в первом подразделении, медная промышленность, автомобильная, железные дороги, стальная выплатили в 1932 г. дивиденды.

Конечно наряду с этим имеет место выплачивание дивидендов за счет основных резервов, что представляет собой одну из скрытых форм банкротирования, когда на поверхности все остается как будто благополучно, а фактически предприятие работает в убыток. Однако наряду с этим следует особенно подчеркнуть несомненно существующий и еще довольно широко распространенный факт получения прибылей крупнейшими магнатами капитала.

Это имеет наиболее актуальное значение в борьбе со всякого рода «слезливыми» теориями массового разорения капиталистов.

жета в частные капиталистические предприятия миллиарды рублей с целью укрепления и спасения от краха крупнейших промышленных монополий и банков.

Глава III

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА НА ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В ГЕРМАНИИ

Безостановочный бег мирового экономического кризиса все глубже втягивает германское хозяйство в хаос.

Из года в год происходит сокращение производства, падение занятости и ослабление ежегодных сезонных оживлений в производстве.

Это ведет к невиданному обнищанию рабочего класса и свидетельствует о необычности современного кризиса.

Капитализм вступил в четвертый год кризиса, а будущее для его идеологов попрежнему темно и загадочно.

Достаточно взглянуть на динамику падения производства в целом и по отраслям, чтобы убедиться в прогрессирующем катастрофическом упадке германского хозяйства.

Индекс производства в целом и по отраслям в Германии¹ (1928 г. = 100)

Отрасли	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Все производства . . .	94,6	72,5	59,4	54,2 (октябрь) 55,7 (июль)
Чугун	113,5	82,1	51,3	39,0
Сталь	112,4	79,8	57,3	43,2
Химическая промышленность	103,6	96,1	65,3	58,5
Строительство	97,6	65,9	32,3	21,6
Уголь	107,9	—	78,5	67,5
Текстиль	91,1	87,7	86,0	85,7
Обувь	103,8	100,7	93,6	86,1

Понятно, что при таком положении дела в промышленности на рынке труда не могло произойти даже обычного сезонного сокращения безработицы.

¹ По данным «Vierteljahrsheft» и «Wochenbericht» за 1932 г. и «Monthly Bulletin of Statistics» за 1932 г.

В июльском номере «Wochenbericht» мы читаем следующее:

«Сезонное сокращение безработицы в этом году окончилось. После того как во второй половине июня произошло значительное улучшение на рынке труда (число безработных упало на 93 тыс.), начиная с июля и до середины июля безработица опять выросла».

Институт признает, что «хозяйство перешагнуло высший пункт сезонного увеличения занятости». Констатируя эти явления, он приходит к выводу, что особенность этого года состоит в том, что «в этом году улучшение на рынке труда было меньше (и короче), чем когда-либо за последние шесть лет, а безработица выше, чем когда-либо»¹.

Катастрофическое сокращение производственной деятельности приводит к дальнейшему гигантскому усилению обнищания рабочего класса во всех формах.

В течение трех лет кризиса около 40% всех промышленных рабочих стали полностью безработными и около 25% частично безработными.

Почти $\frac{2}{3}$ рабочего класса Германии в той или иной форме находится в рядах безработных.

По вычислению Якоби, в Германии в марте 1932 г. оставались полностью занятыми в производстве всего только 2 453 тыс. рабочих, остальные были или полностью или частично безработными².

Наиболее сильная парализованность отраслей первого подразделения нашла свое отражение в наибольшем размере полной безработицы в этих отраслях сравнительно со вторым подразделением.

Но при меньших размерах полной безработицы второе подразделение имеет значительно большую норму частичной безработицы, что свидетельствует о более скрытом характере кризисного положения второго подразделения, но отнюдь не о слабости кризиса в этих отраслях производства.

По данным «Statistisches Jahrbuch» и «Wirtschaft und Statistik», происходит непрерывное увеличение размеров безработицы, что видно из помещенных ниже цифр (см. таблицу на странице 170).

Характерным во всем этом является не только невиданный для капитализма размер полной и частичной безработицы, но и непрерывное увеличение размеров безработицы из года в год.

Вопреки всем «успокоительным» крикам профессиональных опти-

¹ «Wochenbericht» от 27 июля 1932 г.

² «Bergwerkzeitung» от 2 апреля 1932 г.

Движение безработицы в Германии¹

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г. (ноябрь)
Полная				
Группа А	15,0	27,4	41,7	53,4
Группа Б	12,8	19,7	29,6	34,9
Металлическая промышленность	9,1	19,2	31,8	46,1
Горная промышленность	2,2	6,2	14,0	17,3
Строительная промышленность	29,9	48,2	69,7	82,1
Текстильная промышленность	9,7	15,4	22,7	29,6
Частичная				
Группа А	5,7	13,2	17,8	18,1
Группа Б	15,9	23,1	29,1	29,9
Металлическая промышленность	9,1	20,7	27,9	26,7
Горная промышленность	2,2	22,6	29,5	29,3
Строительная промышленность	—	—	—	0,5
Текстильная промышленность	26,4	35,7	40,0	37,0

мистов об ослаблении кризиса, происходит непрерывное ухудшение положения немецкого капитализма.

Обнищание рабочего класса из-за огромного, скачкообразного роста безработицы приняло совершенно исключительные размеры.

На 1 июля количество безработных по всей Германии составило по официальным оценкам 5 476 тыс., на 1 522 тыс. больше, чем в прошлом году в это же время.

Кроме того даже по официальным данным на 1 июля 1932 г. насчитывался 1 млн. незарегистрированных безработных, абсолютно ничего не получающих. Летом 1932 г. по первому виду пособий—социальное страхование—получали 941 тыс. безработных, второму виду—временное пособие—1 544 тыс., третьему виду—пособия бедным—2 163 тыс. человек, т. е. из 5 476 тыс. официально зарегистрированных безработных получали пособие только 4 678 тыс. человек.

¹ Пересчет по группам А и Б сделан конъюнктурным бюро ИМХиП

Но известно, что официальная статистика не учитывает всех безработных¹.

По одной полной безработице потеря рабочего класса на заработной плате (с учетом сумм выплаченных пособий) составляет за 1931 г. и начало 1932 г. около 10 млрд. марок, или 40% всей ежегодной суммы заработной платы, выплаченной в 1929 г.

Одновременно с огромным массовым обнищанием из-за роста безработицы рабочий класс несет огромнейшие потери по прямому понижению заработной платы, систематически проводимому буржуазией с помощью социал-фашистских теоретиков «высокой» заработной платы.

Провокационные, лживые утверждения буржуазных апологетов и всех их тайных и явных социал-фашистских сторонников о том, что рабочий класс несет ничтожное бремя в ходе кризиса, как мы знаем, основываются на замазывании влияния безработицы и налогов на понижение заработной платы, на преувеличении степени падения индекса стоимости жизни, с одной стороны, и с другой—на преуменьшении данных прямого понижения заработной платы.

Какова в действительности динамика реальной заработной платы занятых рабочих?

(1927 г. = 100)

	1913/14 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г. (март)	1932 г. (ноябрь)
По всей промышленности	162,0	99,9	99,3	80,6	67,9	46,4
Металлическая промышленность	106,7	100,0	87,0	73,0	58,0	55,0
Строительная промышленность	101,0	102,0	82,0	58,0	43,0	30,0
Текстильная промышленность	99,9	91,3	86,3	82,0	73,0	75,0

Еженедельная средняя заработная плата промышленных рабочих понизилась на 58%—с 42,20 до 22,45 марок (июль 1932г.).

По вычислениям Кучинского общие потери промышленных рабочих на заработной плате с июня 1929 по июль 1932 г. составили 18 млрд. марок.

¹ Так например в апреле официально было зарегистрировано 5 732 тыс. безработных, а на биржах труда ищущих работу — 7 млн. человек.

² «Finanzpolitische Korrespondenz» за апрель и декабрь 1932 г.

Но тут обыкновенно буржуазные экономисты и их подголоски прибегают к последнему средству: они пытаются отрицать обнищание рабочего класса, ссылаясь на падение цен. Уцепившись за такой аргумент, они распространяют невероятную по своей классовой лживости демагогию, заявляя, что рабочий класс не нищает во время кризиса, так как якобы стоимость жизни понижается быстрее падения заработной платы.

Особенно изощряются в распространении подобной демагогии социал-фашисты, потерпевшие беспрецедентное фиаско со своей теорией «высокой» заработной платы. Прилагая теперь, громадные усилия, чтобы как-нибудь сохранить видимость незыблемости этой теории, часть из них попрежнему жуют старую жвачку, тогда как другие, более ловкие жулики заговорили о необходимости временного видоизменения теории «высокой» заработной платы применительно к условиям кризиса.

Разбирая работу Leichter «Die Sprengung des Kapitalismus», Браунталь пишет:

«Следует заметить в этой связи,—потому что Лейхтер сам этого не упоминает,—что так называемая высокая заработная плата, которая пропагандировалась в период высокой конъюнктуры рядом американских предпринимателей во главе с Фордом, остается неизменной. Эта пропаганда была исходной точкой зрения каждого предпринимателя, изготовляющего предметы массового потребления, и совершенно понятно, почему здесь непосредственно навязывается взаимозависимость между высокой заработной платой и увеличением сбыта»¹.

И даже теперь, по мнению Браунталя, кризис

«...ни в малейшей степени не повлиял на законы, при которых в капиталистическом хозяйстве образуется заработная плата, так же как и на самую пропаганду политики высокой заработной платы»².

Часть старых сторонников теории «социальной» заработной платы попрежнему открыто апеллируют к авторитету господина Туган-Барановского и утверждает, что высота заработной платы определяется

«...степенью производительности общественного труда и силой, которая принимает участие в распределении общественного продукта между социальными группами»³.

Однако более дальновидные и политически более гибкие «левые» социал-фашисты под влиянием уроков кризиса начинают

¹ Brauntal, Die Sprengung des Kapitalismus, «Der Kampf», S. 366, August — September 1932.

² Там же.

³ «Gewerkschaft Archiv», стр. 239, май 1932 г.

видоизменять свои старые формулировки, оставаясь по существу на тех же старых позициях единства интересов труда и капитала.

Основным, решающим является отношение к закону абсолютного обнищания. Кризис с потрясающей силой обострил обнищание пролетариата, под влиянием кризиса и революционного подъема «левые» делают маневры не только в практической работе, но и в теории, начиная говорить о том, что в кризисной фазе «позднего капитализма» возникает «угроза» перерастания относительного обнищания пролетариата в абсолютное.

В статье Наталии Мошковской, посвященной проблеме обнищания, опубликованной в «Gesellschaft» под видом критики Браунталя дается несколько новая аргументация в защиту социал-фашистского отрицания марксистской теории обнищания рабочего класса.

Прежде всего Наталия Мошковская пытается представить буржуазную теорию заработной платы социал-фашизма как революционную теорию и, спекулируя именем Маркса, пишет:

«Марксистская теория относительного обнищания является также теорией роста классовых противоречий»¹.

Затем она пишет, что несомненно

«...техническое развитие идет гигантскими шагами вперед, но с каждым подъемом общественной производительности труда рабочий класс все больше и больше остается позади своих производительных сил»².

Отрицая закон абсолютного обнищания, она вместе с тем учитывает, что теперь нельзя ограничиваться старыми социал-фашистскими формулировками, что трудно теперь обмануть массы теорией «высокой заработной платы», и поэтому она видоизменяет социал-демократическое извращение закона абсолютного обнищания, считая что в периоды кризисов «позднего» капитализма относительное обнищание «угрожает» превратиться в абсолютное. (И это пишется в период, когда на каждом шагу нагромождены факты неслыханного обнищания рабочего класса.)

В период «позднего» капитализма общество стоит на краю пропасти. Материальные производительные силы общества впадают в такое острое противоречие с производственными отношениями, что «относительное обнищание грозит превратиться в абсолютное и стать угрозой существованию народов»³.

¹ Natalie Moszkowske, Zur Verelendungstheorie, «Die Gesellschaft», сентябрь 1932 г.

² Там же, стр. 24.

³ Там же, стр. 242.

С помощью таких определений «левый» социал-фашизм пытается наилучшим образом приспособить свою теорию к кризисной конъюнктуре. Отрицая фактически марксистскую теорию абсолютного обнищания, он как будто ее приемлет... в перспективе. Здесь расчищены лазейки во все стороны, чтобы с развитием хода кризиса наилучшим образом поворачиваться то в сторону большего признания закона абсолютного обнищания, то в сторону его отрицания. Но «угроза» обнищания еще не означает действительного абсолютного обнищания, все зависит от нашей политики, говорят социал-фашисты и делают вновь вид, что они действительно борются за «высокую» заработную плату новыми методами, приспособленными к кризисной обстановке.

Под прикрытием «ученых» рассуждений о том, что понижение заработной платы ничем не угрожает рабочему классу, если цены падают быстрее, социал-фашисты развязывают руки предпринимателям в деле дальнейшего сокращения реальной заработной платы.

В своем докладе Фриц Нафтали эту предательскую деятельность оправдывал такими соображениями:

«Борьба,—говорил он,—идет лишь за темпы понижения заработной платы и цен»¹.

Настоящий кризис вскрыл со всей ясностью буржуазно-наступательный характер подобных «теорий» подчинения движения заработной платы движению цен,

Рабочий класс во всяком кризисе подвергается массовому капиталистическому грабежу, и он в еще более тяжелых формах и неизмеримо больших масштабах подвергается этому ограблению в ходе современного кризиса.

В самом деле, достаточно только сопоставить движение даже официально публикуемого индекса стоимости жизни с динамикой падения заработной платы, чтобы обнаружить совершенно неоспоримый процесс всеобщего обнищания рабочего класса.

В то время как стоимость жизни в течение 3 лет кризиса упала всего на 18—19%², заработная плата понизилась не менее чем на 48%, что означает, что реальная заработная плата занятых рабочих сократилась не менее чем на 30%.

¹ Fritz Naftali, Die Wirtschaftskrise und die Arbeitslosigkeit, S. 27.

Ледерер обосновывает необходимость понижения заработной платы для уменьшения издержек производства, что является, по его мнению, единственным путем выхода из кризиса. См. «Wege aus der Krise», 1931.

² По данным Рафке индекс стоимости жизни изменялся так:

1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1932 г.
127,6	139,8	141,2	147,6	151,7	153,8	124,0

(См. «Bergwerkzeitung» от 20 апреля 1932 г.)

Но и данные Рафке преувеличивают понижение стоимости жизни.

При анализе движения розничных цен на предметы питания обнаруживается чрезвычайно медленное понижение цен при сохранении ими высокого уровня.

*Движение розничных цен в Берлине (в марках за килограмм)*¹

	Июль 1930 г.	Июль 1931 г.	Июль 1932
Хлеб ржаной	0,39	0,38	0,38
Хлеб белый	0,58	0,59	0,54
Картофель	0,10	0,14	0,80
Рис	0,70	0,59	0,50
Мясо	2,28	1,89	1,37
Масло	3,26	3,12	2,69
Яйца (штука)	0,11	0,10	0,80

Таким образом мы видим, что на хлеб цены остались в общем почти неизменными; на картофель цены в течение 1931 г. даже выросли, понизились только в 1932 г.; на остальные предметы питания розничные цены в течение 1931 г. оставались почти на уровне 1930 г. и обнаружили очень слабое понижение в течение 1932 г. При среднем заработке в 87 марок, после уплаты за жилище и всяких налогов, у рабочего на руках остаются средства только на голодное прозябание. И действительно, в десятках городов квалифицированные старые рабочие вместе с семьями вынуждены тайком доставать себе уголь и таскать картофель с полей. «Картофельная шелуха — сейчас основной продукт питания многих рабочих семей в Германии», вынуждена констатировать буржуазная печать.

Румфордов суп,—циничный рецепт питания рабочего класса—костями, кровью и прочими отбросами животных продуктов, предложенный в XIX в.,—стал недостижимым стандартом жизни для рабочего класса в XX в. Недавно в «Правде» сообщалось, что журнал «Die Medizinische Welt» произвел анкетным путем опрос руководителей крупных больниц и госпиталей—голодает ли немецкий народ?

Директор городской больницы в Эссене проф. Пфейфер в своем ответе на анкету пишет, что

«...доставленные в больницы женщины и дети страдают главным образом от недоедания. Среди детей увеличились случаи заболевания рахитом, который легко преодолеть улучшением питания (сама болезнь объясняется отсутствием витаминов в пище)».

¹ «Wirtschaft und Statistik» за июль 1930, 1931 и 1932 гг.

Д-р Гейман из Берлинской клиники

«...путем обследования книг расходов по хозяйству многих трудящихся семей установил, что калорийный состав пищи на человека равняется 1 400 калориям вместо необходимых 2 600».

Врачи детских домов отдыха—«Зильмейстергейм» в Люнсберге, в «Вальдге» в Эледе—пишут:

«Дети, доставленные сюда, вообще отвыкли от горячей пищи. И когда под наблюдением врача их кормят горячей пищей, то они не в состоянии ее переварить. Часто нужно несколько недель, чтобы приучить этих маленьких пациентов к нормальным горячим обедам».

Из лечебного учреждения Фридрихсгее в Пирмонте пишут:

«Многие женщины и девушки, доставляемые сюда, страдают острым малокровием (болезнь, которая почти исчезла за последние годы). И эти тоже отвыкли от горячей пищи».

Из туберкулезных пунктов сообщают, что «женщины и мужчины доставляются в страшно истощенном состоянии».

Все вместе отмечают следующее характерное явление:

«Более сильное истощение установлено у женщин, потому что последние лишают себя последнего куса в пользу мужа и детей».

Потрясающий рост нищеты и голода среди трудящихся масс вызвал резкое уменьшение рождаемости. На каждую тысячу жителей в 1930 г. приходилось 19,2 рождений, в 1931 г.—18 и в 1932 г.—16,6.

Эти цифры—документ кризиса и вымирания трудящихся масс под гнетом буржуазной диктатуры. Но на ложном пути ищут выхода господа профессора, подобно Шпрангу, призывал к покорности «судьбе»:

«Экономический кризис угрожает государству и народу в самых основах. Желание иметь детей постепенно умирает, и без него не остается ничего для того, чтобы стоило жить».

Не покорность судьбе, а борьба за пролетарскую революцию—вот путь рабочего класса, господа Шпранги!

Капитализм породил массовую беспризорность. На улицах Берлина сотни беспризорных, разутых, одетых в тряпье детей, всякими путями добывающих себе кусок хлеба.

Кто они, что они рассказывают о себе?

Герг К.—11 лет:

«Мои родители безработные. Деньги, которые я зарабатываю, остаются у меня. На это я питаюсь. Собственно живу я не здесь, но мать оказала, что люди не должны знать, что я стою на улице».

Эгон Ш.—7 лет:

«Родители повсюду без работы. И если еще кто-нибудь работает, все равно нужда так сильна. Я не имею даже теплой одежды, и моя мать сказала, что она мне купит чулки и теплое белье, если я на это заработаю».

Ганс Ф.—7 лет:

«Иногда я зарабатываю 30 пфеннигов в день. Тогда я отдаю их моей матери».

Хейнц Д.—13 лет:

«Очень тяжело что-нибудь продать, повсюду стоят дети».

Ханс М.—13 лет:

«Мы имели дело. Но мой отец обанкротился еще в прошлом году. Моя мать знает также, что я здесь торгую. И если я заработаю 4,5 марки, мне мать купит башмаки».

Одна и та же история рассказывается всеми ребятами, опрошенными корреспондентом буржуазной газеты «Berliner Tageblatt» (23 декабря 1932 г.).

Следствием неслыханно глубокого всеобщего обнищания рабочего класса являются падение потребления предметов личного потребления и резкое снижение культурных расходов.

По данным Германского конъюнктурного института, потребление съестных припасов уменьшилось с 1929 по 1931 г. на 6 млрд. марок (с 30 до 24); потребление одежды и обуви—на 3 млрд. марок (с 12 до 9); потребление домашней утвари—на 1 млрд. (с 5 до 4); предметов культуры—на 2 млрд. (с 5 до 3); в целом сокращение на 12 млрд. марок.

По сообщению «Deutsche Tageszeitung» (2 августа 1932 г.), потребление сахара за последние два года сократилось на 25%. Потребление мяса в III квартале 1932 г. сократилось на 10% против III квартала 1931 г. Потребление свинины за последний год упало на 15%,— сообщает «Deutsche Allgemeine Zeitung» (от 23 ноября 1932 г.).

Потребление молока сократилось за последние 2 года на 18%, причем в 1932 г. это сокращение против 1931 г. шло ускоренным темпом¹.

Потребление хлеба, по сообщению «Wirtschaftsdienst», сократилось за последние годы на 18%; потребление пива, по данным Берлинского конъюнктурного института, уменьшилось на 45% (с 1919 по 1932 г.).

Наконец, по сообщению «Deutsche Tageszeitung» от 13 ноября 1932 г., за последние годы резко сократилось потребление фруктов:

¹ «Vorwärts» от 23 ноября 1932 г.

Душевое потребление

1930 г.	9,9 кг
1931 г.	8,5 »
1932 г.	7,0 »

Отсутствие в официальной статистике каких-либо намеков на классово-дифференцированный анализ движения потребления не дает нам возможности представить более точно картину понижения потребления рабочего класса, но несомненно, что подавляющие размеры уменьшения потребления падают на «долю» рабочего класса.

На почве голода и безработицы увеличились самоубийства. Ежедневно газеты самых различных направлений в сухом, информационном стиле публикуют коротенькие сообщения о самоубийствах на почве голода.

Бот например сообщение о том, что рабочий после длительной безработицы, потеряв всякую надежду на получение работы, отравился газом вместе со своей семьей («Berliner Tageblatt» от 28 августа 1932 г.). Та же газета сообщает о том, что в Гамбурге на почве голода повесились три брата, длительное время находившиеся без работы.

«Deutsche Allgemeine Zeitung» от 8 ноября 1932 г. сообщает о том, что безработный электротехник, не выдержав голода, покончил с собой: соединил в своей комнате электрические провода и пропустил через себя ток в 220 вольт. Такие сообщения печатаются ежедневно, являясь одним из свидетельств несостоятельности буржуазного строя. Из года в год растет и увеличивается список людей, покончивших с собой под влиянием голода и безработицы.

Так по одной только официальной статистике считается, что на каждые сто тысяч жителей было самоубийств:

Годы	
1928	28,2
1929	29,3
1930	32,4
1931	33,2
Половина 1932	35,3

В течение 26 месяцев господства правительства Брюнинга, активно поддерживавшегося на всем протяжении социал-фашистами, велось лавинообразное наступление на рабочий класс. От одного чрезвычайного декрета к другому происходило в «законодательном» порядке сокращение заработной платы, понижение тарифных ставок, сверхтарифных надбавок, уничтожение по частям тех жалких копеечных завоеваний, которые выдавались социал-фашистами за перерастание капитализма в социализм.

В результате господства правительства Брюнинга безработица увеличилась в 2 раза, количество безработных, получающих пособие, сильно уменьшилось, сократились размеры пособий, резко упала заработная плата занятых рабочих. Но и этого для буржуазии оказалось недостаточным.

Считая основной причиной современного кризиса все еще «высокую» заработную плату и большие, лежащие «невыносимым бременем» социальные расходы, буржуазия выступает с оголтелыми требованиями проведения нового беспощадного грабежа рабочего класса.

Макс Шленкер, Грегор Штрассер и прочие «теоретики» фашизма выступают рука об руку с Ричардом Гутерманом из «Frankfurterzeitung» и Рафками из «Bergwerkzeitung» о истерическими воплями о высоких ценах на германские товары из-за высокой заработной платы, с смехотворными обвинениями, что причина кризиса заключается в политике «высокой» заработной платы, которую якобы проводили профсоюзы. Они открыто требуют отмены тарифов и перехода к системе «эластической» заработной платы.

Задача наступления на рабочий класс начинает теперь повсюду провозглашаться в более открытом виде. Вместо теории «высокой» заработной платы начала широко выдвигаться более соответствующая духу времени «теория» капиталообразования, подробно сформулированная Альбертом Ганом в работе «Неизбежна ли безработица?»¹.

Отбросив фиковые листки буржуазного лицемерия, Ган выставил следующие положения:

1. Невиданный в истории капитализма рост безработицы, по мнению Гана, не является результатом структурных изменений, а результатом неудовлетворительных условий работы, малой рентабельности предприятий из-за высоких издержек производства, вызванных высокой заработной платой и налогами².

¹ «Ist Arbeitslosigkeit Unvermeidlich?», 1930 г.

² Заезженный аргумент буржуазных экономистов о чрезвычайно высоком удельном весе заработной платы в издержках производства, что якобы ведет к высоким ценам, основан или на незнании фактов, или же на желании прикрыть политику ограбления рабочего класса какими-нибудь убедительно звучащими доводами.

На самом деле удельный вес заработной платы в издержках производства по всем наиболее развитым капиталистическим странам колеблется в среднем от 20 до 15%, варьируя от страны к стране и от одной отрасли производства к другой.

Удельный вес заработной платы (в процентах)

Отрасли	САСШ	Англия	Германия
Текстильная . . .	23,6	20	15,7
Железо, сталь . . .	7,1	13	18,7
Машиностроение . .	27,2	36	24

(См. «Europe — United States» № 3, p. 62).

2. Поэтому новое увеличение занятых рабочих возможно только в результате уменьшения доли рабочих в общественном порядке.

3. Должна быть оказана полная поддержка со стороны государства в проведении грабительского снижения заработной платы и уничтожении тарифов.

4. Отныне не должно быть никаких иллюзий о высокой заработной плате. Требуя беспрекословного подчинения диктатуре капитала, Ган угрожает: нельзя уничтожать предельную прибыль, ибо тогда капитал превращается в денежную форму и уходит за границу, а внутри страны создается массовая безработица.

Правительство Брюнинга, опиравшееся на социал-фашистов, не смогло провести такого открыто brutального ограбления рабочего класса.

На смену Брюнингу пришел фон-Папен, а за ним Гитлер, дорогу которому расчистили социал-фашисты всей своей политикой. С первых же шагов фашистское правительство вступило на путь открытого, незамаскированного уничтожения социального страхования, разгрома тарифных договоров, введения принудительного труда, дальнейшей эксплуатации трудящихся на путях фашизма. В один прием своим первым чрезвычайным декретом правительство фон-Папена сократило государственные пособия по безработице в среднем на 25%.

Согласно первому декрету этого правительства безработные получают следующие пособия:

Разряд	Пособие холостого рабочего в неделю (в марках)	Пособия с иждивенцами (в марках)
1	4,50	5,70
2	4,50	6,90
3	5,10	8,10
4—6	6,00	10,50
7—9	7,20	12,60
10—11	8,40	13,80

Поэтому все аргументы, что за счет снижения заработной платы можно разрешить проблему снижения цен и тем самым увеличения емкости рынков сбыта, не выдерживают критики. Они порочны в своем основании.

Понижение заработной платы на 10—15% оказывает влияние на уменьшение издержек производства всего на 2—3%. Так например в германской строительной промышленности 10-процентное снижение заработной платы означает всего 2-процентное уменьшение издержек производства.

Поднимая крики о высоком удельном весе заработной платы в издержках производства, буржуазные экономисты в то же время обходят молчанием такие вопросы, как удельный вес таможенных тарифов или уровень монопольных цен и прибылей или давление избыточного производственного аппарата на уровень цен и т. д. Между тем одни таможенные тарифы поднимают цены в среднем на 20—25%, суживая рынок сбыта. Этого источника вздутого уровня послевоенных цен буржуазный экономист предусмотрительно не замечает, а если и замечает, то ограничивается одними голыми благопожеланиями, чтобы таможенная война отошла в область истории.

В среднем основная масса безработных получает теперь 25—27 марок (холостые) и 40—45 марок (семейные). По сравнению с предкризисным размером пособий, когда оно составляло около 70 марок в месяц, сокращение составляет более 40%:

Основная линия германской буржуазии в политике страхования от безработицы состоит в непрерывном уменьшении страховых пособий, сокращении числа страхуемых за счет государственного бюджета, с переводом основной массы безработных на кризисное и муниципальное пособия. А пособия, получаемые безработными от муниципалитетов, являются случайными и неопределенными по своим размерам и большей частью носящими характер нищенских подаваний.

В общей сумме очередной грабёж рабочего класса составляет 520 млн. марок. Если же учесть всю совокупность мероприятий этого правительства по обдиранию рабочего класса, то это составляет не менее 1 500 млн. марок.

Как раз сумма, равная сумме субсидий, предоставленных папеновским и гитлеровским правительством крупным капиталистам.

В общей сложности по двум видам пособий—по государственному и кризисному—германский безработный может продержаться около года. Затем он фактически оставляется на произвол судьбы, ибо нельзя сколько-нибудь серьезно принимать в расчет нищенские подаяния муниципалитетов, которые сами дышат на ладан.

В лучшем случае безработный получает пособие в течение одного года, но кризис завершил свой трехлетний бег и начал свой четвертый круг.

Более двух миллионов безработных совершенно не работают свыше двух лет. Около 50% безработных не имеют никакой работы в течение года. В Гамбурге 22% безработных не работают свыше двух лет, в Галле—29%, в Мюнхене—49% и т. д.

И кроме того, что может сделать безработный на выплачиваемое ему пособие при существующих грабительских ценах на внутреннем рынке, защищенном тарифами, протекционизмом, монополиями?

Семейный рабочий, получающий пособие около 40 марок в месяц, должен около 20 марок заплатить за одно только жилище. Это ведь «обычная» цена жилья. Об этом ужасном биче рабочего класса буржуазная и социал-фашистская пресса предусмотрительно молчит при определении индексов стоимости жизни.

И вот на остальные 20 марок семейный рабочий должен одеть, обусть и прокормить семью в 3—4 человека при цене килограмма хлеба в 54 пфеннига и мяса—в 1 марку 19 пфеннигов.

Вслед за первым чрезвычайным декретом фон-Папена (а по

счету пятым—со времени правительства Брюнинга) последовал шестой чрезвычайный декрет, возвестивший новую фазу в политике беспощадного наступления на трудящиеся массы.

Центральными пунктами этого декрета являются:

- 1) фактическое уничтожение системы тарифных договоров;
- 2) проведение нового массового снижения заработной платы;
- 3) организация по американскому образцу колоссального субсидирования крупной промышленности и помещиков на сумму в $2\frac{1}{2}$ млрд. марок.

Согласно этому декрету «предпринимателям» разрешается платить рабочим ниже тарифных ставок:

1) если число занятых на предприятиях рабочих выше среднего числа работавших на этом предприятии в июне—июле—августе 1932 г., таким образом, чем больше число рабочих, тем меньшую зарплату в праве платить предприниматель;

2) арбитражные комиссии в праве понижать заработную плату до 20%, объявляя предприятие испытывающим экономическую нужду. Путем найма новых рабочих предпринимателю также дается право снизить заработную плату на 12,5%.

Таким образом снижение заработной платы может идти по двум путям.

Этого не скрывает буржуазная пресса, шумно приветствуя «оздоровительные» мероприятия фашистского правительства.

Говоря о дальнейших планах правительства, Эгон Бондман открыто пишет, что правительство хочет и должно «покончить с профсоюзным консерватизмом и окостенелым догматизмом тарифных договоров»¹.

Но тут же Бондман подчеркивает, что уничтожение тарифных договоров и арбитража правительство намерено осуществить не сразу, а в несколько приемов, разрыхляя постепенно «замороженную» систему тарифных договоров.

Все это конечно приправляется демагогией о необходимости принесения жертв со стороны рабочего класса в пользу своих безработных товарищей и обещаниями оздоровления промышленности.

Наряду с предоставлением 1.500 млн. марок крупному капиталу и уничтожением тарифов фашистское правительство постановило предоставить еще 700 млн. марок в распоряжение таких предприятий, которые докажут, что они предоставили работу большему, чем раньше, количеству рабочих. За каждого рабочего, которому будет предоставлено место, будет уплачиваться 400 марок.

Под видом увеличения числа занятых рабочих будет проведено перераспределение одной и той же работы среди боль-

¹ «Wirtschaftsdienst» от 2 августа 1932 г.

шего количества рабочих, произойдут дальнейшее сокращение рабочей недели и дальнейшее снижение заработной платы. Шестой декрет открывает широкий простор для перекачки капиталов из государственного бюджета в карман крупных капиталистов и помещиков и одновременно расчищает почву для безудержного грабежа масс. Но он не разрешает вопросов выхода из кризиса.

Германский пролетариат стоит перед новой угрозой, грозящей dokonать его костлявой рукой голода.

Выход из этого замкнутого круга чудовищного обнищания и низведения уровня жизни рабочего класса до уровня китайских кули находится только на путях разгрома господства буржуазии, фашистского правительства Папена, Гитлера и установления диктатуры пролетариата.

Или влачить рабское существование, или отважно и организовано, пройдя поток суровых испытаний—классовых битв и неизбежных жертв,—разбить вдребезги капиталистическую систему, уничтожив эксплуатацию, гнет и голод.

Такова дилемма.

Глава IV

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА НА РОСТ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ ПРОЛЕТАРИАТА

Всеобщий закон капиталистического накопления имманентно ведет к чудовищному возрастанию диктатуры капитала над трудом, к росту обнищания и безработицы рабочего класса. Но из этого не следует, что рабочий класс занимает пассивное положение, что он безропотно склоняет свою голову под ярмом капитала. В неразрывной связи с ростом нищеты и гнета растет возмущение рабочего класса против капиталистического режима.

«Растет масса нищеты, гнета, порабощения, вырождения и эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, вышколенного, объединенного и организованного самым механизмом капиталистического процесса производства» (Маркс).

В самых различных формах колоссально усиливается классовая борьба, растет напряженность классовых столкновений труда с капиталом и наконец достигает такого кульминационного подъема, когда непосредственным вопросом классовой борьбы становится вопрос о власти, о диктатуре пролетариата. И тогда «бьет час капиталистической собственности, экспроприаторы экспроприируются». Поэтому глубочайшей ошибкой является изображать процесс обнищания рабочего класса односторонне—как процесс «деграда-

ции», игнорируя или не замечая другую сторону этого процесса — роста классовых антагонизмов, сознательности и организованности рабочего класса и обострения классовое борьбы.

Развитие кризиса ведет к резкому обострению классовой борьбы и нарастанию революционного подъема. Одним из наиболее ярких показателей его является крупный рост стачечного движения, развертывающегося на основе борьбы за экономические и политические требования пролетариата. Энергично оказывая сопротивление оголтелому натиску буржуазной диктатуры, пролетариат превращает свою оборонительную борьбу в контрнаступательную. По своей напряженности, размаху, гибкости и разнообразию форм стачечная борьба сегодняшнего дня безусловно представляет более высокую ступень в развитии стачечного движения.

Вопреки всем и всяким оппортунистическим и контрреволюционным троцкистским теориям об ослаблении воли пролетариата к боям во время кризиса и неизбежности в такие периоды упадка стачечной борьбы, по всем капиталистическому миру широкой волной нарастает стачечная борьба, носящая в значительной степени характер контрнаступательных боев рабочего класса.

Металлисты в Барселоне и Севилье, горняки Аустеррии, портовые и сельскохозяйственные рабочие в Испании, лодзинские текстильщики и горняки Домброва (Польша), ланкаширские текстильщики в Англии, горняки Пенсильвании, Кентукки, Огайо, американские текстильщики Юга и Новой Англии, бельгийские горняки Боринаша и десятков подобных районов, горняки Рура в Германии мужественно борются с буржуазией за свои экономические и политические права. Повсюду, во всех частях капиталистического мира вспыхивают огни напряженной стачечной борьбы, сигнализируя рост революционной активности пролетариата. Как развивается стачечная борьба за годы кризиса, если выразить ее в суммарных цифровых данных? К сожалению в наших братских компартиях и революционных профорганизациях нет своего учета стачечной борьбы. Поэтому приходится пользоваться неполными данными официальной статистики, которая несомненно преуменьшает стачечную борьбу, так как не указывает мелкие и средние стачки и вообще учет всей стачечной борьбы ведет неполно.

И все-таки, несмотря на неполноту таких данных, можно установить с достаточной несомненностью рост стачечной борьбы в процессе развития кризиса (см. табл. на стр. 185).

О чем говорят эти данные? Во всех основных капиталистических странах в 1931 и 1932 гг. произошел крупный рост стачечного движения. Характерными являются рост числа стачек, значительное увеличение количества рабочих, участвующих в стачках, и увеличение продолжительности всех стачек.

Даже в тех случаях, когда число стачек не увеличивалось

Движение стачек ¹

Страны	1930 г.	1931 г.	1932 г. (за три квартала)
САСШ			
Число стачек	653	894	601
Число участников (в тыс.)	158	279	217
Количество потерянных дней (в тыс.)	2 730	6 386	5 945
Англия			
Число стачек	422	420	311
Число участников (в тыс.)	3 087	644	276
Количество потерянных дней (в тыс.)	8 399	7 400	5 485
Германия			
Число стачек	366	497	1 640
Число участников (в тыс.)	225	177	—
Количество потерянных дней (в тыс.)	3 936	1 990	—
Польша			
Число стачек	322	340	345
Число участников (в тыс.)	50	102	1 025
Количество потерянных дней (в тыс.)	367	—	5 448

За три квартала 1931 г. стачек

За один сентябрь — декабрь 200 тыс. участников

или не росло количество участников стачки, последние все же становились упорнее и продолжительнее, что нашло свое выражение в огромном увеличении числа потерянных дней.

Кроме того теперь уже известно, что лето и осень 1932 г. ознаменовались сильнейшим новым подъемом стачек во всех капиталистических странах. Сравнительно мелкие многочисленные стачки в Германии являются авангардными боями пролетариата за свои экономические и политические интересы против буржуазии, начавшей новое еще более широкое наступление на рабочий класс с мелких и средних предприятий. Эти мелкие стачки являются предвестниками грядущих новых классовых столкновений.

Ведущими отраслями по стачечной борьбе являются: в Германии—горная, металлургическая, текстильная и строительная; в

¹Составлено по данным социального отдела Профинтерна и конъюнктурного отдела Института мирового хозяйства и политики.

Польше—горная и текстильная; в Англии—горная и текстильная; в САСШ — горная, текстильная, строительная и швейная.

При известных специфических различиях в национальном развитии стачечной борьбы и по разным отраслям производства стачечная борьба в горной, текстильной и металлургической промышленности во всех капиталистических странах носит наиболее массовый и упорный характер.

Удельный вес в стачечной борьбе отраслей, наиболее сильно охваченных стачечной борьбой (все отрасли — 100)¹

Отрасли	САСШ			Англия			Германия		
	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Горная . . .	28,0	22,9	31,3	14,8	8,3	67,2	2,8	8,0	36,6
Строительная.	19,2	15,2	8,0	0,6	1,2	1,2	2,6	4,7	0,6
Текстильная .	11,4	7,3	21,0	75,2	41,7	33,3	50,6	4,7	10,0
Швейная . .	26,2	34,3	19,1	0,4	0,7	0,3	2,6	9,1	0,4
Металлургическая	3,2	1,9	1,2	7,1	3,2	2,4	28,4	69,7	18,5

В противовес всякого рода капитулянтским призывам к пассивному сопротивлению, рабочий класс под руководством компартий в ходе борьбы переходит в контрнаступление, беря инициативу в свои руки.

Анализ причин возникновения стачек показывает, что если на первом месте стоит борьба против понижения заработной платы, то вслед за ней стоят стачки, возникшие в борьбе за лучшие условия труда, за повышение заработной платы, за признание профессиональных организаций (в САСШ 12% всех стачек прошло под лозунгом признания профсоюзов).

Это именно и вскрывает контрреволюционную сущность всякого рода «теорий», необходимости отказа от стачечной борьбы в период кризиса, призывов к пассивному сопротивлению и пр.: которые распространяются правыми капитулянтами и контрреволюционным троцкизмом.

Троцкистское неверие в способность рабочего класса вести активную наступательную борьбу прикрывается крайне условным предположением возможности стачечной борьбы в порядке обороны.

¹ По данным Профинтерна.

«Огромные оборонительные массовые стачки возможны и в Соединенных штатах, хотя здесь снижения заработной платы достигнуть легче, чем в Европе, вследствие того, что уровень заработной платы здесь был в свое время самым высоким в мире»¹.

Этим нытикам и маловерам невдомек, что в то время как они занимаются предсказанием поражений и возможности только оборонительных стачек, рабочий класс ведет уже активную стачечную борьбу.

Живая революционная практика классової борьбы вскрывает позорный провал этих контрреволюционных «теорий» господ капитулянтов. Она блестяще подтвердила правильность большевистского учения о стачечной борьбе, считающего, что в период кризиса, несмотря на вырастающие трудности борьбы, рабочий класс может не только отстаивать свои позиции, но и одерживать победы, вопреки предательству реформистских вождей.

Результаты стачечной борьбы за 1931 г.²

Страны	Число стачек	Успех	Поражение	Компромисс
САСШ	894	241 (28,80%)	410 (490%)	186 (22,20%)
Англия	420	108 (25,70%)	166 (39,50%)	146 (51,80%)
Германия	130	75 (570%)	33 (260%)	22 (170%)

В Польше более половины стачек закончилось победой рабочих, в Англии и САСШ около 30% стачек также закончилось победой рабочих. Значительная часть стачек закончилась такими «соглашениями», которые фактически означают отпор капиталистам и сохранение прежних позиций рабочих. Стачки носят характер обороны и наступления.

Что общего между этой революционной практикой стачечной борьбы и философией «мудрых пескарей», предсказывавших упадок революционной энергии рабочего класса в период кризисов и неизбежность поражений в стачечной борьбе?

¹ Преображенский, Закат капитализма, стр. 139. В той же самой работе Преображенский поддерживает буржуазные легенды о непрерывном повышении после войны реальной заработной платы в САСШ (стр. 110). Впрочем, что же в этом удивительного, если Троцкий писал еще в 1922 г.: «Доля пролетариата в национальном доходе после войны больше, чем до войны» (см. «Мировое экономическое положение и наши задачи»).

² По данным Профинтерна.

Прикрываясь возросшими трудностями борьбы, «мудрые пескари» используют каждое поражение для хныкания и сеяния пораженческих настроений. Их роль сводится к тому, чтобы оказывать помощь классовому врагу, тормозя подъем революционного движения.

Во всем «мудрые пескари» видят одни поражения и минусы, не видя побед в стачечном движении и накопления огромного революционного опыта, приобретаемого рабочим классом в ходе борьбы. Не впервой появляются эти «мудрые пескари». Про них писал Ленин:

«Нет, господа фабриканты! Даже в окончательном отношении (не говоря уже о политических стачках) завоевания рабочих страшны. Буржуазия не понимает ни рабочей солидарности, ни условий пролетарской борьбы. Около 300 тыс. рабочих за два года отдали на экономическую борьбу 3 млн. руб. Прямой выигрыш сразу получили 152 тыс. рабочих. А шаг вперед сделал весь рабочий класс»¹.

А рабочий класс в ходе современной стачечной борьбы сделал несомненно громадный шаг вперед. Сама борьба носит необычный характер как по своей напряженности и размерам, так и по разнообразию методов.

Стачечная борьба носит наиболее ожесточенный характер в САСШ, что свидетельствует об огромной революционной способности американского рабочего класса. После героической стачки 40 тыс. горняков западной Пенсильвании, восточного Огайо и западной Виргинии в начале 1932 г. началась стачка горняков в Кентукки. Она началась как оборонительная стачка против попыток нового понижения заработной платы и очень быстро поднялась до уровня напряженных классовых столкновений.

Предприниматели, учитывая уроки пенсильванской стачки, попытались провести новое понижение заработной платы обходным путем. Одна компания например провела это следующим образом. Она предложила ввести на шахтах разделение угля на плохой и хороший и оплачивать горняков за плохой уголь по половинной цене. Определение качества угля было возложено на мастеров, и в результате из каждых 5 *t* погруженного угля 3 *t* зачитывались плохими. В итоге произошло сокращение заработной платы на 40%".

Другая компания прибегла к еще более простому способу. Она уменьшила размеры вагонеток наполовину и на основе этого снизила расценку на каждую вагонетку погруженного угля на-

¹ Ленин, Фабриканты о рабочих стачках, Соч., т. XVI.

половину. Однако горнякам было предложено нагружать вагонетку углем «с высокой горой». В результате горняки стали нагружать вагонетку почти в том же размере за половинную плату. Одновременно с этими жульническими приемами началось все большее и большее понижение заработной платы по отдельным шахтам и местечкам. При помощи таких местных (локальных) сокращений заработной платы предприниматели рассчитывали провести всеобщее понижение заработной платы, дезорганизуя рабочий класс по частям. Представители желтого реформистского профсоюза горняков (UMWA) безоговорочно и без всякого сопротивления подписали соглашение о снижении заработной платы горнякам в западной Виргинии, Пенсильвании, Иллинойсе и ряде других мест.

Однако предприниматели неожиданно для себя напоролись на стачку. Отбрасывая в сторону реформистских «вождей», вроде Ван Биттнера и десятка ему подобных, «вождей», издавна набивших себе руку на обжуливании рабочих и торговле интересами рабочего класса оптом и в розницу, горняки под руководством революционного «Национального союза горняков» вступили в бой.

Описывая кентуккскую стачку, «Manchester Guardian» писал: «Собственники набирают армию охранников. Забастовщики употребляют динамит. В целом общество становится остро разделенным на два враждебных лагеря»¹.

Более подробное описание положения дела в Кентукки дает уважаемый господин Малькольм Говлей из редакции «New-Republic», ездивший вместе с группой писателей в Кентукки специально наблюдать войну труда с капиталом.

Трудно заподозрить такого уважаемого господина, как Говлей, в каком-либо сочувствии к коммунизму или в желании изобразить жизнь американских рабочих в духе «ободранного индивидуализма». И тем не менее получается потрясающая картина обнищания рабочих, когда читаешь отчет Говлея.

«Заработная плата в Кентукки,— пишет он,— в течение долгого времени находится на уровне, который кажется невероятным для остальной части страны (относительно того, как живут в остальных районах, мы уже видали и еще увидим.— Н. З.). Многие работают всего два дня в неделю. Два-три доллара в неделю составляют средний, «приличный» заработок. При таких заработках многие из горняков живут на бобовом супе и зачерствелом куске хлеба».

Стачка по существу является борьбой за право на еду!

«Предприниматели,— писал он в своем отчете,— имеют

¹ «Manchester Guardian» от 8 марта 1932 г.

деньги, армию, прессу, общественное мнение «лучших элементов» и особенно законы, которые являются их собственными законами».

На стороне рабочих — мужество и организованность. Они показали образец стойкости, упорно оказывая сопротивление угольным баронам и отвечая на оружейные и пулеметные залпы с их стороны всеми средствами борьбы — от камня до винтовки.

Огнестрельное оружие — наиболее распространенный вид оружия в этой классовой войне, констатирует Говлей. Воодушевленные дикой ненавистью к стачечникам, предприниматели решили подавить стачку голодной блокадой. Началось изъятие всяких продовольственных запасов из районов стачки, рабочие решили взять голодным измором. Озверелый характер борьбы предпринимателей с рабочими вызвал волну сочувствия к стачечникам среди левой части интеллигенции. Стали посылать продовольствие стачечникам, но оно не доходило. Стали посылать петиции о вмешательстве правительства в кентуккские дела, но они не находили никакого отклика, ибо, как констатирует тот же Говлей, «конституция САСШ делает почти невозможным вмешательство федерального правительства во внутренние дела штатов».

Несмотря на то, что кентуккские горняки вынуждены были стать на работу на условиях, предложенных босами, борьба эта сыграла большую роль в деле развязывания революционной активности других отрядов рабочего класса. Показав образцы мужественной борьбы, горняки Кентукки воодушевили своим примером горняков Огайо, Иллинойса, текстильщиков Юга и т. п.

Кентукки — это только первая глава, которая открывает большую историю стачечной борьбы горняков в 1932 г. В течение 1931 г. в шахте Огайо заработная плата горняков была снижена с 7 долл. до 3. Все тяжести кризиса и общей дезорганизации угольной промышленности предприниматели переложили на рабочих. Экономические условия стали настолько невыносимы, что в конце 1931 г. на большом пространстве вспыхнуло массовое стачечное движение, заставившее даже вождей реформистских профсоюзов разыгрывать собой сторонников стачки. Эта борьба продолжалась четыре месяца. В апреле вожди реакционных профсоюзов провели свой обычный предательский маневр — подписали за спиной бастующих договор о капитуляции. Таким путем был разбит фронт бастующих, началось массовое понижение заработной платы. Но рабочие не сдались. Началась новая локальная борьба шахтеров, переросшая через несколько дней после подписания договора о снижении заработной платы в новую массовую стачку. 40 тыс. горняков вновь поднялись на борьбу (в первый раз бастовали 45 тыс.). Борьба и здесь носила,

как и в Кентукки, небывало острый характер. Кровопролитные столкновения между вооруженными отрядами угольных баронов и стачечниками сопровождались военными действиями по всем правилам гражданской войны с применением пулеметов и взрывчатых веществ. Описывая эту борьбу, «New York Times» писала от 22 мая 1932 г., что это «рассказ о двух государствах». Буквально так же разворачивалась стачечная борьба в Иллинойсе. Вслед за одной стачкой, сорванной желтыми профсоюзными вождями, горняки начали по своему почину вторую стачку, не соглашаясь принять голодные условия предпринимателей.

«Стачка угольных шахтеров в Иллинойсе, которая закончилась соглашением около 10 дней назад, вновь возобновилась через несколько дней позже и привела к закрытию всех шахт, за исключением нескольких в Франклин, Герроу и Виллиамсене».

Так описывала положение дела «Times» от 29 августа 1932. г. Иллинойская стачечная борьба точно так же носила чрезвычайно острый характер. Вторая стачка началась с захвата горняками ряда городов в Иллинойсе. 10 тыс. горняков ворвались на захваченных машинах в город Тайлорвилль и оккупировали его, требуя от предпринимателей сохранения прежнего уровня заработной платы.

На следующий день также была сделана попытка захватить город Бентон. 15 тыс. забастовщиков двинулись на Бентон на 8 колоннах автомобилей длиной в 4 мили, чтобы освободить своих товарищей, работающих под охраной вооруженной полиции. Весь штат был поднят на ноги. В каждом местечке и городе шериф и вся его банда собственников со своими наемными охранниками производили набеги на рабочие собрания, пуская в ход оружие. Та же самая «Times» сообщает, как в одном местечке такие отряды «напали на массовое собрание рабочих, рассеяли их пикеты и открыли по головам горняков пулеметный огонь».

Высокая напряженность и острота стачечной борьбы, несмотря на различие форм и методов ее, свойственны всем отраслям промышленности Америки. Так например в текстильных районах для срыва стачек предприниматели бросают банды хулиганов, штрейкбрехеров, полицию, которые патрулируют по улицам городов, обеспечивают неприкосновенность хулиганам (Thugs) и срывают стачечное движение.

Хотя и в иных формах, упорные стачечные бои происходят во всех капиталистических странах. Ланкаширская стачка текстильщиков продолжалась более трех месяцев. Борьба нескольких тысяч рабочих, начатая против снижения заработной платы в небольшом промышленном городке Бернлей, быстро перекинулась на весь Ланкаширский район и привела к стачке 200 тыс. текстильщиков. Точно так же большим упорством сопровождались

стачки портовых рабочих, рабочих электростанций, трамвайщиков и автобусников в Лондоне.

В северных частях Ирландии разыгрались сражения рабочих с полицией.

«11 октября,—сообщает корреспондент «Правды»,—в Бель-фасте безработными были сооружены баррикады в борьбе с полицией, которая пыталась не допустить демонстраций протеста против снижения выдаваемых безработным пособий. Во время стачек с рабочими, происходивших в разных районах города, полиция прибегала к помощи броневиков, снабженных пулеметами. Полисменам, обычно вооруженным только револьверами, были розданы винтовки. Несколько раз полиция открывала огонь по демонстрантам. Трое рабочих убито, ранено около 100».

Несмотря на сравнительно мелкие авангардные стачечные бои немецких рабочих в текстильных, металлургических и прочих предприятиях, они также отличаются теперь упорством сопротивления и свидетельствуют о большой революционной решимости рабочего класса к борьбе.

Самоуверенное настроение германской буржуазии, хвастливо заявлявшей, что рабочий класс покорно переносит понижение заработной платы и роста безработицы, испарилось, как дым, о первого же часа стачки берлинских трамвайщиков. Под руководством революционной профорганизации в ноябре забастовали 20 тыс. берлинских транспортников.

Замерло почти все движение на 72 трамвайных линиях, прекратилось автобусное движение. Организовано и по-боевому ответили транспортники на снижение заработной платы.

Над Берлином нависли ноябрьские настроения, хорошо знакомые германской буржуазии по 1918 г.

В период такой напряженной обстановки буржуазия усиливает комбинированные методы борьбы с рабочим классом, сочетает открытое насилие и террор с использованием социал-фашистских партий и реформистских профсоюзов для обмана масс.

Пробуя разгромить рабочее движение, в прямой, лобовой атаке, буржуазия одновременно использует реформистские профсоюзы для разложения стачечного фронта изнутри. История всей стачечной борьбы учит, что поражения рабочего класса в подавляющей части являются результатом предательства стачек вождами реформистских профсоюзов, которые возглавляли стачечную борьбу для того, чтобы ее обезглавить. Включаясь в стачечную борьбу, реформистские профсоюзы вместо развязывания революционной энергии масс начинают сеять сомнения, распространять провокационные слухи о готовности отдельных предприятий встать вновь на работу и за спиной рабочих ведут переговоры с предпринимате-

лями о прекращении стачки и арбитража. Разбивая стачку локальными переговорами с предпринимателями или даже, вопреки воле бастующих, принятием условий предпринимателей в общем масштабе, реформисты наносят изнутри смертельный удар по единству стачечного фронта. В самый разгар борьбы, когда нужно было организовывать и поднимать все новые и новые массы на стачечную борьбу, расширять фронт стачки и переводить ее на более высокий уровень, господа Ван Биттнеры, Хеверлеи и пр. тормозили и разлагали рабочее движение петиционными кампаниями, ведя за спиной рабочих секретные переговоры о капитуляции.

В своей петиции на имя Гувера они просили последнего созвать объединенное заседание представителей владельцев угольных компаний с представителями союза горнорабочих Америки (United Mine Workers of America), чтобы договориться на определенном проценте понижения заработной платы взамен признания права на существование желтого профсоюза. За спиной рабочих происходил торг, за какую цену продать стачку. Подобные методы срыва стачек применяются во всех капиталистических странах. Почти таким же образом была сорвана последняя стачка текстильщиков в Ланкашире. Рабочая партия и лидеры тред-юнионов сделали все усилия, чтобы скорее сорвать ее и сдаться на «милость» победителя. Вместо развертывания стачечной борьбы они, так же как и американские реформисты, стали растрчивать энергию масс на петиционные кампании, обрекая на бездейственность стачечное движение. Изо дня в день «Herald» вела кампанию за вмешательство правительства в стачку, за организацию арбитража, пытаясь этими испытанными средствами обходного предательства разбить стачку. Но что означает вмешательство правительства и арбитраж, это хорошо знает каждый сознательный рабочий, ибо за период существования одного только «национального» правительства заработная плата текстильщиков была уменьшена на 226 тыс. ф. ст. еженедельно и тысячи рабочих подведены под «Means Test». Каждый сознательный рабочий также хорошо помнит, что вмешательство Макдональда в стачку текстильщиков в 1929 г. обошлось рабочему классу всеобщим понижением заработной платы.

Одновременно с ведением «петиционной» кампании лидеры тред-юнионов вели переговоры о принятии голодных условий работы и быстро подписали соглашение о принятии 8-процентного понижения заработной платы. Чему учат все эти события? Тому, что реформистские профсоюзы настолько прониклись интересами господствующих классов, что они не в состоянии сколько-нибудь серьезно бороться даже за элементарные экономические интересы рабочей массы. Простые экономические функции становятся не по плечу реформистским профсоюзам, ибо они являются послуш-

ным орудием буржуазной политики в рабочем классе, а борьба масс за элементарные нужды становится несовместимой с самыми основами существования капитализма. Отсюда вытекает необходимость максимального усиления работы среди рядовых рабочих реформистских профсоюзов для перевода их на путь революционной борьбы, на путь организации единого фронта снизу под руководством компартий и революционных профсоюзов. Отсюда же вытекает необходимость более решительной организации революционных профсоюзов для самостоятельной революционной борьбы рабочих под руководством компартий с капиталом и с реакционными вождями реформистских союзов.

Перед лицом нового революционного подъема социал-фашизм начинает внутри себя производить перегруппировку сил, прибегая все шире к «левым» маневрам.

В качестве заслона против революционного подъема масс выдвигаются всевозможные «левые» социал-фашистские организации, идущие в своей социальной демагогии до выставления лозунгов «защиты СССР», «борьбы против войны», «борьбы за уничтожение капиталистического строя», подготовки «массовой политической стачки», предложения единого блока с Коминтерном и т. д.

Объективная роль этих «левых» маневров состоит в том, чтобы приостановить отход масс к коммунизму, задерживая их на социал-фашистском перепутьи утонченной «левой» фразеологией.

Усиление деятельности «левых» социал-фашистов является вместе с тем косвенным отражением революционного подъема, который социал-фашизм пытается использовать, чтобы спасти свое прежнее влияние в массах. Классическим примером подобного рода «левых» маневров может служить движение «Conference for Progressive Labor Aktion» в САСШ, руководимое Мости.

Возникнув в послевоенный период мостизм имел до кризиса небольшие успехи, оставаясь незначительной «левой» фракцией социал-реформизма. В годы кризиса на волне революционного подъема он усилил свою активность, расширил свои ряды и влияние при помощи социальной демагогии и радикальных «левых» лозунгов.

Методы работы этой организации, нужно отметить, отличаются большой продуманностью и деловитостью. Собрав в апреле свою конференцию без всякого шума и рекламы, делегаты (100 человек) в течение трех дней разрешили большое количество вопросов практической работы и разъехались сразу по местам для вербовки новых членов и подготовительной работы к организации новой рабочей-фермерской партии¹. На конференции каждый

¹ «Мы подчеркиваем, что пришло время для организации рабочих в этой стране, чтобы серьезно подумать относительно возможности организации объединенной политической партии рабочих и фермеров» («Labour Age» за май 1932 г.).

делегат кратко информировал о ходе работы в своем районе, ставил вопросы, получая тут же ответы и конкретные указания. На конференции не было никаких докладов, все проходило в обстановке быстрого, делового решения поставленных вопросов.

Эта деловитость в «работе сочетается с «левой» социальной демагогией и саморекламой в пропаганде своих взглядов.

Умело спекулируя на национальных чувствах и раздувая их, Мости и вся его партийная агентура рекламируют, что они являются представителями «прогрессивных рабочих» — организации, корни которой находятся в американской почве, которая старается изучить лицо действительной американской жизни и поддерживает рабочих в каждодневной борьбе за хлеб и справедливость, против предательских контрактов, что они за установление контроля над промышленностью, уничтожение капиталистического строя и создание республики рабочих американскими методами¹.

Учитывая резкое падение влияния на массы со стороны АФТ, моститы инсценируют оппозицию последней, выставляя против нее ряд острых обвинений. Спрашивая, почему последний съезд АФТ прошел в городе, отдаленном от (центров рабочего движения, Мости пишет, что очевидно «лидеры АФТ боялись, что делегаты бросятся к слишком радикальной фразеологии, если они соберутся в центре безработицы и бедности восточных и среднезападных промышленных центров»².

Фрондируя против АФТ, моститы призывают к организации неорганизованных масс в основных отраслях промышленности, к борьбе за очищение от бюрократии и коррупции существующих реформистских унионов и к подталкиванию этих профсоюзов к более воинственной политике.

Одновременно с этим моститы рекламируют себя как подлинных рабочих-революционеров, а не интеллигентов или дилетантов, проводящих время в теоретических дискуссиях, они выставляют себя как единственно способных людей разговаривать с американским рабочим на его рабочем языке. Своим девизом они берут слова Авраама Линкольна: «Эта страна с ее институтами должна принадлежать народу, который ее населяет».

В качестве основных программных моментов «левые» демагоги выставляют следующие положения:

1. Интересы слуг и господ различны и не могут быть примирены при капитализме.
2. Капитализм должен быть уничтожен.
3. Вслед за тем «мы хотим установить плановое хозяйство» и «республику рабочих соединением всех рабочих республик мира».

¹ См. Moste The A. F. of L. 1931.

² Ibid. p. 5.

4. «Мы стоим за энергичную защиту советского режима, против капитализма и империалистических врагов». Или еще: «Фашизм развивается в САСШ, как и везде во всем мире, исключая Россию, в которой рабочие уничтожили капитализм и строят республику рабочих»!.

На первый взгляд эта «программа» может показаться серьезной угрозой капиталистическому режиму. В действительности она целиком находится в плоскости обычных социал-фашистских воззрений. За «левой» фразеологией здесь скрывается, как и всегда, отрицание диктатуры пролетариата, отрицание классовой борьбы и гражданской войны, борьба против национализации капиталистической собственности, борьба против руководства коммунистических партий и Коммунистического интернационала в международной пролетарской революции.

И таково истинное лицо всех «левых» социал-демократов без исключений.

По всему фронту происходит мобилизация сил «левых» социал-фашистов для спасения капитализма. Кризис социал-фашизма становится все глубже. Положение обязывает маневрировать для того, чтобы удержать за собой массы. И вот «левые» прожженные предатели рабочего класса, вроде господина Отто Бауэра и исполкома II Интернационала, выставляют ряд новых «левых» лозунгов.

Делая доклад на партийном собрании австрийской социал-демократической партии, Бауэр выставлял себя горячим сторонником единого фронта, сторонником большевистского опыта русской революции... только без диктатуры пролетариата и террора. Угрожая репрессиями своим рядовым членам партии, которые против воли своих вождей тянутся к единому фронту под руководством компартии, Бауэр расточал медовые речи по поводу идеи единого фронта сверху.

Старый оппортунистический раскольник рабочего движения о ханженском видом призывает преодолеть раскол внутри рабочего класса.

«Раскол внутри рабочего класса должен быть преодолен» («Arbeiter Zeitung», Wien, 5 ноября 1932 г.).

«Речь идет,—верещит этот заядлый «левый» оппортунист,—не только об едином фронте в Австрии, но об едином фронте в международном масштабе». Что нужно сделать, чтобы это осуществить, спрашивает Бауэр.

«По моему глубокому убеждению, имеется только единственный путь к единому фронту пролетариата в интернациональном масштабе, и этот путь—путь прямых переговоров между социалистическим рабочим Интернационалом и Коминтерном (бурные аплодисменты). Только от Интернационала к Интернационалу, только между Цюрихом и Москвой может быть основан единый фронт пролетариата»

¹ «Labour Age», май 1932 г.

(там же). Так, спекулируя на растущих симпатиях широчайших масс к Коминтерну и коммунистическим партиям, социал-предатели прибегают к изощренной «левой» демагогии, чтобы задержать резкое падение своего влияния в массах. Поднимая крики об историческом 12-м часе капитализма, эти господа напрягают все усилия, чтобы спасти капитализм от пролетарской революции и расчистить дорогу фашизму, подобно германским Вельсам. Поднимал крики о положительном признании ими русского опыта пролетарской революции (ибо это признают широчайшие массы трудящихся), эти господа призывают «не копировать» его, обойтись без диктатуры пролетариата, т. е. без основы основ социалистической революции.

Изображал себя пламенными сторонниками единого фронта, они на самом деле держат единый фронт с буржуазией, ожесточенно борясь против революционного единого фронта рабочего класса под руководством компартий и Коминтерна на основе программных и тактических требований коммунизма.

Вот почему «левые» социал-фашисты одни из самых опасных врагов рабочего класса, и их—«левые»—маневры должны быть разоблачены, как маневры классового врага. Известно, что точно так же в Англии независимая рабочая партия—левая фракция английской рабочей партии,—прикрываясь «левой» фразеологией, выполняет такую же работу торможения революционного подъема. Впрочем совсем недавно господин Броквей, руководитель независимой рабочей партии, еще раз подтвердил, что все различия между этими двумя партиями буржуазии — мнимые.

«Независимая рабочая партия принимает цель рабочей партии — социализм и вообще ее программу. Имеются только отдельные вопросы, которые мы не принимаем. Но в большинстве вопросов мы принимаем эту программу».

ПУТЬ СССР— ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ ЛИКВИДАЦИИ ОБНИЩАНИЯ

На фоне катастрофического упадка капитализма и потрясающих размеров обнищания рабочего класса особенно ярко выглядят успехи строительства социализма в СССР. Рост успехов социализма несет трудящимся массам неуклонный подъем материального и культурного уровня. В СССР создана впервые в истории человечества обстановка для неограниченного улучшения материально-культурного положения масс.

Подъем благосостояния масс далеко выходит за рамки одного только роста заработной платы. Вся совокупность факторов, определяющих положение трудящихся масс в нашей стране, указывает на непрерывный подъем уровня жизни советского рабочего и трудящегося крестьянина.

Одной из колоссальных исторических побед, одержанных рабочим классом под руководством партии во главе с ее ленинским ЦК, является полная и бесповоротная ликвидация безработицы, уничтожение обнищания и пауперизма в деревне.

Ликвидация безработицы в СССР есть блестящая демонстрация полного преимущества социализма над капитализмом, открывшего на основе диктатуры пролетариата исключительную перспективу общественного развития.

«Одно из основных завоеваний пятилетки в 4 года состоит в том, что мы уничтожили безработицу и избавили рабочих СССР от ее ужасов» (Сталин).

В огне ожесточенной классово-борьбы с кулачеством и в борьбе с правыми оппортунистами и контрреволюционным троцкизмом партией была проведена социалистическая переделка страны и ликвидация безработицы. В то время как в капиталистических странах происходят непрерывные увольнения рабочих и рост безработицы—в СССР мы имеем последовательный рост численности рабочего класса на основе огромного социалистического строительства. За период выполнения первой пятилетки произошло увеличение численности рабочего класса и наемного труда (с 11 до 22 млн. человек). Фонд заработной платы увеличился за эти же годы с 8 до 30 млрд. руб. Средняя заработная плата повысилась на 81%. В каждой работающей семье стало больше работающих, чем раньше, и следовательно увеличился общий заработок рабочей семьи. К этому надо прибавить социализированный фонд заработной платы, составляющий около 37% заработной платы и целиком идущий на дальнейшее улучшение материального и культурного положения масс. Исключительным достижением советского строя является сокращение продолжительности рабочего дня до 7 часов, а во вредных производствах—до 6 часов, с 9 часов средней продолжительности рабочего дня в 1913 г. Крупным фактором в деле повышения жизненного уровня рабочего класса и раскрепощения семьи от власти кухни является исключительно мощный рост общественного питания (в 1928 г. было охвачено 500 тыс. человек, в 1932 г.—14 млн. человек).

Наряду со всем этим рабочий класс имеет крупнейшие, совершенно невиданные для капиталистических стран достижения в области просвещения, системы здравоохранения и охраны труда, жилищного строительства и т. д.

Достаточно только сказать, что в одной высшей школе учатся 500 тыс. рабочих и крестьян, в техникумах— 950 тыс., более 900 тыс. в рабфаках и 1 177 тыс.—в ФЗУ и профшколах.

Почти 3 млн. рабочих и крестьян по одной только этой системе учатся за счет государства, получая стипендии, различ-

вые льготы и всемерную поддержку пролетарского государства. Ни в одном буржуазном государстве рабочий не может мечтать о каком-либо подобии такой системы здравоохранения и охраны труда, какая существует в СССР. Рабочий в капиталистических странах обречен на жесточайшую капиталистическую эксплуатацию.

С того же момента, когда он окончательно растрастит все свои силы, все свое здоровье, он выбрасывается за ворота предприятия и попадает в ряды инвалидной армии безработных.

Только в СССР, только в стране пролетарской диктатуры труженику обеспечен завтрашний день. Нет и не может быть в нашей стране такого положения, чтобы заболевшему или потерявшему трудоспособность рабочему не было обеспечено таких же условий существования, какие имеются у работающих на предприятиях.

Только в нашей стране трудящиеся массы пользуются систематическим гарантированным ежегодным отпуском о полном сохранении заработка. Только при нашем строе возможно такое положение дела, когда значительная часть рабочего класса обеспечивается ежегодно бесплатными санаториями, домами отдыха и все трудящиеся бесплатной медицинской помощью.

«Все это создает такую обстановку работы и быта рабочего класса, которая дает нам возможность вырастить новое поколение рабочих здоровых и жизнерадостных, способных поднять могущество Советской страны на должную высоту и защитить грудью от покушений со стороны врагов» (Сталин).

Изменилось коренным образом самочувствие труженика в Советской стране, ибо он уверен в завтрашнем дне и знает, что ему не угрожает ужас безработицы.

Рабочий класс, как единственный создатель материальной, а следовательно и духовной культуры, по праву занял господствующее положение строителя нового общества.

Изменяется коренным образом культурный облик нашей страны. Не узкий круг буржуазно-паразитических классов, как это происходит в капиталистическом обществе, а широчайшие массы трудящихся пользуются результатами общественного труда и создают свою собственную культуру.

На основе крупнейших исторических достижений первой пятилетки, обеспечивших уничтожение обнищания и нищеты в деревне, партия вооружилась для проведения нового колоссального подъема колхозного хозяйства, дальнейшего роста материального и культурного уровня трудящегося крестьянства.

В то время как трудящееся крестьянство в капиталистических странах гибнет и разоряется под ударами хронического кризиса

и буржуазия планирует «оздоровление» сельского хозяйства за счет экспроприации последних наделов земли,—в это время в СССР растет и крепнет благосостояние трудящегося крестьянина на основе социалистической переделки сельского хозяйства. В капиталистических странах сельская буржуазия отнимает у крестьян землю и гонит их в капиталистические города, но городская буржуазия сама сокращает рабочих и гонит их в деревню. Капиталистический город и капиталистическая деревня одинаково остаются закрытыми для трудящихся масс. Вытолкнутые и из капиталистического города, и из капиталистической деревни,—трудящиеся массы обрекаются на еще более чудовищные муки нищеты и голода.

Только социалистический путь переделки сельского хозяйства выведет крестьянство капиталистических стран из трясины нищеты и эксплуатации на путь систематического повышения их материального и культурного уровня, как это уже проверено на опыте социалистического строительства в СССР.

Что может противопоставить капиталистический мир величю решенных задач первой пятилетки, кроме роста нищеты, обнищания и эксплуатации рабочего класса? Вот почему СССР, явившись мощным фактором конца относительной стабилизации капитализма, все более становится притягательным центром для мирового пролетариата. Поступательный рост социализма в СССР укрепляет решимость рабочего класса капиталистических стран довести до победного конца борьбу за пролетарскую революцию, за диктатуру пролетариата. Путь СССР есть единственный путь ликвидации обнищания:

«Пусть господствующие классы содрогаются перед коммунистической революцией».